

И. Я. МУРЗИНА

**РЕГИОНАЛЬНОЕ
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО:
структура, функции,
социокультурный потенциал**

Монография

Москва–2014

УДК 37
ББК 71.4(2Рос)
М 91

Рецензенты:

Быстрова Т. Ю., доктор философских наук, профессор
Рубина Л. Я., доктор философских наук, профессор

Мурзина Ирина Яковлевна
М 91 **Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал. Монография.** – М. : Издательство Перо, 2014. – 197 с.

ISBN 978-5-91940-986-1

Монография посвящена теоретическому анализу регионального культурно-образовательного пространства. На примере Уральского региона автор раскрывает его специфические черты, рассматривает круг субъектов и структурно-функциональную модель регионального культурно-образовательного пространства. Особое место уделяется сферам культуры и образования, раскрываются возможности их взаимодействия как условие развития человеческого потенциала территории. В работе обоснована сущность социокультурной экспертизы и выявлены ее возможности при анализе культурной политики в регионе. В заключение раскрываются перспективы развития регионального культурно-образовательного пространства. Монография адресована социологам, культурологам, специалистам социально-культурной сферы.

Работа подготовлена в рамках проекта № 12-13-66007 «Региональное культурно-образовательное пространство: структурно-функциональная модель, социокультурный потенциал» при поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области.

УДК 37
ББК 71.4(2Рос)

ISBN 978-5-91940-986-1

© Мурзина И. Я., 2014

Введение

В современной гуманитарной науке категория пространства становится не только определяющей, но и приобретает характер метафоры, с помощью которой описываются всевозможные «среды» как в физической протяженности, так и в ее ментальной или виртуальной сущности. В этом кроется определенная методологическая опасность, поскольку содержательная нагруженность категории зачастую не позволяет в полной мере описать социально-культурное явление, четко определить его границы, дать развернутые характеристики.

В то же время именно категория пространства как нельзя лучше подходит к описанию феноменов, обладающих качествами протяженности, осмысленности и представимости. В качестве предмета анализа в представленной монографии выступает региональное культурно-образовательное пространство, которое понимается как сложно организованная целостность, ключевыми компонентами которой выступают сферы культуры и образования, актуализирующие и транслирующие смыслы, созданные в процессе человеческой деятельности в регионе и определяющие идентичность жителей и их образ жизни.

Необходимость изучения регионального культурно-образовательного пространства обусловлена теми трансформациями, которые переживает современное общество, усиливающимися процессами глобализации и, как следствие, активизировавшимися процессами регионализации, потребностью сочетать в системе федеративного государства потребности каждого его компонента-региона, переопределение задач в социокультурной сфере, связанных с поисками ответов на вызовы времени. Осмысление задач, стоящих перед региональным социумом, востребовало

анализ культурно-образовательного пространства с целью определения направлений его перспективного развития.

Задачей нашей работы было создание структурно-функциональной модели регионального культурно-образовательного пространства, описание его сущностных характеристик и свойств, раскрытие культуротворческого потенциала и определение условий для формирования и становления социально ответственной личности. Изучение регионального культурно-образовательного пространства ведется на основе анализа отдельных фактов и явлений, выявления семиотических кодов, воплощенных в пространстве, социологической интерпретации наиболее значимых событий, имеющих историческое и актуальное измерение, раскрытия педагогических условий для формирования идентичности молодого человека – жителя региона и гражданина своей страны, условий для развития человеческого потенциала.

Одним из направлений актуализации социокультурного потенциала территорий в настоящее время является формирование единого культурно-образовательного пространства региона, интегрирующего различные социальные среды и системы, существующие в современном культурном пространстве разрозненно, по отраслевому принципу: системы образования, культуры, социального обеспечения, планирование развития городской инфраструктуры.

В контексте концепции культурно-образовательного потенциала открываются перспективы поиска форм, способных аккумулировать человеческий потенциал региона, поддерживать и стимулировать инновационную направленность развития территории, формировать продуктивную социокультурную среду, совместно использовать потенциал систем образования и культуры. Проблема заключается в том, что в настоящий момент на региональном

уровне не сформированы общее представление о культурно-образовательном пространстве как системе, не разработаны механизмы его функционирования, не проанализированы институциональные аспекты его воплощения, управления его развитием.

Новизна предлагаемого подхода заключается в том, что впервые решается задача системного описания данного феномена в аксиологическом, семиотическом, антропологическом аспектах с использованием соответствующих методов. В основу анализа регионального культурно-образовательного пространства положен метод системно-логического анализа, предполагающий выявление существенных характеристик, конструктивных элементов и системных взаимосвязей между компонентами описываемого пространства.

Объектом анализа является Средний Урал, региональное культурно-образовательное пространство которого опирается на исторически накопленный социокультурный потенциал. Научная рефлексия направлена на осмысление того, насколько ценностно-нормативное ядро региональной культуры обуславливает состояние и динамику развития культурно-образовательного пространства территории.

Анализ ведется через интерпретацию специфики городской среды с использованием методики анализа социокультурного портрета региона. Подобный подход продиктован стремлением обнаружить и зафиксировать свойства регионального культурно-образовательного пространства, характеризующие его как целостное образование.

Исследование опирается на принципы системного, структурно-функционального, историко-генетического анализа, специфику интегративного подхода, позволяющего рассматривать развитие общества как взаимовлияние действий социальных субъектов и структур. Исследование

опирается на конкретно-социологические методы (сбор, анализ и социологическую интерпретацию источников, контент-анализ документации) в рамках структурно-функционального, факторного, моделирующего подходов.

Ключевыми вопросами, на которых акцентируется внимание в данном монографическом исследовании, выступают представление регионального культурно-образовательного пространства как системы, выявление возможностей для взаимодействия сфер культуры и образования как условия актуализации человеческого потенциала региона, раскрытие специфики социокультурной экспертизы регионального культурно-образовательного пространства через анализ культурной политики, обозначение перспективных направлений развития регионального культурно-образовательного пространства.

Глава 1. Региональное культурно-образовательное пространство: структурно-функциональный анализ

1.1. Региональное культурно-образовательное пространство: попытка определения

Избирая в качестве ключевого понятия категорию «пространства» мы опираемся на сложившиеся в европейской философии традиции, начинавшиеся еще от Аристотеля. Позже в работах И. Канта, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля пространство предстало как объект научного размышления. Изучение фундаментальных основ пространства связано с работами Э. Гуссерля, М. Хайдеггера. Пространство, характеризующее структурность и протяженность материальных объектов, является одной из универсальных категорий, позволяющих более или менее целостно описать окружающий человека мир. На протяжении XX в. философами, социологами и культурологами были предложены модели, связанные с осмыслением пространства: земное или географическое пространство рассматривалось как проявление архетипов сознания (М. Элиаде); появились исследования, обращающиеся к «близкому», освоенному человеком географическому пространству (Г. Башляр); анализировались связи физического и социального пространства, механизмы «присвоения» (П. Бурдьё); само пространство философской рефлексии стало «географизироваться» (М. Фуко, Ж. Делез и Ф. Гваттари), наполняя дополнительными смыслами пространство жизни; анализ семантики пространственных образов («топос» и «логос» семиотической школы) дал еще одну возможность к пониманию взаимообусловленности мира культуры и мира природы. Особое место заняли исторические исследования, связавшие географическое пространство и культуру, возникающую в его координатах (А. Тойнби, Л. Гумилев).

Можно констатировать, что сложилась исследовательская традиция изучения категории «пространство», раскрывающая его философский смысл (работы С. Азаренко, А. Анисимова, Г. Кибасовой, Ю. Лотмана, Л. Матрониной, И. Петровой, В. Потемкина, Н. Седовой, А. Сиимонова и других); культурологическое измерение (работы А. Бабаевой, А. Быстровой, Г. Гачева, Ю. Жданова, С. Иконниковой, А. Кармина, Л. Когана и других); социологическую составляющую (работы Г. Зборовского, З. Голенковой, В. Курашовой, А. Куликовой, В. Обухова, Ф. Файзуллина, А. Филиппова и других); политическую составляющую (работы Э. Азроянца, И. Андреева, Н. Замятиной, М. Ильина и других); экономическую составляющую (работы О. Иншакова, В. Кашицына, Ю. Осипова, Б. Ракитского и других). Как справедливо отмечает О. Рензин, «научное сообщество совместными усилиями добилось того, что практически в каждой исследовательской программе сложилось свое индивидуальное представление не только о том, каким инструментарием следует изучать закономерности пространственного развития, но и о том, что оно из себя представляет. Возникла ситуация, в которой сложившееся количество научных специальностей создало, как минимум, тождественное количество теоретически сконструированных пространств»¹.

В последние десятилетия в рамках гуманитарной географии пространство интерпретируется как единство природно-географических условий жизни и форм культуры, которые в нем возникают (работы таких исследователей, как И. Валлерстайн, Ю. Веденин, А. Дружинин, Д. Замятин, К. Зауэр, В. Каганский, Р. Кабо, И. Корнев, К. Солтер, Р. Туровский и других). Важное место в осмыслении

¹ Рензин О.М. Интеграция исследований пространств социума (о саммите исполнителей Программы № 31 Президиума РАН) // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 178.

пространства в социально-экономических науках занимает раскрытие закономерностей пространственного развития, предполагающий междисциплинарный статус исследований, раскрывающих его многомерность и гетерогенность. Примером может служить утвержденная на 2009-2011 гг. Президиумом РАН программа «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (координатор акад. А. Гранберг).

Собственно, вопрос о пространстве перешел из плоскости общих философских категорий, раскрывающих формы бытия материального мира, в плоскость операциональную, позволяющую описать и интерпретировать сами эти формы. В культурологии сущностные характеристики пространства (протяженность, структурность) осмыслены конкретно исторически – «пространство культуры» – скорее как определяющие координаты культуры, раскрывающиеся через категории взаиморасположения объектов и субъективного восприятия существующих форм. Сложность понимания пространства культуры обозначил А. Пигалев в известной словарной статье энциклопедии «Культурология. XX век»: «Специфика пространства состоит в том, что оно, в отличие от находящихся в нем материальных предметов, не может быть воспринято с помощью органов чувств, а потому его образ соединен с определенными метафорами и обусловлен ими»². Категория «пространство культуры» одновременно предполагает размышление о месте культуры, ее закреплённости в физическом мире и переживании пространства, реализующемся в символически наполненных феноменах.

Развитие культуры можно рассматривать как деятельность человека по изменению пространства

² Пигалев А.И. Пространство культуры // Культурология. XX век. – 1996. URL: <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/419.htm>

(о. П. Флоренский). Такому взгляду способствует не просто изменение границ, в которых существуют отдельные культуры, но и те трансформации, которым подвергся мир в эпоху глобализации. Можно сказать, что современный мир – это сложно структурированное целое, каждый из элементов которого находится в постоянном движении.

Глобализация как процесс не просто повлияла на пространство культуры, но создала новую, по сравнению с прошлым, ситуацию. Субъективное переживание реальности приводит к ощущению сжимающегося пространства – близость физически удаленных предметов и явлений, опосредованная медиа, предполагает не плоскостную линейность, но вертикально ориентированное множество. Чувство наполненности пространства, объективированное в слове, зримом или звучащем образе, символически воспринятом явлении, перестает «привязываться» к конкретным географически закрепленным координатам, становясь по преимуществу ментальным конструктом. В этой связи сама категория «пространство» как будто утрачивает первоначальный смысл, превращаясь из количественно измеримой в качественно-субъективную.

Это можно проиллюстрировать хорошо известным примером. Париж – город на географической карте и «духовная Мекка». Многочисленные образы города, растиражированные кино и фотографиями, умноженные на мысленные путешествия с героями книг и путевых очерков, приводят к ощущению присутствия и обладания независимо от того, видели ли вы настоящий Париж, и грозят разочарованием, когда происходит встреча в реальности.

В то же время анализ пространства культуры предполагает объединение физического и ментального как двух взаимообусловленных и взаимоопределяющих сфер. Это видно, например, в обращении к культурному наследию. *Genius loci* присущ не только отдельному человеку, но и

архитектурному сооружению или уголку земли. Утрата памятника воспринимается не просто как физическое изменение, а именно как символическое действие, лишаящее человека «духовной оседлости» (Д. Лихачев), опустошающее культурную память.

Опасность глобализованного мира, на наш взгляд, состоит еще и в том, что изменившееся отношение «близкого» и «дальнего» в проекции культурного пространства зачастую обесценивает «близкое». Можно рассуждать о единстве глобального и локального в современном мире, рассматривать процесс глокализации, когда вместо ожидаемого стирания регионально-локальных отличий происходит их восстановление и усиление, как ключевую тенденцию мирового развития, но факты говорят об обратном: территориально близкое не обладает качеством абсолютной ценности. 60% мирового культурного наследия, сосредоточенного в Италии, не могут идти в сравнение с единственной сохранившейся от XVII века избой, музеи Кремля не сопоставимы с коллекциями местного краеведческого музея. И сопоставлять их бессмысленно и безнравственно. Однако мир, в котором ценности культуры существуют «где-то далеко», не предполагает значимость «близкого» пространства.

Вопрос о региональном/локальном пространстве обращает нас к попытке обозначить его границы, описать его характерные черты как ценностно-значимые для социума.

Идя от изначального понимания слова «регион» (от лат. *regionalis* – местный, областной), аналитики исследуют пространственный фактор, играющий значительную роль при обращении к социально-территориальной общности. Исследователи при этом констатируют, что само понятие «регион» является многоуровневым: «Это – город и

его округа; район и его области; края, республики, автономные округа; государство и его районы; международное регионально сообщество и входящие в него государства, крупные регионы мирового сообщества (Азиатско-Тихоокеанский, регион стран СНГ и т.д.)»³. Эта многоуровневость касается, прежде всего, пространственных различий и связывается с системами управления. На наш взгляд, территориально закрепленное образование (регион) обладает значимостью тогда, когда может быть рассмотрено как пространство культуры. Как отмечает В. Каганский, сегодня речь должна идти о региональной герменевтике, постижении культурных, идеологических и политических контекстов и смыслов, столь разнообразно представленных в современном мире.

Мы считаем, что *регион представляет собой целостное пространство культуры, отличающееся природно-географическими и историко-культурными реалиями.*

Первые работы, связанные с исследованием отдельных регионов России, были краеведческими. В них особое внимание уделялось описанию природно-географических, этнических или хозяйственно-экономических отличий. Сегодня изучение региона как пространственного образования углубляется анализом его социально-экономического и политического развития. Анализ региона как пространства культуры привел к определению региональной культуры как необходимого условия и особой формы существования общенациональной культуры.

В современной гуманитаристике особое место занимают работы, связанные с осмыслением специфического характера культуры, ее противоречивого единства. Воссоздавая образ мировой культуры, исследователи сталкиваются с разнокачественными и разноречивыми явлениями, нахо-

³ Белова В.Л. Регионоведение. Регионообразующие факторы // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 2. С. 57.

дящимися в сложном взаимодействии – взаимного влияния, притяжения или отталкивания. На протяжении XIX–XX вв. делались множественные попытки осмыслить логику развития мировой истории культуры: линейных, не учитывающих специфику культур разных народов (т.н. «теории прогресса», европоцентристские по своей сути); «циклических», опирающихся на представление о замкнутости и непроницаемости культур (О. Шпенглер); синергетических, связанных с представлением о культуре как о саморазвивающейся системе (М. Каган). Интерес представляют исследования, обращающиеся не к стадийному развитию культур, а к их типологии. В этой логике мировая культура рассматривается одновременно как целостность (единство всех существовавших, существующих или будущих культур) и дискретность (то, что Н. Данилевский называл культурно-историческими типами, а А. Тойнби – «самозамкнутыми дискретными культурно-историческими единицами»).

Продуктивность такого рода исследований очевидна, поскольку опирается на реальную множественность культур, присутствующих в едином мировом пространстве. Это разнообразие форм, видов и типов культур обусловлено различными факторами: географическими, историческими, этническими, религиозными, социально-экономическими, политическими.

Сложность описания феномена мировой культуры кроется в его известной двойственности: быть одновременно формой существования отдельных этносов, народностей, социумов и создавать поле для их взаимного существования. Мега-уровень (мировой культуры), спроецированный на уровень развития национальной культуры (мезо-уровень), не упрощает ситуацию. Обратившись к национальной культуре, мы вновь сталкиваемся с единством многообразия, связанного уже с социокультурными различиями, возникающими на разных исторических ступенях

развития. Если обратиться к географическим и историческим факторам, то мы обнаруживаем, как на одной и той же территории в разные исторические эпохи возникают разные культуры, иногда генетически связанные с предшествующими, иногда отрицающие их. В рамках одного политического и социально-экономического целого существуют в противоречивом единстве различные культурные миры, с особыми этническими историями, конфессиональной принадлежностью и т.п. Более того, говоря о мире национальной культуры, мы постоянно сталкиваемся с дифференциацией на уровне индивидов, обусловленной социальным опытом, системами воспитания, способами самореализации.

Создание моделей функционирования национальной культуры вступает в противоречие с практикой конкретного бытия, обусловленной наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их притяжением-отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разновекторностью ценностных ориентаций. И, может быть, особую трудность вызывает анализ культуры России, которая по разнообразию культурно-исторических типов, живших и живущих на ее территории, типологически близка мировой культуре в целом.

Обращаясь к отечественной культуре, можно выделить несколько плоскостей исследования, в современной социокультурной ситуации приобретающих особую актуальность: Россия как многонациональное единство (с акцентом на рассмотрение проблем межкультурной коммуникации), Россия как поликонфессиональная страна (с акцентом на толерантное отношение к представителям иной, нежели твоя собственная, системы верований), Россия как общее пространство для жизни представителей многих народов (с акцентом на исторически сложившемся территориальном единстве). Доминантой анализа в любой из на-

званных плоскостей становится представление о единстве многообразия, о необходимости преодоления межэтнических и межконфессиональных противоречий, о ценности каждой культуры, возникшей на территории огромной страны. Представление о культуре России как сложной гетерогенной системе тесно связанных между собой элементов приводит к тому, что ее можно описать как исторически сложившуюся целостность, взаимосвязь и взаимообусловленность элементов которой приводят к признанию множественности существующих (или существовавших) моделей культурного развития.

Так сложилось, что история страны оказалась тесно связана с все расширяющимся пространством с запада на восток и с севера на юг. Как отмечал Х. Дж. Макиндер, рассматривая еще в начале XX в. значение расширения России от Москвы в сторону Сибири, «бросок всадников через всю Азию на восток был событием, в той же самой мере чреватым политическими последствиями, как и преодоление мыса Доброй Надежды, хотя оба эти события долгое время не соотносили друг с другом»⁴. Классик геополитики, географ, он в большей мере уделяет внимание политическому фактору. В то время как настоятельно требуется осмыслить культурное значение расширения пространства страны.

Вопрос о роли пространства в судьбе России имеет глубокие исторические корни. О влиянии российских просторов на жизнь и судьбу страны и ее жителей писали, начиная с XVIII в., со времени активного расширения границ страны на восток. Выдающиеся ученые, такие, как М. Ломоносов, Д. Менделеев, В. Семенов-Тянь-Шанский, видели в территории главное богатство России. Теории западников и славянофилов, осмыслявших путь России либо

⁴ Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики, XX век. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 25.

в ее связи с Западом (Европой), либо в самостоятельном развитии, получили к началу XX в. новое наполнение в трудах евразийцев. Н. Трубецкой, П. Савицкий и др., анализируя специфику географического положения страны, подчеркивали, что Россия – не «Европа» и не «Азия», а некое третье образование: «Россия занимает основное пространство земель Евразии. Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям Европа и Азия также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим как нечто конкретное круг европейских и азиатско-азиатских культур, обозначение Евразии приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики»⁵, – писал П. Савицкий.

Огромные просторы к востоку от Урала становятся одним из важных факторов самосознания россиян. В работах Н. Бердяева «Судьба России», И. Ильина «О России» подчеркивалась та роль, которую сыграло пространство в русской судьбе. Д. Андреев видел в расширении пространств страны «зов крови», открывающий, в каком направлении нужно прикладывать усилия людям и государству. Современный философ А. Панарин подчеркивал, что пространственный фактор лежит в основании будущего социального и духовного рванша России. При всем разнообразии оценок, просматривается единство в признании роли огромных пространств на развитие страны, менталитет ее народа и судьбу. Н. Бердяев писал о том, что необъятные пространства стали духовным фактором бытия русского человека и внутренним фактом его судьбы.

Обратной стороной этого безграничного пространства стала его неосвоенность. Известны характеристики,

⁵ Савицкий П. Евразийство //Классика геополитики, XX век. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 656-657.

данные Н. Бердяевым, о «подавленности» русской души «необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами», об «ушибленности» русской души ширью, и И. Ильиным, о том, что в «обилии пространств, племен и людей» крылась опасность, состоявшая в том, что не хватало времени «проработать это обилие», «извлечь из него скрытые силы».

Историческое развитие страны шло по пути экстенсивного расширения: за пятьдесят лет XVI в. русские землепроходцы прошли от Уральского хребта до Тихого океана свыше 7 тыс. км (пространство, сопоставимое со всей Западной Европой). И, как следствие, огромные территории не успевали осваиваться. Сложный процесс колонизации, «прирастания России Сибирью» приобретал специфический характер: огромные незаселенные просторы необходимо было не только административно «включить» в границы империи, но «превратить Сибирь в Россию» (А. Ремнев). Это процесс не столько военно-политического или экономического свойства, сколько и по преимуществу, *социокультурный*.

Расширение границ Российской империи создавало беспрецедентную культурную ситуацию – на территории, как казалось, единой страны существовали «внутренние колонии», правовой и административный статус которых определяется сравнительно поздно – к XIX в., а отсутствие развитых транспортных и иных коммуникаций усложняло процесс взаимодействия с «метрополией». Геополитические интересы империи требовали сохранения огромных территорий страны (в связи с этим Н. Бердяев писал о «чувстве безопасности»). С другой стороны, «сохранение» было возможно только при условии развития территорий. Однако длительное время единство страны обеспечивалось только «страшной централизацией» (Н. Бердяев), подчинением всей жизни государственным интересам.

В то же время во второй половине XIX в. начинается процесс осознания необходимости более тесной интеграции с центральной частью России и возможности самостоятельного полноценного развития. Важными вехами на этом пути становятся строительство Транссибирской железной дороги, связавшей центральную часть страны с ее восточными рубежами (министр финансов С. Витте докладывал Николаю II о «необозримых перспективах» для колонизации, которые открывает строительство Транссибирской магистрали), и столыпинские реформы, составной частью которых было переселение в Сибирь.

Необходимость ускоренного освоения огромных земель была связана, в том числе, и с ростом самосознания жителей этих регионов. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. формируется так называемое «сибирское областничество» – система взглядов части местной интеллигенции на перспективы развития «области» (или в современном прочтении – «региона») в составе российского государства.

Г. Потанин, Н. Ядринцев, С. Шашков, Н. Щукин пропагандировали концепцию другого – не имперского, а федеративного устройства России, создающего возможности для территориальной самостоятельности отдельных ее «областей». Явление сибирского областничества было не единственным в истории России. Рост самосознания территорий на рубеже XIX–XX вв. шел во всей Российской империи, а революции выступали катализатором многих произошедших событий. Так, свое право на автономию провозглашали казаки в различных районах страны, Дальневосточная Республика, на Урале в это же время создается Областное Правительство (1918 г.).

На наш взгляд, проблема освоения пространства все еще не до конца осознана. Помимо явных географического и административно-экономического аспектов, существует

социокультурный. Регион как единица целой страны⁶ может быть осмыслен в том числе и как «ментальная конструкция», т.е. как представление о конкретном, географическом пространстве, закрепленном в сознании людей. В таком контексте проблема освоения территории становится актом ее «присвоения».

Люди, осваивавшие новые территории, не ощущали своей оторванности от России, напротив, они считали себя русскими. Процесс продвижения, например, на восток и землепроходцами, и пришедшими вслед за ними насельниками, и мыслителями XIX в. понимался как процесс «роста России». Об этом можно прочесть и в работах историка и известного просветителя Сибири XVIII в. П. Словцова, и у Н. Надеждина в «Опыте исторической географии Русского мира», и у Н. Данилевского в книге «Россия и Европа». Последний, в частности, замечал, что новые территории не ведут к созданию новых центров русской жизни, а лишь расширяют ее «единый и неделимый круг». То есть самый процесс включения огромных пространств не воспринимался поначалу как колонизация в ее европейском смысле слова, а различия между центром и новыми территориями воспринимались исключительно в контексте экономического развития.

Однако проблема оказалась сложнее. В силу того, что в различных областях были разные природно-географические условия, возникали различия в бытовом и хозяйственном укладе, а кросскультурные связи пришлого и старожильческого населения становились одним из факторов, обуславливающих специфические формы жизни. Так постепенно на единой территории России, в единых административных границах русского государства, людь-

⁶ Более подробно о характеристиках региона см. нашу работу «Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания» (Екатеринбург, 2003), с. 8-10.

ми, осознающими свое единство с центральной Россией, рождаются особые формы культурной жизни. Можно было бы сказать, что происходит процесс становления новых культур, но это не совсем так. Это скорее процесс возникновения вариантов единого инварианта – русской культуры. Таким образом, можно говорить о том, что фактически формируется и начинает существовать, постепенно выделяясь из общего мира русской культуры, но не порывая с ним, особая культура – *региональная*. Региональная культура рассматривается нами как пространственно закрепленное целое, определяющее «лицо региона». Парадоксальность существования региональной культуры нам видится в том, что достаточно длительное время носители не осознают ее как нечто особенное.

В этом особенность и специфичность региональной культуры. Она становится, прежде всего, как форма бытия – *культура региона* – специфическая форма существования социума и человека в определенных пространственных координатах, опирающаяся на историческую традицию, формирующая систему ценностей, продуцирующая тип личности. В таком качестве она может продолжать существовать достаточно долго, не акцентируя свою специфичность как характеризующую локальный социум. Только поднявшись до уровня самосознания, она превращается в *региональную культуру* (другое дело, что процесс вызревания самосознания культуры может быть достаточно длительным). В этом кроется известная парадоксальность региональной культуры как феномена, существующего на значительных этапах своего развития и «внутри» национальной культуры и «наряду» с ней.

Ситуация осмысления и осознания своей специфичности жителями Урала, Сибири, Дальнего Востока связана с ростом общественного самосознания во второй половине XIX в. К 20-м гг. XX в. возникает определенная ис-

следовательская традиция, позволяющая говорить, что процесс самосознания региональной культуры идет достаточно интенсивно. Тот факт, что административно и политически восточные от Урала территории не были выделены в отдельные административные единицы (губернское и уездное деление носило формально-административный характер) и самостоятельности ни политической, ни экономической, по сути, не имели, привело прежде всего к росту историко-культурных исследований регионов.

В процессах осмысления региона как специфического историко-географического пространства необходимо учитывать, как происходит процесс его «выделения» из общего мира национальной культуры. Особую роль начинают играть «адаптивно-адаптирующие» (Э. Маркарян) механизмы культуры, действие которых можно обнаружить, если обратиться к историческому опыту отдельных людей и микро-сообществ. Содержательный анализ географической среды дает материал об адаптации к конкретным природным условиям, выработавшейся на протяжении исторического развития отдельной культурной общности и нашедшей свое воплощение в формах духовного освоения мира и в материальных артефактах; обращение к исторической географии позволяет проанализировать феномен межкультурной коммуникации; описание ценностно-нормативной системы, транслируемой обществом индивиду и усваиваемой (или не усваиваемой) им, делает возможным связать воедино «ядро» культуры и его актуальное состояние; обращение к социально-психологическим особенностям личности открывает способы самоидентификации личности и формы ее самоактуализации в конкретной исторической ситуации.

Освоение территории России в восточном направлении дает обширный материал, иллюстрирующий процесс становления пространства культуры.

Для описания данного явления введем ряд определений. Прежде всего – понятие «материнской культуры». Мы будем использовать его как синоним «русской культуры центрально-европейской России». Региональная культура генетически связана с национальной культурой, соотношение национальной культуры и ее регионального варианта может быть рассмотрено как связь общего и особенного. Эта связь носит диалектический характер: на разных этапах и уровнях их взаимодействие проявляется по-своему, то определяющим «лицо культуры» становится общенациональная, то региональная культура.

Чтобы в определенном освоенном пространстве сложилась региональная культура, «материнская» культура должна пройти несколько этапов.

Первый этап – это включение данного географического пространства в поле освоения «материнской» культуры (ситуация «открытия» в той или иной степени характерна для многих регионов России: осваиваются Урал, Сибирь, Дальний Восток, Юг России, в более позднее время – территория Восточной Пруссии – Калининградская область). Вторая – это освоение новой родины переселенцами (миграция населения из Центральной России и Русского Севера на Урал и дальше в Сибирь, освоение южнорусских земель казаками, украинцами, белорусами).

На этом этапе происходит физическое и символическое включение территории в состав России. «Физическое» – включение территории в административный состав русского государства – намного предшествует «символическому». «Символическое» – обретение смысла существования людей, связанного с местом их жизни, с представлением о роли, которую призвана играть данная территория в судьбе страны (быть «кладовой» природных богатств, как Урал или Сибирь, выполнять функцию охраны рубежей, южных, восточных или западных) – приходит позже, то-

гда, когда люди активно осваивают территорию в ходе практической деятельности и начинают ее осознавать как «свою».

Жители из разных областей страны, являясь носителями, с одной стороны, «материнской культуры», с другой, привнесенных в нее особенностей, связанных с местом прежнего проживания (это лучше всего представить на примере языка, существующего как единый, общий для всех носителей, и диалектный, характерный для данной местности), стремятся адаптироваться к конкретным формам существования, однако сохраняют в различных культурных формах (от одежды и жилища до языка и обрядности) черты прежней жизни.

На следующем этапе начинает осознаваться «связь с местом», выражающаяся в определенных способах хозяйствования, в организации социальной жизни. Вступая в межкультурную коммуникацию с коренными народами и переселенцами из других регионов, люди начинают осознавать собственную идентичность, принадлежность данному пространству. На этом этапе формы жизни еще несут особенные черты тех мест, из которых переселились люди. Этот этап можно рассматривать как переходный от культуры региона к региональной культуре.

Четвертый этап отличается тем, что люди, живущие в конкретном месте, воспринимают его как свою родину, происходит обретение региона как «смысла-для-себя». Характер производства и социальной жизни, осознание собственной особенности и значимости в судьбе страны, сформировавшийся этос и нашедшие свое воплощение эстетические ценности – все это дает право называть культуру жителей конкретного региона региональной.

Следующий этап связывает национальную и региональную культуру новыми по характеру связями: не представляя себя вне «большого целого», регион ощущает соб-

ственную значимость и стремится влиять на судьбу «целого». Таким образом, он на этом этапе превращается в форму существования национальной культуры, одновременно обеспечивая ее развитие, сохранение внутреннего динамизма. Другой формой влияния региона может быть исполнение им специфической хозяйственно-экономической роли (например, обеспечение выхода к Балтийскому морю или к Тихому океану), иногда с политическим оттенком («уральский» или «петербургский» след в политической истории современной России). Еще одно проявление подобной тенденции связано со стремлением представителей региональных культур оказывать влияние на изменение духовного климата в стране в целом. На наш взгляд, такой феномен русской культуры 70-х гг. XX в. как появление сибирских писателей-«деревенщиков» стал не только явлением в искусстве, но и выступил индикатором нравственного состояния общества.

Интересно, что не всякий регион продуцирует свою, региональную культуру. Так, можно говорить о региональной культуре применительно к Уралу, Сибири, Югу России. Однако области центральной России не могут быть рассмотрены как феномены региональной культуры, исторически они находятся в рамках «материнской» русской культуры. Отдельными территориями можно назвать Русский Север, который воспринимается как квинтэссенция русской культуры, связанный с другим древнерусским центром – Новгородом, и собственно столичные центры – Москву и Петербург.

Принадлежащие региональной культуре личности и произведенные в ее рамках артефакты становятся определенным образом маркированными: они получают статус атрибутов данной культуры. Не отрицая их национальной принадлежности (феномены русской культуры), они становятся еще и региональными репрезентантами. Это при-

существует в личностных характеристиках (ср. закрепленные в обыденном сознании – «москвич», «петербуржец», «сибиряк», «донской казак») и в артефактах (камнерезное искусство как «визитная карточка» Урала).

Региональное пространство будет пониматься нами как территориально закрепленное «место культуры», воспроизводящее ее ценности и смыслы. *Региональная культура*, определяемая условиями существования людей и определяющая формы их существования, становится интегрирующим началом жизни конкретной территории.

Понятия «территория» и «пространство» обычно понимаются как синонимы. Однако сегодня делается попытка их разграничения⁷. Основанием для дифференциации выступает очерченность границ: территория понимается как ограниченная часть земной поверхности, а пространство – как ее внутреннее наполнение. В этом смысле регион нами понимается как территориальное образование, пространство которого – региональная культура.

Когда мы описывали трансформации «материнской» культуры в «региональную», мы последовательно раскрывали специфику освоения регионального пространства – от физического к символическому. Однако есть необходимость раскрыть и несколько иную плоскость существования регионального пространства – социокультурную.

Отправной точкой в анализе региона становится специфика географической среды (физическое пространство). Природно-климатические условия, наличие тех или иных полезных ископаемых, особенности ландшафта – все это становится серьезными предпосылками для развития

⁷ См., например: Программа Президиума Российской Академии наук «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 166-178.

определенного типа жизнедеятельности и способов хозяйствования на данной территории. Особую значимость на этом этапе приобретают вопросы заселения территории, взаимоотношений человека и ландшафта, проблемы этногенеза. Возникающие в процессе преобразования природной среды типы поселений, особенности застройки, специфика хозяйственно-бытовой деятельности и т.п. создают новую, не свойственную собственно ландшафту, но присущую именно миру культуры, среду существования определенного человеческого сообщества.

Другим важнейшим условием, определяющим облик региональной культуры, является формирующаяся здесь специфика социальных отношений и связей, включающая особенности социальной структуры, социального статуса личности, системы и форм коммуникации. Понятие «социальное пространство», введенное в научный обиход работами П. Бурдьё, может быть рассмотрено как особый тип ментального, интеллектуально промышленного пространства, в котором проявляется характер социальных процессов и явлений. Как справедливо отмечает Н. Шматко, «социальное пространство» конструируется каждый раз как... форма выражения и обобщения имеющейся в распоряжении социолога эмпирической информации. Оно в каждом конкретном случае может быть и одномерным, и многомерным пространством с любым числом измерений»⁸, выступая своеобразным «ансамблем структур», обуславливающих социальные явления.

⁸ Pierre Bourdieu. Espace social: Champs et pratiques. Пьер Бурдьё. Социальное пространство: поля и практики. Сборник статей. Составление, общая редакция перевода и послесловие Н. А. Шматко. – М., 2005. URL: Центр гуманитарных технологий. <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3707/3708>

Понимая под социальными явлениями особые социальные взаимоотношения и/или взаимодействия, мы можем описывать региональную жизнь как их проявление. Можно рассматривать характер производства или способы воспитания как специфические социальные явления, приобретающие в определенном пространстве своеобразные черты («объективировавшееся бытие» Духа, воплотившегося в ту или иную «вещественную» и «осязаемую» форму, по П. Сорокину).

Анализ социального пространства региона позволяет увидеть его как единство различных сфер: экономики, политики, образования, здравоохранения, социальной защиты и пр., для которых сущностно значимым становится субъект действия («агент», по П. Бурде). Он вступает во множественные социальные взаимодействия, его творчески-преобразующая деятельность определяет характер функционирования социального пространства.

Региональное пространство не может быть описано исключительно как социальное. Необходимо включить составляющую культуры. Известная двойственность в определении культуры как специфической сферы социальной практики (ведомственная принадлежность – Министерство культуры) и особого способа жить приводит не только к терминологической путанице, но, что более значимо, к недопониманию связи социального и культурного. Мы следуем традиции П. Сорокина, который считал, что в основе социальной жизни лежит система ценностей, продуцируемая культурой. В этом смысле *региональный социум – продукт региональной культуры*. Следовательно, региональное пространство мы можем рассматривать как взаимообусловленное единство социального действия и его ценностной основы. Артефакты или социальные связи, микросообщества или способы ведения хозяйства – все может рас-

сма­три­ваться как ком­по­нен­ты со­цио­куль­тур­но­го про­стран­ства.

Час­ным слу­ча­ем со­цио­куль­тур­но­го про­стран­ства мож­но на­звать *куль­тур­но-об­ра­зо­ва­тель­ное про­стран­ство*, к ана­ли­зу ко­то­ро­го в по­след­нее вре­мя все ак­тив­нее об­ра­ща­ются пе­да­го­ги и пси­хо­ло­ги. М. Ви­лен­ский, В. Ги­не­ци­ан­ский, В. Ко­нев, Е. Ме­щер­я­ко­ва, В. Па­нов, В. Сло­бод­чик­ов, И. Шен­дрик и дру­гие рас­сма­три­ва­ют во­про­сы, свя­зан­ные с об­ра­зо­ва­тель­ным про­стран­ством как си­сте­мой, вклю­ча­ю­щей об­ра­зо­ва­тель­ные тех­но­ло­гии, ор­га­ни­за­цию вне­учеб­ной ра­бо­ты, осо­бен­но­сти управ­ле­ния уче­бно-вос­пи­та­тель­ным про­цес­сом, ха­рак­тер вза­имо­дей­ст­вия с внеш­ни­ми об­ра­зо­ва­тель­ны­ми и со­ци­аль­ны­ми ин­сти­ту­та­ми. Со­вре­мен­ное со­сто­я­ние и ди­на­ми­ка куль­тур­но-об­ра­зо­ва­тель­но­го про­стран­ства как ин­те­гра­тив­но­го фе­но­ме­на мо­де­ли жиз­не­де­ятель­но­сти че­ло­ве­ка об­об­ще­ны в кол­лек­тив­ной мо­но­гра­фии «Куль­тур­но-об­ра­зо­ва­тель­ное про­стран­ство со­вре­мен­но­го че­ло­ве­ка» (ав­то­ры – Н. Лы­си­ко­ва, Н. Ва­ку­лич, О. А­ли­ма­е­ва, Е. Ли­ст­ви­на), в ко­то­рой рас­кры­ва­ю­тся раз­лич­ные ас­пек­ты про­стран­ства не­пре­рыв­но­го об­ра­зо­ва­ния, учи­ты­ва­ет­ся спе­ци­фи­ка суб­куль­тур­ных про­цес­сов, про­ис­хо­дя­щих в со­вре­мен­ном об­щес­тве, роль об­ра­зо­ва­тель­ных уч­ре­жде­ний в эпо­ху гло­ба­ли­за­ции, ди­на­ми­ка ин­те­гра­ци­он­ных про­цес­сов в со­цио­куль­тур­ной сфе­ре.

Ис­сле­до­ва­ния куль­тур­но-об­ра­зо­ва­тель­но­го про­стран­ства в со­вре­мен­ных со­ци­аль­но-гу­ма­ни­тар­ных ра­бо­тах ве­дуть­ся и в ру­сле со­ци­оло­гичес­ких ис­сле­до­ва­ний: ана­лиз си­сте­мы об­ра­зо­ва­ния и сфе­ры куль­ту­ры с точ­ки зре­ния со­дер­жа­тель­ной и ор­га­ни­за­ци­он­ной со­став­ля­ю­щих дан­ных ин­сти­ту­тов, вы­яв­ле­ние куль­тур­ных пред­по­ч­те­ний, по­стро­ен­ных на ос­но­ве сфор­ми­ро­ван­ных цен­но­ст­ных ори­ен­та­ций. Со­ци­оло­гичес­кие ис­сле­до­ва­ния, по­свя­щен­ные ана­ли­

зу культурно-образовательного пространства, находятся в русле социологии образования, рассмотрения вопросов, связанных с досуговой сферой молодежи, проникновению досуговых практик в образовательное пространство.

Несмотря на широкий спектр исследований, посвященных культуре и образованию, их связям, недостаточно изучено именно единое культурно-образовательное пространство как проекция специфического социокультурного развития как всей страны, так и ее отдельных регионов, в то время, как именно такой анализ позволил бы выработать стратегические направления модернизации обеих социальных сред.

Под культурно-образовательным пространством в нашей работе мы понимаем сложно организованную целостность, в которой ключевыми компонентами выступают сферы культуры и образования, актуализирующие и транслирующие смыслы, созданные в процессе человеческой деятельности в регионе, определяющие идентичность жителей и их образ жизни.

В силу специализированности современной жизни сферы образования и культуры, подчиненные различным ведомствам, выступают как обособленные, в то время как для развития отдельных территорий и реализации человеческого потенциала регионов важным становится поиск путей для взаимодействия. Условием этого взаимодействия становится понимание единства, обеспеченного сформированной/формирующейся в регионе культурой. Если представить пространство региона как систему координат, в которой разворачивается человеческая деятельность, то ее «вертикалью» будут смыслы культуры (мировоззренческие, нравственные, религиозные, эстетические), а «горизонталью» – географическое пространство, в котором они пребывают. Именно в культурном пространстве региона

происходит институализация специализированных форм культуры через формирование системы регулятивов (норм, правил, ценностей), функционирование учреждений, создающих, сохраняющих и транслирующих ценности, возникновение и становление специфических взаимоотношений между людьми по поводу этих ценностей. Уникальный облик региона, сформировавшийся тип хозяйственно-экономических связей, тип личности, ценностные ориентации, обуславливающие региональную идентичность россиянина, – все это можно рассматривать как факторы социально-экономического развития территории. Актуальной задачей становится обеспечение преемственности смены поколений, гражданской ответственности за судьбы своего края.

Для Урала как старопромышленного региона особую значимость имеет обретение новых горизонтов развития, но с неперменным учетом того культурного потенциала, который сложился в регионе на протяжении длительного исторического времени и во многом определил устойчивую структуру хозяйственного комплекса, опирающуюся на традиции организации производства, ценности труда и трудовой этики, ответственности за судьбу страны. Эти ценности «опорного края державы» не могут воспроизводиться стихийно, важна целенаправленная работа по их формированию, развитию и трансляции. Именно они становятся основой для инновационного развития в период перехода к региону высоких технологий, интеллектуальных открытий и решений, прорывных направлений производственной деятельности.

В связи с поставленными масштабными задачами модернизации страны и Урала как его важной составной части изменяется роль общественных институтов регионального социально-культурного пространства. Так, сегодня все активнее озвучивается идея развития территорий

через культуру, в которой радикальные изменения в узко специализированной сфере становятся условием для привлечения инвестиций, для обеспечения занятости населения, для формирования новых «брендов» региона в глазах российских и потенциальных зарубежных партнеров (примером может служить проект «Пермь как культурная столица»). С нашей точки зрения, нужно вести речь о едином культурно-образовательном пространстве, которое, действительно способно самовоспроизводиться и выступать активным участником модернизационных процессов.

Сегодня происходит переосмысление и трансформация регионального культурно-образовательного пространства. В экономике знаний система образования становится тем институтом, который одновременно продуцирует/актуализирует смыслы, характерные для существования территории, обеспечивает систему их трансляции посредством обучаемых/обученных кадров, мобильно реагирует на изменения и «вызовы» современной жизни.

Региональное культурно-образовательное пространство мы представляем как сложную системную целостность, обладающую способностью к саморазвитию. Условием саморазвития становится объединение усилий представителей каждого из компонентов – образования и культуры.

1.2. Субъекты регионального культурно-образовательного пространства

Стало общим местом повторение фразы «культура – продукт человеческой деятельности». Действительно, описать сущность феномена культуры вне творчески-деятельной природы человека не представляется возможным. Характер социальных взаимодействий, реализация смыслов и устремлений, виды и способы самоактуализации человека – все это может рассматриваться как дина-

мический процесс созидания культуры. Время и место культуры становятся не просто константами жизни, они позволяют выявить уникальность и воспроизводимость результатов деятельности как разнонаправленных взаимодействий человека с окружающим миром.

Продуктивным в пространстве региональной культуры нам видится анализ взаимоопределенности категорий «деятельность», «субъект», «пространство». В самом общем виде можно выстроить такую логическую цепочку: региональная культура – это продукт деятельности людей в региональном пространстве. Субъектами действия в региональном пространстве выступают индивиды, социальные сообщества и организации. Можно говорить о двух типах субъектов – индивидуальных и коллективных, отличительными особенностями деятельности которых являются осознанность как способность распознавать характер социального действия и целенаправленность на достижение определенного результата.

В культурно-образовательном пространстве *субъектами* выступают отдельные индивиды, осуществляющие свою деятельность в специализированных сферах образования и культуры (несмотря на различия в проявлении социальной активности мы можем сюда отнести не только профессионально ориентированных людей, но и тех, на кого их профессиональная деятельность распространяется), профессиональные сообщества, конфессиональные и этнокультурные группы.

Профессиональная деятельность в сфере образования и культуры направлена не столько на передачу информации, сколько на преобразование социально-культурной среды, включающее активное воздействие на обучающихся в образовательных учреждениях всех уровней, на читателей, слушателей, зрителей через создание и распространение ценностей и образцов культуры.

Субъектами культурно-образовательного пространства в регионе выступают различные *профессиональные сообщества*, ставящие своей целью самоактуализацию личности в творческой деятельности. Членами профессиональных сообществ выступают, как правило, те, чья профессиональная деятельность связана с системами образования и культуры, но численно они уже. Они включают в себя не всех работающих в данной сфере, а людей, отличающихся стремлением к обмену опытом, поиском эффективных подходов к решению профессиональных задач, заинтересованных в общественном обсуждении проблем, возникающих в профессиональной деятельности. Примером музейных сообществ можно назвать музейно-историческое сообщество региона (МИСОР), которое, например, объединяет ряд городов Свердловской области (Лесной, Качканар, Нижняя Тура), его члены проводят научно-практические конференции, на которых обсуждают вопросы сохранения культурного наследия (последняя по времени прошла в июне 2013 г. в Качканаре и была посвящена вопросам сохранения индустриального наследия региона)⁹, или музейное сообщество Ульяновской области, члены которого в рамках проекта «Ульяновск – культурная столица» обсуждали идею создания Музея СССР как одно из направлений развития туристической привлекательности своего региона¹⁰. Педагогическое сообщество в регионе представлено неформальными объединениями преподавателей различных дисциплин (например, Ассоциация учителей предметной области «Искусство» или Ассоциация учителей истории, обществознания и права в Екатеринбурге), решающих прежде всего методические задачи.

⁹ Музейно-историческое сообщество региона. URL: <http://vk.com/misor>

¹⁰ Музейное сообщество собралось вместе для обсуждения концепции развития музейной деятельности до 2020 года. URL: <http://ulkul.ru/news/2263/>

Сегодня достаточно значимыми субъектами культурно-образовательного пространства региона становятся представители различных *религиозных конфессий и этнических образований*.

Для религиозных конфессий культурно-образовательное пространство региона не является чем-то инородным. Напротив, в ситуации восстановления религии как системы вероисповедания и социального института представители различных конфессий включаются в социально-культурную жизнь региона.

В соответствии со статьями Федерального закона от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозным объединением в Российской Федерации признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры. Религиозные объединения могут создаваться в форме религиозных групп и религиозных организаций (ст. 6).

По данным Главного управления Министерства юстиции по Свердловской области по состоянию на 1 января 2011 года на территории области действуют 663 религиозных организации 23 религий, их направлений, течений и деноминаций¹¹.

¹¹ Религиозные организации Свердловской области. URL: <http://www.midural.ru/community/100326/>

Таблица 1. Религиозные организации Свердловской области

(данные Главного управления Министерства юстиции
по Свердловской области по состоянию на 1 января 2011 г.)

	Наименование конфессии	Внесено в реестр
1	Русская православная церковь	464
2	Русская православная церковь за границей	2
3	Истинно-православная церковь	1
4	Российская православная свободная церковь	1
5	Старообрядцы	8
6	Римско-католическая церковь	5
7	Армянская апостольская церковь	1
8	Ислам	55
9	Буддизм	2
10	Иудаизм	9
11	Евангельские христиане-баптисты	5
12	Христиане веры евангельской	4
13	Евангельские христиане	6
14	Христиане веры евангельской-пятидесятники	51
15	Церковь полного Евангелия	3
16	Адвентисты седьмого дня	14
17	Лютеране	8
18	Новоапостольская церковь	5
19	Методистская церковь	5
20	Свидетели Иеговы	9
21	Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны)	1
22	Церковь объединения (Муна)	1
23	Сознание Кришны (вайшнавы)	3
	<i>Всего по религиозным организациям</i>	<i>663</i>

Наиболее активной (и самой значительной по численности) в Свердловской области является Русская православная церковь. В Екатеринбургской епархии митрополии Русской православной церкви наряду с традиционными отделами по вопросам миссионерской деятельности, катехизации или социального служения, действуют отделы религиозного образования (объединен с отделом катехизации), молодежный, культуры, спортивно-патриотический.

Поставленные задачи по религиозному образованию реализуются не только в сети религиозно-образовательных учреждений (церковно-приходские воскресные школы, православные образовательные учреждения), но и в светских учебных заведениях (школы, вузы) через организацию занятий с учителями, методическую помощь в ведении учебных курсов, посвященных православной культуре, проведение конкурсов и олимпиад для школьников.

Молодежный отдел Епархии ставит перед собой широкий круг социально значимых задач: «мотивация учащейся молодежи к социальному служению; создание объединенного добровольческого движения из студентов вузов и молодежи приходских клубов, с едиными целями, задачами и социальными проектами; создание координационных групп в вузах по деятельности студентов-добровольцев; обучение добровольцев в ресурсном центре навыкам, необходимым для разработки и реализации социальных проектов – Школа добровольцев; организация деятельности добровольцев по разработке и реализации социальных проектов; создание клуба Интеллектуального досуга добровольцев»¹², выступая в качестве активного воспитателя молодежи.

¹² Екатеринбургская епархия. URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/index.php/departments>

Значимость возрождения православных традиций, донесение до наших современников «христианского взгляда на мир и культуру» является основой деятельности отдела культуры. Приобщение человека к духовной культуре через развитие тела – важная задача для организаторов спортивно-патриотических программ. Мероприятия, проводимые Епархией, привлекают не только воцерковленных жителей региона, но и светских людей. Примером может служить проведение Царских дней в Екатеринбурге.

Деятельность Духовного управления мусульман Урала (Уральского муфтията) в большей степени направлена на изучение и распространение ислама. Однако так же, как и представители Православной церкви, они активно участвуют в социальной жизни, занимаясь благотворительностью, взаимодействуют с Министерством образования, Уполномоченным по правам ребенка и пр. Религиозная организация мусульман «Просвещение» (Екатеринбург) на протяжении последних нескольких лет на территории мечети «Рамазан» открывает для всех желающих Шатер Дружбы – Шатер Рамадана, в стенах которого знакомит с Кораном и традициями народов, исповедующих ислам¹³.

Наряду с религиозными организациями активность проявляют и этнокультурные образования. Приведем некоторые статистические данные по территориям, входящим в Уральский регион – Свердловской и Челябинской областям и Пермскому краю.

¹³ Шатер Рамадана – 2013. URL: <http://mromp.ru/organization/articles/546/>

Таблица 2. Национальный состав Уральского федерального округа (по результатам переписи населения 2010 г.)

	Численность лиц, указавших соответствующую национальность	Удельный вес лиц данной национальности среди лиц, указавших национальную принадлежность, %
<i>Курганская область - все население</i>	910807	
Лица, указавшие национальную принадлежность	890790	100,0
Русские	823722	92,5
Татары	17017	1,9
Башкиры	12257	1,4
Казахи	11939	1,3
Украинцы	7080	0,8
Другие национальности (не перечисленные выше)	18775	2,1
Лица, не указавшие национальную принадлежность, включая лиц, по которым сведения получены из административных источников	20017	
<i>Свердловская область - все население</i>	4297747	
Лица, указавшие национальную принадлежность	4064769	100,0
Русские	3684843	90,6
Татары	143803	3,5
Украинцы	35563	0,9
Башкиры	31183	0,8
Марийцы	23801	0,6
Немцы	14914	0,4

Азербайджанцы	14215	0,3
Удмурты	13789	0,3
Белорусы	11670	0,3
Армяне	11501	0,3
Таджики	11138	0,3
Узбеки	9358	0,2
Чуваши	8304	0,2
Киргизы	6304	0,2
Мордва	6303	0,2
Евреи	5423	0,1
Манси	251	0,01
Другие национальности (не перечисленные выше)	32406	0,8
Лица, не указавшие национальную принадлежность, включая лиц, по которым сведения получены из административных источников	232978	
Тюменская область - все население	3395755	
Лица, указавшие национальную принадлежность	3207952	100,0
Русские	2352063	73,3
Татары	239995	7,5
Украинцы	157296	4,9
Башкиры	46405	1,4
Азербайджанцы	43610	1,4
Ненцы	31621	1,0
Ханты	29277	0,9
Чуваши	25690	0,8
Белорусы	25648	0,8
Немцы	20723	0,6
Казахи	19146	0,6
Молдаване	15806	0,5
Армяне	15542	0,5

Манси	11614	0,4
Селькупы	2065	0,1
Эвенки	87	0,003
Другие национальности (не перечисленные выше)	171364	5,3
Лица, не указавшие национальную принадлежность, включая лиц, по которым сведения получены из административных источников	187803	
<i>Ханты-Мансийский автономный округ - Югра - все население</i>	1532243	
Лица, указавшие национальную принадлежность	1430105	100,0
Русские	973978	68,1
Татары	108899	7,6
Украинцы	91323	6,4
Башкиры	35428	2,5
Азербайджанцы	26037	1,8
Ханты	19068	1,3
Белорусы	14703	1,0
Кумыки	13849	1,0
Чуваши	13596	0,9
Лезгины	13335	0,9
Узбеки	9970	0,7
Таджики	9793	0,7
Молдаване	9476	0,7
Манси	10977	0,8
Марийцы	7289	0,5
Чеченцы	6889	0,5
Немцы	6828	0,5
Армяне	6343	0,4
Коми	2364	0,2
Ненцы	1438	0,1
Другие национальности	48522	3,4

(не перечисленные выше)		
Лица, не указавшие национальную принадлежность, включая лиц, по которым сведения получены из административных источников	102138	
<i>Ямало-Ненецкий автономный округ</i> - все население	522904	
Лица, указавшие национальную принадлежность	505387	100,0
Русские	312019	61,7
Украинцы	48985	9,7
Ненцы	29772	5,9
Татары	28509	5,6
Ханты	9489	1,9
Азербайджанцы	9291	1,8
Башкиры	8297	1,7
Белорусы	6480	1,3
Коми	5141	1,0
Молдаване	4712	0,9
Кумыки	4466	0,9
Ногайцы	3479	0,7
Чуваши	3471	0,7
Селькупы	1988	0,4
Другие национальности (не перечисленные выше)	29288	5,8
Лица, не указавшие национальную принадлежность, включая лиц, по которым сведения получены из административных источников	17517	
<i>Челябинская область</i> - все население	3476217	
Лица, указавшие национальную принадлежность	3377073	100,0

нальную принадлежность		
Русские	2829899	83,8
Татары	180913	5,4
Башкиры	162513	4,8
Украинцы	50081	1,5
Казахи	35297	1,0
Немцы	18687	0,5
Белорусы	13035	0,4
Мордва	12147	0,4
Армяне	9311	0,3
Нагайбаки	7679	0,2
Другие национальности (не перечисленные выше)	57511	1,7
Лица, не указавшие национальную принадлежность, включая лиц, по которым сведения получены из административных источников	99144	

Особое значение этнокультурные организации приобретают в полиэтничных регионах. Разговор об Уральском регионе как полиэтничном ведется достаточно давно. Однако статистические данные показывают, что на данной территории проживает по преимуществу русское население (для сравнения: мононациональным называют, например, Вологодскую область с количеством русского населения 96,56%).

Возникает вопрос: насколько вообще можно вести разговор о многонациональности? Видимо, использование идеологически нагруженных терминов не позволяет проанализировать реально существующую ситуацию. Действительно, если на территории проживают люди различных национальностей, мы можем ее называть многонациональной. При этом количественный состав не будет иметь

принципиального значения, поскольку в самом слове многонациональный акцент делается на «много-». Многонациональный и полиэтнический выступают в речи синонимами, фиксирующими наличную ситуацию.

Когда спрашивают: «Много – это сколько?», в ответе предполагается некоторая количественная определенность. И здесь мы сталкиваемся скорее с метафорой, нежели с попытками анализа реальности. Статистически величина менее 1% может восприниматься как погрешность вычислений. Погрешность в выборке при социологических опросах колеблется в пределах 3%. Означает ли это, что при анализе количественного состава населения мы можем руководствоваться такими критериями? Вероятно, нет.

Соответственно употребляющиеся с необыкновенной частотностью слова многонациональный (при запросе поисковые системы «Яндекс» и «Google» находят около 2 млн ответов) и полиэтнический (более 35 тыс. ответов в тех же поисковых системах) при характеристике национального состава региона скорее затемняют описание реальных процессов, нежели позволяют их проанализировать. На самом деле, вопрос ведь заключается не в том «кого и сколько», а той значимости, которую для людей, живущих в данном месте в данное время, имеет «фактор этничности».

В последнее время обострились обсуждения феномена мультикультурализма. Калька с английского, слово «мультикультурализм» наполняется в зависимости от позиции исследователя самым разным содержанием, по преимуществу политико-идеологическим. Кризис мультикультурализма как идеологии фиксируют представители западноевропейского мира, отмечая неудачи и неразрешенные противоречия, с которыми столкнулись демократические государства, не сумевшие интегрировать в собственное «социальное тело» мигрантов.

Возникший как признание ценности «меньшинства» в либерально-демократическом дискурсе мультикультурализм стал обоснованием сосуществования разнородных групп в едином жизненном пространстве, определив правовые нормы и характер повседневных практик. Трудно не согласиться с авторами, которые считают, что разговор о мультикультурализме на самом деле скрывает более глубокие процессы – господства и подчинения, борьбы за власть и ресурсы¹⁴.

Метафорой мультикультурализма выступает фраза, сказанная Андреем Платоновым в рассказе «Старый механик»: «Без меня народ неполный!» Растиражированная многократно, она утратила связь с оригинальным текстом. В то время как в рассказе слова, сказанные старым механиком Петром Савельичем, носили совершенно конкретный бытовой смысл. «Народ» – это люди, которые работали вместе и жили рядом. «Неполнота» обусловлена именно тем, что без ответственного, чувствующего душу паровоза старого механика может произойти катастрофа. Никакой дополнительной (в том числе «этнической») коннотации слово в тексте не несло. Современный контекст, в котором употребляется фраза из известного рассказа, предполагает рассуждения о ценности каждого отдельного этноса и его значимости в единой стране, но не о каких-либо социально-политических или экономических предпочтениях, которые дает принадлежность к какой бы то ни было этнической общности.

Ряд исследователей, анализируя исторический опыт Советского Союза и современной России, ссылаются на то,

¹⁴ См., например: Ф.-О. Радке «Разновидности мультикультурализма и его неконтролируемые последствия» (в сб.: Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ; под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. – М: Институт антропологии РАН; Институт философии РАН, 2002).

что «историческая общность – советский народ» может рассматриваться как подлинная победа мультикультурализма. Однако налицо некоторое «передергивание» фактов. «Советский народ» – это результат целенаправленной политики интернационализации, в которой этническая идентичность как фактор в государственной идеологии не звучала, продолжая обладать значимостью в повседневной жизни. Мультикультурализм предполагает реализацию возможностей для самоидентификации личности и группы, обеспечивая, с одной стороны, этническую идентичность и гражданскую идентичность, с другой.

В современной России признано, что этническая идентичность – это результат свободного волеизъявления граждан. Гарантировать возможности изучения языка и культуры, приобщения к этнокультурным традициям призван принятый еще в 1996 г. Федеральный закон № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (последние изменения в него вносились в 2013 г.). В законе зафиксировано, что «национально-культурная автономия в Российской Федерации ... – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Национально-культурная автономия является видом общественного объединения. Организационно-правовой формой национально-культурной автономии является общественная организация» (ст.1).

Национально-культурная автономия основывается на принципах свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к определенной этнической общности; само-

организации и самоуправления; многообразие форм внутренней организации национально-культурной автономии; сочетания общественной инициативы с государственной поддержкой; уважения языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей; законности (ст. 2).

Реализация Закона о национально-культурных автономиях предполагает смягчение национальной поляризации в российском обществе и перенесение акцента с требований прав и преференций в плоскость приобщения к этнической культуре.

В культурно-образовательном пространстве региона национально-культурные автономии выступают в качестве активно действующих общественных организаций, чья деятельность направлена не только на изучение и представление достижений того или иного этноса, проживающего в регионе, но и на правовую защиту граждан. Сегодня в российских регионах созданы различные национально-культурные автономии.

Как отмечают исследователи, национально-культурные автономии играют значительную роль в формировании положительного имиджа этноса. Результаты проведенного по заказу Министерства регионального развития Российской Федерации в апреле – сентябре 2008 г. двумя экспертными организациями – «Этноконсалтинг» и «ЛимаКонсалтинг» – с участием Института этнологии и антропологии РАН и общественной организации Сеть этнологического мониторинга исследовательского проекта «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации» свидетельствуют, что особенно активны национально-культурные организации в поликультурных территориях. Так, в *Оренбургской области* по данным на конец 2007 г. действовали 109 национально-культурных общественных объединений, а в 2008 г. заре-

гистрированы еще 8 новых национальных центров. Осуществляют деятельность четыре научных общества, деятельность которых направлена на изучение истории и культуры проживающих в области этнических общностей. Общественные центры в этом регионе имеют представители 24 этнических групп. Наибольшее число НКО создано украинским и башкирским населением – по 15. Стабильна в последние годы численность казахских (12) и немецких (10) организаций. Более 100 национально-культурных организаций и объединений функционируют в *Саратовской области* (большинство из них входит в Ассамблею народов Саратовской области, являющуюся структурным элементом Ассамблеи народов России). В *Ставропольском крае* на начало 2008 г. зарегистрированы около 70 национально-культурных организаций разнообразных организационно-правовых форм. Кроме них, по различным экспертным оценкам, на территории края без регистрации действуют более ста общественных объединений, созданных по этнокультурному признаку¹⁵.

И даже в регионе, который можно отнести скорее к моноэтническим, деятельность национально-культурных автономий значима¹⁶. В *Свердловской области* национально-культурных объединений около 100. Они представлены 7 областными национально-культурными автономиями (татар, евреев, немцев, башкир, белорусов, цыган, русских) и 21 областными национальными культурными обществами и организациями (Областное общество немцев «Видер-

¹⁵ О рейтинге этнокультурного потенциала регионов (Е.А. Пивнева) // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/rossijskay3.html>

¹⁶ Несколько странной на этом фоне выглядела Свердловская областная Русская национально-культурная автономия, зарегистрированная еще в 1998 г. Информацию о ее деятельности в настоящий момент найти не удалось.

гебурт», Свердловский филиал Всемирного конгресса татар, Областной центр татарской и башкирской культуры, Областное общественно-политическое объединение татар и башкир, Курултай башкир области, Областное общество башкир «Урал Башкорт», Областная организация «Сябры» (белорусы), Областная организация «Белорусы Урала» («Белур»), Областное общество дагестанской культуры и др.). Кроме того, действуют более 20 национально-культурных объединений в городах и селах области¹⁷.

Как отмечается учеными, проводившими исследование «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации», для жителей Свердловской области «этнический фактор» значим по преимуществу, когда речь идет о мигрантах, в повседневной жизни его практически не учитывают: «Национальность в Уральском регионе, судя по результатам анкетирования, явно не является основным фактором для формирования отношения свой – чужой. Вообще о национальности других людей только 25,5% думали часто, около половины (47,2%) думали об этом редко, а 27,3% – вообще никогда. При этом думали о национальности других людей, скорее всего, позитивно, поскольку это не помешало 93% опрошенных иметь среди друзей и близких представителей других национальностей»¹⁸.

Несмотря на позитивный в целом фон этнических взаимодействий, власти уделяют этому вопросу большое внимание. Это выражается не только в создании условий для функционирования национально-культурных автоно-

¹⁷ Свердловская область. Объединения национальных меньшинств. Национально-культурные автономии и НПО. URL: <http://minorities.ceprs.indem.ru/Sverd/Sverd09.htm>

¹⁸ Этнокультурная ситуация в Екатеринбурге (Е.М. Главацкая) // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/rossijskay3.html>

мий, но и в учреждении Консультативного совета по делам национальностей Свердловской области при губернаторе, открытии в Екатеринбурге Дом народов Урала, проведении Дней народов Среднего Урала, создании Центра толерантности при Свердловской областной межнациональной библиотеке.

В деятельности этнокультурных организаций значительное место занимает организация праздников и фестивалей национальных культур, которые, по мысли организаторов, в большей степени способствуют объединению и выступают в качестве фактора межкультурного взаимодействия¹⁹.

Профессиональные сообщества, конфессиональные группы, этнокультурные образования, действующие через национально-культурные автономии в качестве субъектов культурно-образовательного пространства, не только занимаются определенными видами деятельности, но находятся в сложном взаимодействии друг с другом.

Отличительной особенностью, например, Уральского региона является сформированный на протяжении почти трехвекового взаимодействия такой тип отношений, которые описываются в категориях региональной идентич-

¹⁹ По данным опроса, проведенного в рамках исследования «Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации», большая часть населения приветствует проведение разных национальных и религиозных праздников в городе, считая, что они или объединяют (52,1%) или никак не влияют (26,7%) на межнациональные отношения. У небольшой группы (14%) не сложилось определенного мнения, и только 7,1% участников опроса выразили мнение, что праздники разных национальностей и религий разъединяют людей (см: Этнокультурная ситуация в Екатеринбурге (Е.М. Главацкая) // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/rossijskay3.html>)

ности²⁰, когда этническая и конфессиональная личностная принадлежность в самосознании человека соотносятся с индивидуальными качествами, а принадлежность к региональной общности маркирует гражданскую и групповую идентичность. В этом смысле культурно-образовательное пространство может быть описано как разноуровневое: первый уровень связан с дифференцированными субъектами (индивидами, профессиональными, конфессиональными, этнокультурными сообществами), второй – с региональным сообществом как целостным субъектом, третий – с общенациональным гражданским обществом, в которое региональное входит составным компонентом.

Региональное сообщество как субъект «второго уровня» формулирует задачи развития культурно-образовательного пространства через нормативно-административные документы, образовательные программы, различные культурно-просветительные и культурно-досуговые акции и мероприятия, в основе которых лежит презентация образов и смыслов региональной культуры.

Несмотря на разнообразие субъектов культурно-образовательного пространства региона, можно констатировать, что их объединение или дифференциация в большой степени зависят от целей, которые они ставят перед собой.

Обобщенно цели субъектов культурно-образовательного пространства могут быть представлены как ожидаемые *образовательные результаты*, которых стремится достичь человек. Под словами «образовательные результаты» мы понимаем достижение комплекса целей – информационных (овладение объемом информации, необходимым для ориентации в социально-культурном пространстве и обеспечения продуктивной деятельности),

²⁰ Более подробно вопрос о региональной идентичности будет рассмотрен нами в следующей главе.

воспитательных (овладение системой социально-культурных норм), операционально-деятельностных (овладение системой навыков и умений для достижения поставленных личностных и/или профессиональных целей).

Информационные цели. Современное социально-культурное пространство все чаще стремятся представить как информационное, включающее совокупность сведений о реальности, а также техники и технологии, обеспечивающие социальную коммуникацию. В культурно-образовательном пространстве циркулирует самая разная информация. Для нас интерес представляют сведения о регионе, о его образовательной системе, о сфере культуры (включая информацию о деятелях культуры и учреждениях), а также цели, в соответствии с которыми человеку нужна та или иная информация.

Сведения о регионе условно можно распределить в соответствии со сферами общественной жизни – от деятельности региональной власти до узко специализированной сферы культуры как досугово-рекреационной. Источником информации, как правило, выступают региональные СМИ, как электронные, так и печатные.

Мы использовали возможности информационно-аналитической системы «Медиалогия» (<http://www.mlg.ru>), чтобы выявить круг СМИ, которые можно рассматривать как наиболее репрезентативные источники информации. В качестве примера нами выбраны СМИ Свердловской области. «Медиалогия» специализируется на мониторинге СМИ и формировании медиарейтинга, в основе которого лежит индекс цитируемости (ИЦ) (количество перепечаток и ссылок на издание). Ниже приводятся результаты исследования за второй квартал 2013 года, позволившие выделить ТОП-30 самых цитируемых СМИ Свердловской области.

Место	СМИ	Категория	ИЦ
1	Ura.ru	Информагентство	175,79
2	УралИнформБюро	Информагентство	76,15
3	Интерфакс (Урал)	Информагентство	57,76
4	Nakanune.ru	Информагентство	32,18
5	Veved.ru	Интернет	31,23
6	УралПолит.ru	Информагентство	23,08
7	Justmedia.ru	Интернет	20,05
8	66.ru	Интернет	17,00
9	АПИ-Урал	Информагентство	14,47
10	УралБизнесКонсалтинг	Информагентство	13,71
11	E1.ru	Интернет	13,65
12	Европейско-Азиатские новости	Информагентство	13,62
13	Коммерсант (Урал)	Газета	11,71
14	Комсомольская правда - Урал	Газета	11,28
15	Вечерний Екатеринбург	Газета	10,51
16	Аргументы и факты (Урал)	Газета	7,39
17	Эксперт (Урал)	Журнал	7,28
18	ПолитСовет	Информагентство	7,06
19	Вечерний Краснотурьинск	Газета	6,62
20	ИТАР-ТАСС (Урал)	Информагентство	5,05
21	Oblgazeta.ru	Интернет	4,51
22	Союз	ТВ	4,21
23	Московский Комсомолец (Урал)	Газета	2,94
24	Dkvartal.ru	Интернет	2,91
25	ОТВ	ТВ	2,71
26	Деловой квартал (Екатеринбург)	Журнал	2,55
27	Ведомости (Урал)	Газета	2,26

28	Uralweb.ru	Интернет	2,10
29	Уральский рабочий	Газета	2,09
30	Четвертый канал	ТВ	1,94

Как мы видим, в медиарейтинге ведущие позиции занимают информагентства (Ura.ru, УралИнформБюро, Интерфакс (Урал), Nakanune.ru, УралПолит.ru) и интернет-СМИ (66.ru, Veved.ru, Justmedia.ru, e1.ru), что свидетельствует об их активности в формировании медиапространства региона, а также о том, что на них ссылаются печатные и электронные СМИ, ориентированные на более широкую аудиторию.

Печатных СМИ в рейтинге немного: доминируют региональные вкладки федеральных СМИ («Коммерсант», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Эксперт»), из собственно региональных в рейтинг вошли «Вечерний Екатеринбург», «Вечерний Краснотурьинск», «Деловой квартал», «Уральский рабочий». Телеканалы («Четвертый канал», «ОТВ») оказались в нижней части списка.

Медиарейтинг, построенный на индексе цитируемости, к сожалению, не отражает значимость изданий для жителей региона и не позволяет оценить, какое место занимают те или иные СМИ в системе их информационных предпочтений. Тираж издания для печатного СМИ также не может быть репрезентативным (интересно, что по этому показателю лидирующие позиции занимают т.н. бесплатные газеты, доставляемые в почтовые ящики курьерской службой издания: тираж «лучшей региональной рекламной газетой России» — «Нашей газеты» (Екатеринбург) — 320 000 экземпляров, что подтверждено членами Наблюдательного совета Национальной тиражной службы).

Контент-анализ печатных и интернет СМИ свидетельствует, что вопросы образования и культуры находятся в поле зрения местных журналистов, но по преимущест-

ву имеют «новостийный» характер. Обращение к СМИ для получения информации о регионе носит характер получения сведений о происходящих событиях. Анализ информационного потока позволяет составить своеобразную иерархию «новостей»: политические, экономические, криминальные и на периферии – культуры и спорта. Характер информирования о событиях образования и культуры зависит от степени социальной значимости (для образования – это проблемы нехватки мест в детских садах, прием в образовательные учреждения, сдача ЕГЭ, поступление в вузы, для культуры – информация о фестивалях, концертах, спектаклях, выставках), что охватывает круг интересов «среднестатистического жителя» региона.

В 2012 г. появился «культурный глянец», как себя позиционирует журнал «Культура Урала», учредителем которого является Министерство культуры Свердловской области, а издателем Театр музыкальной комедии. Журнал с тиражом 1500 экземпляров информирует о происходящих в художественной жизни Свердловской области событиях (премьерах, вернисажах, фестивалях) и людях, создающих лицо современной культуры. У журнала практически нет конкурентов, но и круг постоянных читателей тоже еще только складывается. Аудитория журнала – интеллигентская публика, активно посещающая театры, филармонию, выставки – может рассматриваться как специализированная.

Среди изданий, освещающих вопросы образования, можно выделить издания, ориентированные на школьников, их родителей и педагогов. Можно назвать, например, рекламно-информационный журнал «Образование на Урале», издательского дома «Дубровский». И группу научных журналов, в которых особое место занимают исследования региональной истории и культуры, возможности их изучения в школах и вузах (из издаваемых в Екатеринбурге на-

зовем «Образование и наука», Известия Уральского федерального университета, «Педагогическое образование на Урале», «Уральский исторический вестник», «Филологический класс»). Однако в силу научной специализированности круг их читателей достаточно узок.

В целом, печатные СМИ в культурно-образовательном пространстве региона выполняют информационно-ориентирующую функцию, скорее реагируя на создающиеся информационные поводы, нежели формируя информационную повестку дня.

Отдельного разговора заслуживают электронные СМИ, и в силу их большей, чем печатные, мобильности, и более широкой аудитории. Сошлемся на результаты опроса, проведенного Фондом общественного мнения в апреле 2013 г. (43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов; интервью по месту жительства; статистическая погрешность не превышает 3,6%), в котором отмечается, что «люди смотрят по телевизору новости – 67%»²¹. Эта цифра сопоставима с нашей: мы опрашивали жителей Екатеринбурга, какие источники информации о жизни города они предпочитают, в возрастной группе от 35 лет и старше преимущественно назывались телевидение («Россия 2», «Четвертый канал», «Областное ТВ»), более молодое поколение называли Интернет–СМИ (на первом месте – портал e1.ru) и местные музыкальные радиостанции.

Если сформулировать информационную цель как «получение целостного представления об Уральском регионе», то региональные СМИ не будут в полной мере отвечать этой потребности. Целостное представление о регионе – его истории и сегодняшнем дне, мире повседневности и людях, живущих рядом, – практически не формируется. Скорее мы наблюдаем мозаику информационных

²¹ Источники информации и телепредпочтения россиян. URL: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/10938>

сюжетов, большинство из которых инициируются властью. В то же время региональное телевидение и не ставит перед собой задачи формирования образа региона, поскольку решает, как правило, задачи коммерчески-развлекательного свойства.

Мы проанализировали сайты и программные продукты телекомпаний Свердловской области и вынуждены с сожалением констатировать, что если телекомпании к социально значимым проектам обращаются (например, благотворительный проект «Вместе сможем все» Четвертого канала), то культурно-просветительские или образовательные задачи не входят в круг их интересов.

Рассмотрим в качестве примера «Областное телевидение» – телеканал, который позиционирует себя как «профессиональный... с собственным программированием и оригинальной информационной политикой, ориентированной на интересы жителей Свердловской области». Аудитория, к которой он обращается, – «семейные люди старше 36 лет со средним и высшим образованием. Треть – рабочие на производствах, а четверть – специалисты и служащие. 43% оценивают свой доход как выше среднего или высокий». Канал вещает круглосуточно в 105 населенных пунктах Свердловской области. Проведенный по заказу канала осенью 2012 г. опрос Фонда «Общественное мнение» показал, что «ОТВ занимает 6-е место среди всех общедоступных каналов, транслируемых на территории Свердловской области, уступая лишь пяти развлекательным федеральным каналам», являясь «наиболее популярным» из местных телеканалов (его смотрят 48% свердловчан). Как отмечали 40% опрошенных, «ОТВ лучше всех местных телеканалов информирует о жизни в области»²²,

²² Свердловское областное телевидение. Официальный сайт. URL: <http://www.obltnv.ru>

что по поводу канала думают еще 60% респондентов остается только догадываться.

Вопрос, на самом деле, не в том, какой канал более или менее популярен (это значимо скорее для маркетинга), а в том, насколько он отвечает запросу жителей на получение той или иной информации. И здесь есть определенная взаимообусловленность: жителям предоставляется информация, которую они хотят получить, а они хотят получить то, что, как правило, находится в поле их интереса. Интерес к жизни региона внутри территории замыкается «новостях», главными из которых становятся «новости погоды»...

Сложность и дороговизна изготовления собственного программного продукта не позволяет телеканалам рисковать и предлагать циклы программ, посвященных истории и культуре Уральского региона (почти с ностальгией вспоминаются 1990-е годы, когда на СГТРК выходили программы И. Гладковой «Екатеринбургские тайны»). Справедливости ради отметим, что идущая на ОТВ программа «Национальное измерение», ставящая своей целью рассказывать о «праздниках и обрядах, особенностях национальной кухни и костюмах, о танцах и сказках, быте и вероисповеданиях» народов, проживающих на Урале, пытается решать культурно-просветительские задачи, однако ее аудитория крайне невелика.

Сегодня телевидение заменяется интернет-телевидением как более дешевым в производстве. Интернет-программы зачастую готовят небольшие творческие коллективы, выбирая интересную им самим проблематику. В этом контексте интерес представляет Интернет видеоканал Roomple, сделавший своим девизом слова «Мы хотим представить Россию во всем ее многообразии, разрушить сложившиеся в мире стереотипы о нашей стране и рассказать о культурных ценностях, которые являются нашим

достоянием»²³. Создаваемый молодыми людьми, он и ориентирован на молодежную аудиторию. Среди программных продуктов мы обратили внимание на обзорные видео-экскурсии, посвященные архитектурным стилям Екатеринбургa, где органично сочетаются визуальный ряд и информация, позволяющие решать как образовательные, так и презентационные задачи.

Поиск целостной информации о регионе обращает к сети Интернет и прежде всего к официальным ресурсам областных и городских администраций. Построенные, как правило, по единому образцу сайты областных и городских административных органов представляют официальную «версию» жизни отдельных территорий. Они представляют официальную символику области/города, обозначают сферы социальной жизни, публикуют документы, регламентирующие общественные отношения, анонсы предстоящих событий. Анализ официальных ресурсов администраций Уральского федерального округа и Пермского края показывают, что сферы образования и культуры не пересекаются в виртуальном пространстве, занимая каждая собственную «нишу» в официальном «портрете» территории. Их единство, если и предполагается, то скорее как потенция, нежели, как реальность. Например, на официальных сайтах управления образования Екатеринбургa или Челябинска не представлена информация о культуре территории (даже на уровне анонсов событий), на сайтах управлений культуры можно обнаружить ссылки на учреждения образования, находящиеся в ведомственном подчинении (школы искусств), но нет информации о взаимодействии с системой общего образования. Ведомственный подход создает определенные сложности для формирования единого информационного пространства: отсутствие «перекрестных» ссылок становится знаком недостаточной

²³ <http://roomple.ru/>

корреляции между ведомствами внутри единого региона, что не способствует созданию целостного образа территории, делая его фрагментарным.

В информационном поле региона важное место отводится информационно-аналитическим агентствам и СМИ в сети Интернет. Информационные агентства представляют актуальный контент, характеризующий по преимуществу политическую и социально-экономическую жизнь региона. Несмотря на то, что обязательным компонентом в структуре информации могут выступать «культура», «наука», «образование», внимание к этим сферам оказывается на периферии интереса и ограничивается перечислением событий и информационных поводов. Это касается и региональных и федеральных агентств, имеющих региональные представительства. Очевидно, что информационную повестку дня формируют политические и экономические новости.

В каталоге сайтов UralWeb.ru представлены наиболее посещаемые региональные медиаресурсы сети в категории «информационные агентства». Только две ресурса из 88 информагентств Уральского региона включили в свои рубрикаторы вкладку «Образование» (Ufalife – Уфимская жизнь. г.Уфа; Югра-Информ, г. Ханты-Мансийск), три из них – вкладку «Культура» (кроме уже указанных, еще Bashinform.ru – самый цитируемый сайт Башкирии).

Даже чисто «новостийный» контент может быть самого разного свойства. Мы на протяжении полугода проводили мониторинг и анализировали информацию электронных агентств и СМИ и пришли к следующим выводам: несмотря на различные мероприятия и множественные акции, проводимые в сфере образования и культуры региона, в Свердловской области они не являются предметом интереса и объектом для аналитики большинства

агентств и интернет-ресурсов. Как правило, информация о событиях дается крайне скупо, в лучшем случае сопровождается комментарием эксперта (так было во время приема в общеобразовательные учреждения, нехватки мест в детских садах, скандалов с ЕГЭ, нарушениями в оздоровительных лагерях). Практически отсутствуют жанры аналитического обзора, веб-обозрения ресурсов об образовании и культуре, эссе о происходящих событиях, журналисты ограничиваются краткими описаниями и статьями. В силу неспециализированности СМИ, с одной стороны, и незаинтересованности журналистов и большинства читателей, в другой.

В то же время в сети существуют ресурсы, позиционирующие себя как информационные агентства «культурной информации». В Екатеринбурге такую роль выполняет агентство «Апельсин», «единственное СМИ города, специализирующееся на новостях культурной жизни Урала»²⁴, которое представляет анонсы событий в сфере культуры, предлагает актуальные интервью и с некоторой периодичностью – рецензии на музыкальные альбомы и вышедшие книги.

Конечно, бóльшую востребованность у пользователей сети Интернет имеют ресурсы, анонсирующие предстоящие события в сфере досуга (см., например, Пермский ресурс «Пермь – территория досуга» – idem.perm.ru – со среднесуточной посещаемостью 33, позиционирующий себя как информационно-развлекательный портал о культурной жизни города Перми). И мы можем констатировать, что именно на эту потребность отвечают электронные ресурсы.

Даже беглый анализ интернет-журналистики показывает, что авторы ресурсов не заинтересованы в презен-

²⁴ Информационное агентство «Апельсин». URL: <http://apelcin.ru/onas.html>

тации культурно-образовательного пространства региона, а ориентированы на сиюминутные нужды. Отсюда – и отсутствие разнообразия жанров, и однотипность в подаче информации, и узость тематики.

Другой источник информации о регионе – разнообразные туристские электронные ресурсы, призванные аккумулировать информацию и создавать привлекательный образ территории. Внимание, которое в последнее время уделяется развитию сферы въездного туризма, свидетельствует об интересе к культуре как экономически значимой сфере для развития территорий России (см., например, развитие сферы туризма в Тюменской области²⁵).

Анализ туристских сайтов Уральского региона показывает, что они не только представляют информацию об отдельных достопримечательностях, но и стремятся создать условия для живого общения заинтересованных людей. Из 136 ресурсов каталога UralWeb.ru мы выделили несколько групп: официальные региональные туристические ресурсы (например: Турпрофи.ру – сайт для профессионалов туристического бизнеса в Уральском регионе; Ютрэвел72.ру – туристический портал Тюменской области), представляющие туристические услуги как внутри региона, так и за его пределами; сайты туристических фирм, организующих экскурсионно-туристические поездки (например, «Аркаим-Трэвел» или «Актив-Трэвел», занимающиеся организацией активно-познавательного отдыха на Урале); сайты туристических клубов, делящихся со всеми

²⁵ В частности, одной из значимых новостей июля 2013 г. стала информация о Постановлении правительства Тюменской области, введившем новую форму государственной поддержки, связанная с возмещением части затрат по организации железнодорожных туров в Тюменскую область и по Тюменской области. URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-ural/tumen/cultura/1682544.html#ixzz2b4MqhCkK>

впечатлениями о путешествиях (например, сайт с посещаемостью более 300 человек в день – Турклуб Зодиак – Пермь, специализирующийся на спортивном туризме и активном отдыхе, представляет описания маршрутов, дневники походов и путешествий, многочисленные фотографии). Самыми привлекательными для аудитории, конечно, являются сайты, объединяющие официальную информацию об организации туров и личные впечатления участников. Нас в большей степени интересовало, насколько представленная на сайтах информация о регионе позволяет создать его целостный образ.

По преимуществу образ региона связан с природными объектами: река Чусовая, заповедник Зюраткуль, озера Челябинской и Свердловской областей. Среди туристических ресурсов наше внимание привлек портал «Другой Урал. Альтернативный путеводитель по Уралу» (общее количество просмотров ресурса – 80128), созданный группой энтузиастов с целью «показать интересные, необычные, а так же малоизвестные места для увлекательной познавательной деятельности и активного отдыха на территории Урала»²⁶. Авторы выставляют оценки местам и объектам в соответствии со степенью доступности, вызываемым интересом, состоянием объекта, его исторической значимостью. Среди рубрик выделяются «Архитектура» и «Музеи», в которых представлена краткая информация об объекте: расположение, способы, как добраться, фотографии. При знакомстве с материалами портала создается впечатление о регионе как особом месте с оригинальными памятниками культуры (см. интерактивную карту с нанесенными объектами). Ресурс обладает высоким уровнем информативности, находится в поле зрения молодежи, но

²⁶ Портал «Другой Урал. Альтернативный путеводитель по Уралу».
URL: <http://dr-ural.ru/oproekte.html>

как любительский сайт он носит скорее развлекательный характер.

Попытка представить Свердловскую область как некое целое сделана авторами интернет-энциклопедии Свердловской области (<http://moi-ural.ru>). Этот сайт можно отнести к многочисленным любительским ресурсам, но обращает внимание достаточно серьезная подборка материалов об истории области, о памятниках культуры разных эпох, снабженная библиотекой оцифрованных книг, посвященных Уралу, может удовлетворить информационные потребности как человека, стремящегося найти сведения о Свердловской области, так и человека, изучающего историю и культуру края.

По сути, описанные нами ресурсы во многом носят любительский характер в большой степени дополняя, а в некоторых случаях заменяя электронные ресурсы администраций, учреждений культуры и образования. На наш взгляд, важным является тот факт, что информационные потребности в получении сведений об Уральском регионе вызывает к жизни разнообразные ресурсы, созданные любителями-краеоведами, обеспечивая иной тип социальной коммуникации – по интересу к своему городу/поселению, по представлению информации, значимой для самих жителей. Примером может служить сайт 1723.ru, авторы-создатели которого ищут и размещают различную информацию о Екатеринбурге–Свердловске. Анализ материалов этого сайта позволяет получить «обратную связь» о том, что именно значимо для горожан, каким они видят свой город, как он изменился за свою почти трехсотлетнюю историю.

Несмотря на многообразие информационных источников – от официальных до субъективных любительских, целостный образ региона в СМИ не представлен. Он носит скорее мозаичный характер, не позволяя выделить

некие константы и образцы, которые можно рассматривать как знаковые для региона. На наш взгляд, сохраняется потребность в создании обобщающих ресурсов, консолидирующих информацию о культуре региона и ее образовательном потенциале.

Обобщенный образ региона создается в большей степени благодаря книгам, посвященных краю. Региональные издательства публикуют научные исследования, научно-популярную и публицистическую литературу о регионе. Несмотря на сложности существования региональных издательств, связанные с необходимостью поиска финансирования, книги, посвященные региону, выходят достаточно регулярно. Среди издательств Екатеринбурга, ориентированных на региональную проблематику, особое место занимают «Автограф», «Сократ», «Банк культурной информации», «Баско», «Независимый институт истории материальной культуры». Книги этих издательств охватывают практически весь спектр т.н. краеведческой литературы: от подарочных альбомов, посвященных природе Урала, различным аспектам художественной жизни, до репринтов оцифрованных дореволюционных изданий и книг для школьников. Сложившийся подход к изданию «серий» позволяет выделять определенные сегменты и представлять либо исторический аспект (серия «Очерки истории Урала» – «Банк культурной информации», «Урал в исследованиях историков и краеведов» в рамках уральской электронной библиотеки – «Баско»), либо отдельные направления художественной культуры (серии «Стили в архитектуре Свердловской области», «Художественная культура Урала» – «Независимый институт истории материальной культуры»), либо книги, предназначенные для школьников (серия «Урал в ликах городов» – «Сократ»), либо книги-биографии деятелей культуры (серии «Жизнь

замечательных уральцев», «У истоков уральского предпринимательства» – «Сократ»).

Воспитательные цели. Овладение системой социально-культурных норм является важнейшей задачей становления и формирования человека. Среди социально-культурных норм можно выделить такие, которые условно можно назвать «маркерами» идентичности. Собственно и процесс воспитания нами рассматривается как становление и обретение культурной идентичности.

Каждый из субъектов культурно-образовательного пространства стремится к тому, чтобы принадлежность к профессиональному сообществу, конфессиональному или этническому целому стало личностной характеристикой и позволяло индивиду определять свое место в системе социально-культурных коммуникаций.

В ходе инкультурации происходит освоение норм и ценностей культуры, превращение внешних по отношению к индивиду и/или группе социально-культурных требований во внутренне мотивированные, определяющие индивидуальные и групповые формы поведения, стереотипы восприятия, миропонимание. Инкультурация и социализация как механизмы вхождения/освоения/присвоения культуры позволяют индивиду сформировать собственный мир на основе переживания социального опыта и интериоризации принятых общественных представлений. Эмоционально-чувственное и интеллектуальное восприятие окружающей реальности требует не просто выработки к ней собственного отношения, но формирования устойчивых и воспроизводимых реакций на вызовы внешней среды. Результатом инкультурации и социализации выступает процесс формирования культурной идентичности.

Собственно термин «идентичность» первоначально использовался в эго-психологии (Э. Эриксон) как характе-

ристика самотождественности, основанная на восприятии себя в неразрывном единстве с социально-культурным целым. Исследования идентичности в отечественной и зарубежной науке обнаружили многослойность самого понятия, увязывая его не только с психологическим состоянием субъекта, но и с проблемами личностного роста, с его социальными ролями. Среди необходимых социально-психологических характеристик идентичности называются самоосуществленность личности, ее жизненная реализованность и пр. Идентичность рассматривается и как понятие, характеризующие уникальную природу человека, и как антропологический контекст человеческой сущности, и как результат реализации внутренней сущности во внешних условиях. В современных исследованиях можно найти рассуждения об этнической, региональной, религиозной, гражданской идентичностях, свидетельствующие не столько о многомерности понятия, сколько о его востребованности для описания социально-культурных реалий.

Множественность идентичностей, характеризующая личность эпохи модернити, вызывает ассоциации со шкафом, в котором на каждый случай есть новая одежда. Весь вопрос – каков этот «шкаф»: где он стоит, как выглядит, кем и когда он «заполнялся». По сути, мы обнаруживаем, что сколь бы ни был разнообразен репертуар идентичностей, он интегрирован культурой, в которой происходил процесс взросления человека.

Вопрос о культурной идентичности воспринимается как актуальный в образовании – целенаправленном процессе формирования целостной личности, способной к творчески-активной преобразующей деятельности. Образ культуры, ее ценностно-нормативное ядро в процессе жизни человека осваиваются во многом стихийно, в то время, как в ходе обучения и воспитания это становится основой образовательных стратегий и практик. Можно сказать, что

процесс формирования культурной идентичности в образовании – это целенаправленная деятельность по ее [идентичности] конструированию.

Разговор о социальном конструировании, благодаря работе П. Бергера и Т. Лукмана, стал сегодня чрезвычайно популярным. В проекции педагогики он приобретает разговор о проектировании и конструирования педагогических систем, воспитательных и образовательных программ. Мы хотим обозначить еще одну плоскость социального конструирования – формирование культурной идентичности в процессе образования человека. Образовательные технологии нацелены не только на усвоение определенного объема информации об окружающем мире, но и на формирование у человека устойчивых качеств, с помощью которых он позиционирует себя в этом мире, осознанно выбирая формы и способы взаимодействия с другими людьми в соответствии с освоенными культурными образцами.

Ключевое слово – «осознанно». Оставим за скобками размышления о том, ставится ли в отечественной педагогике таким образом сформулированная задача. Отметим лишь, что вольно или невольно педагоги, преподающие гуманитарные дисциплины, пытаются этим заниматься, вводя в учебные курсы историко-культурное, краеведческое, этнокультурное содержание с целью «приобщения к ценностям родной культуры».

Идентичность формируется под воздействием внутренних и внешних условий. Внутренние условия связаны с миром личности, с теми смысловыми ориентациями, которые для нее характерны, иначе говоря – с миром «Я». Идентичность носит ценностно-ориентационный характер и может рассматриваться как одна из форм включенности человека в социальное пространство. На формирование самоидентичности воздействуют различные фак-

торы, среди которых особо значимыми нам кажутся оценки и мнения других людей о человеке. Внешними характеристиками идентичности могут служить атрибуция данного индивида как принадлежащего к определенной национальной культуре, социальной или профессиональной группе и т.п. (идентичность такого рода можно рассматривать в оппозиции *Я-Другой*). По сути, идентичность является интегрирующим началом личности, обеспечивая его тождественность самому себе и тому образу, на который он ориентируется²⁷.

Региональная идентичность может быть описана как внутреннее самоощущение человека (в логике «*Я – такой*»). Как правило, обнаруживается тесная связь внутренних качеств личности с местом жительства. Можно предложить типологический ряд, где самоощущение человека передается через его принадлежность к определенной территориальной целостности: москвич, петербуржец, помор, донской казак, уралец, сибиряк, северянин и др. В этих названиях соединяются воедино принадлежность к определенному региональному сообществу и набор личностных качеств, закрепившихся в обыденном сознании (достаточно вспомнить традиционный для культуры советской эпохи образ петербуржца как «старого интеллигента», или сформировавшийся в ходе освоения Западной Сибири и Севера тип северянина – грубоватого «работяги» и отзывчивого человека, готового прийти на помощь).

В последнее время в разных регионах стали появляться исследования, посвященные «региональной идентичности». Вопрос этот непростой и во многом связан с

²⁷ Безусловно, требует более детального исследования само понимание тождественности личности самой себе и образу сознания, однако, поскольку это не является целью нашей работы, ограничимся простой констатацией.

политической ситуацией, сложившейся в современном мире и в России, в частности.

Поиск оснований для многих людей стал одной из вех на пути самоосознания. Стали появляться исследования, посвященные не только проблемам персональной идентичности, но и затрагивающие разные группы «идентичностей», в том числе региональную. Анализ работ, посвященных настоящей проблеме, позволяет сделать вывод, что сугубо «территориальной привязкой» дело не ограничивается. В контексте проблемы региональной идентичности возникает представление об исторически сложившихся региональных общностях. Среди них можно назвать Сибирь и сибиряков, Дон и донских казаков, Урал и уральцев.

В качестве примера приведем статью, опубликованную не так давно в газете «Восточно-Сибирская правда» под симптоматичным названием «Сибиряки и “сибирство”» (автор – Н. Сверкунова), где с пафосом провозглашается: «Население разных регионов (в географическом, широком понимании) имеет свои особенности, которые отражены в материальной, духовной культуре, менталитете. Но лишь население такой территории, как Сибирь, может претендовать не просто на региональную идентичность, но и на особую региональную общность, которая формировалась в течение трехсот лет ее освоения и экономического, а также культурного развития»²⁸. И далее приводится показательная «цифра» – более 70% жителей региона положительно относятся к такой постановке вопроса.

Характерно, что последующий экскурс в историю освоения Сибири только подтверждает изначальный тезис о существовании особого типа культуры (сибирского) с особым же типом личности. Позволим себе еще одну цитату: «77,8 % участников опроса о сибирской идентичности в

²⁸ Сверкунова Н. Сибиряки и «сибирство» // Восточно-Сибирская правда. 2000. 7 октября.

Приангарье считают, что “сибирский характер” существует. Вот основные его качества: выносливость, упорство, честность, благожелательность, искренность, прямотушие, расовая непредубежденность, демократизм. Кроме того, сибиряки трудолюбивы, немногословны, терпеливы, это люди нескупые, непродажные, уравновешенные, сдержанные, “не поддерживающие распри”.

Больше половины из числа опрошенных на эту тему верят в то, что жителей Сибири с “сибирским характером” больше половины современного населения этого края, причем каждый второй считает, что и сам является обладателем “сибирского характера” “в полной мере”²⁹.

Интересно, что набор качеств, отличающий уральца, по нашим опросам, поразительно схож с теми, которые называет автор цитированной нами статьи (несущественная разница в последовательности перечисляемых характеристик: на первый план опрошенные нами выдвигают трудолюбие и патриотизм). Возьмемся предположить, что при выборе качественных характеристик на самом деле влияет созданный и транслируемый в культуре образ «положительного героя», с которым и сравнивают себя и окружающих молодые люди. С другой стороны, выделение положительных личностных качеств как характерных для жителей региона говорит о том, что ощущается некая связь с местной культурой, транслирующей «положительный образ» как реально существующий в окружающем пространстве.

Говорить о региональной идентичности в отрыве от представления о принадлежности более широкой общности – россиянам – некорректно. Полагаем, что соотношение региональной идентичности и идентичности общероссийской соотносятся как особенное и общее. Человек, ощущая себя гражданином страны (россиянин), осознает свою

²⁹ Там же.

связь с локальной целостностью, которая для него репрезентирует большое целое. Возможно и обратное, он ощущает свои принадлежность локальному как составному элементу единого целого. В обоих случаях, эта связь видится как неразрывная и взаимообусловленная, дающая представление о т.н. *«двойной идентичности»*.

Можно говорить о двух уровнях: идентичности первого порядка – региональной, и идентичности второго порядка (принадлежности большей общности) – общероссийской. В ряде регионов с этнически относительно однородным населением идентичность региональная может совпадать с этнической (двухступенчатая система); в тех регионах, где население этнически разнородно, региональная идентичность занимает более «высокий этаж», чем этническая (трехступенчатая система). В любом случае идентичность, соединяющая региональный и общероссийский уровни, в сознании современного человека присутствует.

Это подтверждают наши опросы учащихся старших классов екатеринбургских школ и студентов педагогического вуза. Опрашиваемые нами молодые люди фиксировали свою принадлежность как к «уральцам», так и к «россиянам», хотя, справедливости ради, отметим, что если к «уральцам» относят себя подавляющее большинство опрашиваемых и для них это значит связь с местом рождения и жизни, то «россиянами» считали себя гораздо меньшее количество опрошенных (около 60 %), мотивируя свой ответ тем, что свою принадлежность к «россиянам», они могут осознать, только поехав в другую страну. Вероятно, этот факт иллюстрирует еще одну плоскость в осознании собственной идентичности – ее связь с внешними и внутренними условиями существования.

Интересно, что ситуация начала меняться в самое последнее время. Для сегодняшних молодых людей значительно важнее, что они жители России, чем региона. Во

многим эта ситуация связана с характером современной культуры (унификация, тиражирование одних и тех же стандартов), устремлениями молодежи «вписаться» в современное социокультурное пространство и укреплением российской государственности.

Несмотря на происходящие изменения, феномен региональной идентичности не исчезает, а, напротив, гораздо более отчетливо заявляет о себе в новой ситуации «открытого» мира. То, что выше мы называли внешними признаками региональной идентичности, выходит сегодня на первый план. Оппозиция «Я – *Другие*» позволяет описать человека, принадлежащего к определенной региональной общности, как определенный тип (с набором антропологических, социальных и личностных характеристик).

Таким образом, региональная идентичность создает возможность для человека осознать собственную значимость, в том числе и как части определенного сообщества, ощутить свою принадлежность малой и большой родине.

Воспитательные цели по формированию региональной идентичности реализуются в образовательной ситуации (системе урочных и внеурочных занятий, в процессе обучения в системе дополнительного образования, в расширении образовательного поля за счет учреждений культуры и пр.). Мы наблюдали процесс, в котором информационные и воспитательные цели взаимно обуславливали друг друга: на аудиторных (классных) занятиях учащихся и студентов знакомили с региональной культурой Урала (школьников – с художественной культурой Урала на уроках МХК, с историей края – на уроках отечественной истории; студентов – с культурой региона на спецкурсе «Культура Урала»), результатом изучения становилось осознание собственной принадлежности к региональной общности. Студенты, например, на вопрос, «что для Вас значит быть уральцем» отвечали, что это – знание истории

края, гордость за людей, которые жили на Урале, понимание, что ценности региональной культуры – не абстрактные, а лично значимые.

Воспитательные цели могут быть осознаны и артикулированы в различной степени. Зачастую они не становятся предметом рефлексии. Однако сегодня мы являемся свидетелями процесса, который можно определить как «конструирование идентичностей» – сознательная деятельность по освоению системы ценностей и принадлежности определенной культурной целостности. Рассмотрим этот процесс на примере конструирования идентичности регионального казачества.

Как известно, в Российской Федерации принят Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», в стадии рассмотрения находится «Закон о казачестве», созданы и действуют войсковые общества, возрождая культуру воинского сословия – казаков. В контексте нашего разговора вопрос о казачьих обществах приобретает особый ракурс: в регионах на территориях, прежде принадлежавших казакам, восстанавливаются станицы и общины, в школах открываются казачьи классы, ведется разговор о создании специальных казачьих институтов по аналогии с военными институтами – происходит институализация социально-сословной общности в условиях несословного федеративного государства. Споры, возникающие вокруг статуса казачества, их роли и месте в социальной структуре России, фиксируют сложный процесс самоопределения.

При этом интерес к культуре казаков на протяжении последних десятилетий достаточно стойкий. Это – хранящееся в коллективной памяти воспоминание о свободлюбии и вольнице, о гордых и прекрасных людях трагической судьбы, чему во многом способствовали увлечение казачьими песнями, внимание к костюму, языку. Однако

если посмотреть более широко – в массовом сознании под словом «казак» по преимуществу понимается «донской казак» (чему немало способствовали «Тихий Дон» М. Шолохова и одноименный фильм С. Герасимова).

Когда в 2000-х годах начался процесс «восстановления» казачества, возникла довольно интересная с культурологической точки зрения ситуация, результатом которой становится определение и закрепление образцов и норм поведения представителей казачества. Многолетнее и целенаправленное рассказывание как одно из направлений культурной политики в советское время дало свои плоды. По сути, те, кто сегодня надевают казачью форму, позиционируют себя как «казаки», зачастую таковыми не являются. И это связано не столько с родовой принадлежностью, сколько с прерванной культурной традицией, воспроизводившей определенный тип личности и носителя особого типа сознания, опирающихся на опыт повседневности. Обратной стороной этого процесса становится мифотворчество, связанное с попыткой «замещения» возникших лакун. В языке это закрепляется в выражениях «казачество всегда было оплотом российской государственности», «казак без веры – не казак», во внешнем облике – в ношении формы, в повседневных практиках – в попытках ритуализации бытового поведения, что, на наш взгляд, выступает в качестве индикаторов и знаков принадлежности к определенной социальной общности.

Несмотря на декларируемое во внесенном в Государственную Думу «Законе о российском казачестве» стремление государства регулировать «общественные отношения, возникающие в связи с возрождением на территории Российской Федерации казачества, традиционного казачьего самоуправления, традиционных для казачества форм землевладения и землепользования, привлечением казаков к государственной и иной службе, предоставлени-

ем им в связи с этим прав и установлением обязанностей, в целях полной реабилитации российского казачества, сохранением его исторических традиций и духовного наследия»³⁰, этот процесс еще далек от завершения.

В связи с этим стоит задача воспитания «новых казаков» – социальной общности, опирающейся на определенные ценностные основы с четко обозначенной идентичностью (заметим, что вопросы воспитания казачат в кадетских классах, в системе дополнительного образования в последнее десятилетие находятся под пристальным вниманием педагогов: см., например, работы Н. И. Кашиной, Ю. В. Лопатина, И. В. Поляковой). Согласно оценкам экспертов, в России около семи миллионов человек причисляют себя к казакам. Общая численность войсковых казачьих обществ – более 700 тысяч человек. В разных частях страны созданы и действуют 24 казачьих кадетских корпуса, казачьи классы, в которых учатся более 40 тысяч ребят.

Для осознания принадлежности к социальной общности недостаточно следовать внешним образцам, необходимо прикосновение к истории, ее переживание и понимание как лично значимой. Ответ на вопрос «что значит быть казаком?» предполагает, что образ жизни определен служением Отечеству, повседневность ритмизирована церковным календарем, а образцами для подражания становятся герои прошлого. Укореняется представление, что казаки сродни рыцарям, которые отличались личными доблестями, были смелыми и мужественными, готовыми к лишениям. Им присущи благородство, верность слову и великодушие. Они служили не по принуждению, но из чувства долга. А значит, в моделях поведения, в самоощущении эти положительные черты должны воспроизводиться. Вопрос о соот-

³⁰ Закон о казачестве. Проект. URL: http://irepeater.com/feeds/feed/5889/item/zakon-kazachestve_3033929.html

ветствии заявленного идеала и реального бытия не ставится, поскольку реализация воспитательной цели находится в русле конструирования идентичности.

Интересно соотношение общей – казачьей – идентичности и ее территориальных вариантов. До революции в России существовало 11 казачьих войск – Амурское, Астраханское, Донское, Забайкальское, Кубанское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Терское, Уральское и Уссурийское. И сегодня казачьи общества различаются по принадлежности к тому или иному войску. Казачье войско, по определению, – самостоятельное территориальное объединение казачества. И вопрос о территориальных особенностях жизни и быта казаков того или иного войска создал новую ситуацию: принадлежность к территориальному войску может рассматриваться как второй уровень идентичности.

При этом, например, на Урале, где сложился собственный тип региональной культуры – горнозаводской, – казачество Оренбургского войска может рассматриваться как локальная культура внутри территориального целого. Горнозаводская культура выступает в качестве доминантной, определяющей «лицо края», а локальные культуры, в нашем случае – качества, как периферийные.

Мы считаем, что в современной социокультурной ситуации воспитательные цели, которые ставит перед собой региональное сообщество (среди которых особое место отводится формированию региональной идентичности уральцев), тесно связаны с целями по воспитанию патристически настроенной казачьей молодежи. При этом ценности регионального и локального сообществ коррелируют друг с другом.

Можно ли сказать, что мы являемся свидетелями формирования нового социального мифа – мифа о казачестве? Видимо, да. Мифологизация, как правило, опирается на реальность, абсолютизируя отдельные исторические факты

и предлагая их интерпретацию в заданном направлении. И в этом контексте разговор о содержании образования в казачьих классах приобретает особый смысл: каким образом представлять историю казачества в России в целом и на Урале, в частности, какие события акцентировать, биографии каких людей изучать в качестве образцов для подражания, иначе говоря, на основе чего формировать культурную идентичность. Одним из путей становится обращение к воинским доблестям как самоотверженному проявлению лучших человеческих качеств, выражающемуся в безупречном исполнении военными своего долга перед Отечеством в мирное и военное время.

Для процесса формирования идентичности важно эмоционально окрашенное переживание культуры. Опыт реконструкции культуры Урала и анализа региональной идентичности уральцев, предпринятый нами в ряде предыдущих работ, и педагогическая практика введения регионального компонента в общеобразовательных и высших учебных заведениях свидетельствуют, что особый интерес вызывают люди, жившие в крае и составившие его славу. Эмоционально окрашенными воспринимаются образы края, которые носят по преимуществу визуальный, пластический характер.

Для конструирования образа культуры казачества на Урале более значимыми становятся словесные и аудиальные образы. Во многом это связано с тем, что самыми яркими репрезентациями культуры Урала были декоративно-прикладное искусство и живопись, а казачья культура в большей степени зафиксирована в литературном тексте – фольклорных записях, в обрядово-песенной традиции, в воспоминаниях о прошедших событиях, в поэтических строках. Переживание, связанное с обращением к литературному источнику, становится основой для формирования культурной идентичности. Тексты позволяют представить

реальный опыт культуры и предложить идеальный образ ее носителя.

Операционально-деятельностные цели, которые ставят перед собой субъекты культурно-образовательного пространства, могут быть рассмотрены в проекции профессионального образования. Мы не будем рассматривать весь спектр предлагаемых в регионе профессиональных сфер деятельности и многообразие образовательных программ, остановимся на специфике педагогического образования как транслятора культурных смыслов.

Несмотря на развитую систему подготовки кадров для сфер культуры и образования в контексте реализации стоящих перед регионом целей по самоидентификации и позиционированию внутри общероссийского пространства, педагогическое образование в силу своей универсальности и одновременной ориентации на профессиональные умения организовывать образовательный процесс для всех категорий граждан приобретает особое значение. Сегодня необходимо вести речь о педагоге, который осознает свою цель не столько как «предметник», владеющий необходимым набором компетенций, позволяющих донести до учащихся объем знаний в определенной области и обучить навыкам и способам применения знаний, сколько о личности, готовой к реализации социально-значимой цели формирования человека культуры.

Система образования в регионе – это не только учреждения образования (от детских садов до вузов, от клубов по интересам до бизнес-школ), но и те образовательно-воспитательные программы, которые они транслируют. Такие цели образования как приобщение человека к ценностям культуры, которые, в свою очередь, определяют характер его деятельности, способствующей раскрытию творческого потенциала, можно рассматривать как универ-

сальные. Применительно к региональному культурному пространству они конкретизируются, исходя из образа жизни людей в территории, целей и задач ее социального развития.

Уникальный облик, сформировавшийся тип хозяйственно-экономических связей, тип личности, ценностные ориентации, обуславливающие региональную идентичность россиянина, – все это можно рассматривать как фактор социально-экономического развития территории. Актуальной задачей становится обеспечение преемственности смены поколений, гражданской ответственности за судьбы своего края и своей страны. Возможность осуществления этой задачи – в подготовленных педагогических кадрах, знающих специфику регионального развития, выступающих носителями и трансляторами социально-культурных ценностей регионального развития.

В сегодняшних условиях экономики знаний в системе образования особую значимость приобретает региональный педагогический вуз, для которого функция связи общегосударственных и региональных задач является естественной, а «привязка» к территории делает его активным участником местной социально-культурной целостности. К примеру, Уральский государственный педагогический университет как головной педагогический вуз региона выступает в качестве регионального центра педагогического образования, поскольку обеспечивает кадры для системы образования, ориентированные на формирование самодетельной личности, ощущающей свою принадлежность региональному сообществу и ответственность за развитие «малой родины», связывающей свое жизненное самоопределение с Уралом.

Отсюда стратегическая цель вуза – «воспитание и развитие социально и профессионально компетентной личности, подготовка творчески мыслящих специалистов,

способных пополнить и повысить интеллектуальный потенциал России на основе оптимального сочетания фундаментального университетского образования и практико-ориентированной профильной подготовки с учетом требований времени»³¹, которая конкретизируется, исходя из требований территории.

Региональный педагогический вуз обеспечивает единство образовательной и культурной составляющих регионального пространства за счет инициативной деятельности включения учреждений культуры в образовательный процесс, актуализации культурного наследия в содержании учебных курсов, формирования воспитывающей среды за счет включения в нее музейных, библиотечных, художественных и музыкальных составляющих.

В системе подготовки педагогов важной составляющей является культурологическая, которая реализуется и как составной компонент общекультурной компетентности будущего педагога, и как направление профессиональной деятельности. Культурологическая направленность занимает особое место в подготовке специалистов социальной сферы, молодежной политики, туризма, ориентированных на деятельность в регионе.

В современных условиях обрела свою специфику подготовка культурологов в педагогическом вузе. Можно говорить о подготовке специалиста в области прикладной культурологии, обладающего способностью к анализу и прогнозированию социально-культурных процессов, что особенно востребовано в эпоху социальных трансформаций, готового в профессиональной деятельности транслировать ценности культуры и формировать личность обучающегося в соответствии с ними: будь то ценности профессиональные (через учебные курсы по истории религий и изучение духовно-нравственных основ культуры народов

³¹ Университет. URL: <http://www.uspu.ru/universitet>

России) или этнокультурные (через приобщение к традициям повседневности), но прежде всего создающие основу для гражданского единства – ценности региональной культуры как составной части общероссийской.

Таким образом, реализация поставленных субъектами культурно-образовательного пространства целей позволяет решить несколько задач – создания и трансляции образа региона через актуализацию его ценностно-нормативного ядра, формирования региональной идентичности, становления социально активной личности, рассматривающей регион как пространство для творческой деятельности и самоактуализации.

1.3. Структурные компоненты регионального культурно-образовательного пространства

Региональное культурно-образовательное пространство Урала мы представляем как многоуровневую систему со сложными связями компонентов. Региональное культурно-образовательное пространство можно рассмотреть как микромодель, в котором каждое из «измерений» культуры приобретает особую наполненность: как физическое пространство (учреждения культуры и образования в целом), как ментальное пространство (представления/образы региона в сознании людей), как символическое пространство (пространство, населенное смыслами культуры, воплощенными в конкретные формы и предметы), как социальное (пространство социальных связей).

Рассмотрим каждый из уровней-«измерений». Начнем с физического пространства. Традиционно мы подразумеваем, что пространство – это закрепленное в физическом мире место, обладающее набором качеств – протяженностью, связностью, непрерывностью и пр.

Физическое «измерение» регионального культурно-образовательного пространства – это и существующее в

определенном месте учреждение образования и/или культуры, и сеть учреждений различного типа, объединенных в единую систему. Плотность распространения учреждений образования и культуры различается в зависимости от территории: в мегаполисах – они максимально разнообразны и многочисленны, в поселках – минимальны. Однако количество учреждений не позволяет в полной мере охарактеризовать культурно-образовательное пространство в силу разнокачественности и социокультурной значимости отдельных учреждений непосредственно для территории.

Образовательные учреждения, которые входят в культурно-образовательное пространство, представляют все уровни образования (дошкольного, школьного, профессионального, дополнительного) независимо от их организационно-правовых форм и подчиненности, выступают в качестве ведущих компонентов системы. Реализуемые в образовательных учреждениях образовательные программы создают условия для вхождения отдельных образовательных учреждений в системы более высокого уровня – в систему регионального и российского образования.

В настоящее время общеупотребимым термином стало «единое образовательное пространство», характеризующее общность принципов государственной политики в сфере образования и обеспечивающее единство содержания образования по всей стране. Единое образовательное пространство страны можно рассматривать как существование инварианта и региональных вариантов. В нашем случае вариантом будет региональное образовательное пространство, которое объединяет образовательные учреждения, находящиеся на определенной территории, и реализует программы, посвященные особенностям (географическим, историческим, культурным) регионального развития. Структура регионального образовательного пространства может рассматриваться в заданной системе коорди-

нат, где «вертикаль» обеспечивают смыслы и ценности культуры, а «горизонталь» – находящиеся в сложно взаимодействии учреждения образования (в скобках заметим, что мы не говорим об однопорядковости учреждений разного уровня образования, но лишь об их месте в системе). Среди продуктивных способов взаимодействия образовательных учреждений в настоящее время является сетевой³², обеспечивающий возможность интеграции, как на организационном («детский сад–школа», «школа–вуз», «ресурсный центр–образовательные учреждения», «базовое образовательное учреждение–другие образовательные учреждения» и пр.), так и на содержательном уровнях (обучение по элективным образовательным программам в том числе в дистантной форме).

Функции образовательных учреждений в культурно-образовательном пространстве региона не ограничиваются реализацией избранных образовательных программ, но включают в себя формирование региональной идентичности и становление гражданина.

Учреждения культуры, входящие в культурно-образовательное пространство региона, столь многочисленны, что перечислять их не имеет смысла. Остановимся только на тех функциях, которые они выполняют. Наряду с узко специальными (библиотеки – по справочно-библиографическому и информационному обслуживанию или театра – по созданию и представлению произведений театрального искусства) учреждения культуры в регионе не только выступают в качестве создателей художествен-

³² См., например: Концепция сетевого взаимодействия учреждений общего, профессионального и дополнительного образования по обеспечению элективных и профильных курсов в системе профильного обучения. URL: <http://www.isiorao.ru/Project/experience/profil/concepcija.php/concepcija.php>

ных продуктов, но и осуществляют просветительную задачу по приобщению и освоению региональной культуры.

Взаимодействие образовательных учреждений и учреждений культуры происходит в нескольких плоскостях: реализации общих образовательно-познавательных и просветительных программ, в использовании учреждений культуры в качестве «площадок» для внеаудиторных занятий с обучающимися (дошкольниками, школьниками, студентами), в использовании учреждений образования в качестве «площадок» для передвижных экспозиций, театральных постановок или выездных концертов.

Религиозные учреждения в современном культурно-образовательном пространстве занимают важное место. Она связана не только с возрождением религиозности населения и реализацией потребности в вере, но и с той разнообразной социально значимой деятельностью, которую осуществляют представители различных конфессий. В контексте нашего разговора особый интерес представляют образовательные программы, реализуемые конфессиями, в которых присутствует «региональный компонент». Так, в программах воскресных школ, организуемых Русской Православной Церковью, обращение к истории края и прославившим его святым, к почитаемым местам и святыням, к образцам религиозного искусства выполняет не только информационно-познавательную функцию, но и показывает символическую значимость места жизни («земля у Бога не забыта»).

Национально-культурные автономии через создаваемые ими центры культуры знакомят с историей и традициями отдельных этносов, населяющих Россию. Работа этнокультурных центров в регионе направлена не только на подчеркивание этнического своеобразия и на формирование культуры толерантности, но и на представление тех форм взаимодействия, которые обеспечивали региональ-

ное единство. К сожалению, таким образом сформулированная задача в настоящее время является скорее желаемой, нежели артикулируется и воплощается в их деятельности.

Субкультурные образования также выступает в качестве активных субъектов регионального культурно-образовательного пространства и потому могут рассматриваться как важные элементы его функционирования. В силу того, что первоначально исследования субкультур связывались с молодежными объединениями, мы выделяем городские молодежные субкультуры как структурные компоненты регионального культурно-образовательного пространства.

Мы остановимся прежде всего на субкультурах мегаполиса, поскольку в регионе он во многом выполняет социально-культурные функции столицы – создает и транслирует культурные образцы. Среди множества субкультур в современном мегаполисе мы обращаем внимание на две группы – защитников исторического наследия и стрит-художников³³, которых объединяет стремление к социально активному действию. Для защитников исторического облика городов важен факт связи прошлого и настоящего, запечатленный в памятниках культуры. Их активное противостояние меркантилизму и сиюминутной выгоде застройки типовыми сооружениями исторических городов создает не просто информационные поводы для приглашенных на акции журналистов, но позволяет преодолевать инерцию горожан по отношению к месту их жизни. Протестные акции не исчерпывают всего содержания деятельности защитников исторического наследия.

³³ Мы сознательно заушаем поле описания, понимая, что таких локальных субкультур может быть значительно больше, однако нам важно не описывать их, а определить, насколько они значимы для развития и функционирования культурно-образовательного пространства.

Важное место занимает их просветительная деятельность (например, проведение тематических экскурсий по историческим местам).

Казалось бы, уличные художники находятся на другом «полюсе»: если защитники исторического наследия сохраняют прошлое, то граффитисты его разрушают. Действительно, вандализм по отношению к историческому наследию – не только дело рук недобросовестных и безответственных застройщиков, но и многих молодых людей, «украшающих» стены неподобающими рисунками и надписями, чем наносят ощутимый ущерб городу и горожанам. Но в последние несколько лет ситуация начала изменяться: к стрит-арту стали относиться как к направлению современного искусства, предоставляя свободные городские пространства для самовыражения уличных художников. Стрит-арт сегодня – это попытка переосмыслить здесь и сейчас существующее городское пространство, будь то заборы или трансформаторные будки, стены жилых домов или детских садов, наполнить его новой образностью, соответствующей ритмам современной жизни. Как отмечают сами представители стрит-арта, их творчество – это социальное высказывание, которое несет гуманистический смысл.

И защитников истории и стрит-художников объединяет стремление наполнить смыслом окружающее пространство, осваивая и превращая в «свое». В их деятельности сочетаются два вектора, свойственные современному существованию региональной культуры, сохранение связи с прошлым и поиск новых форм и средств для самоактуализации. Как выразился один из участников ежегодного фестиваля граффити в Екатеринбурге «Стенография-2013» Слава Комисаров, своими работами он «попытается привлечь горожан к творческой деятельности и преобразению города».

Средства массовой информации в региональном культурно-образовательном пространстве не только выполняют информационную роль, но в силу широкого охвата аудитории позволяют транслировать значимые для регионального социума идеи и смыслы.

Возникает вопрос, возможно ли оценить качество культурно-образовательного пространства и в чем измерить его продуктивность и эффективность? Это вопрос не сугубо управленческий. Он касается, прежде всего, реализации установки на воспитание региональной идентичности и осознания ценности региона для его жителей. По сути, речь может вестись о креативном потенциале территории, который актуализируется в творческих проектах, акциях, инициативах социально активных граждан. И чем больше возникает разноплановых мероприятий, привлекающих представителей самых разных сообществ и субкультур, тем продуктивнее культурно-образовательное пространство, тем насыщеннее жизнь региона.

Ментальное «измерение» регионального культурно-образовательного пространства – это совокупность представлений о регионе. Его можно было бы назвать интеллектуальным пространством, к котором живут представления об окружающей действительности, об образах реальности, которые есть у каждого человека (взрослого или начинающего осваивать и осмыслять мир), а также способы и средства формирования картин мира. У ментального пространства есть различные проекции – в историю личности, в историю социума, в историю культуры. По сути, ментальное пространство – это пространство культурных универсалий, определяющих как фундаментальные представления о мире в целом, так и о регионе как его составной части. В ментальном пространстве присутствуют ценностно-нормативные установки, обеспечивающие существова-

ние регионального социума как целостности, воспроизводятся этические нормы и художественные образцы, репрезентирующие регион.

Образ региона как целостность существует, прежде всего, как мыслимый конструкт и может быть рассмотрен как структурообразующий компонент ментального пространства. Его можно представить в определенных границах, выделить центр и периферию и раскрыть, как они определяют его «лицо», описать диспозиции каждого из элементов. Образы российских регионов в настоящее время, несмотря на складывающуюся научную традицию описания (от классических работ Э. Гуссерля или К. Линча до описаний культур-географов Д. Замятина или В. Каганского), не систематизированы, скорее лишь контурно обозначены.

В сознании жителей образ региона как места жизни более разнопланов, в представлении внешних по отношению к региону людей живет на уровне визуальных (трубы заводов Урала) или словесных («опорный край державы»)³⁴ стереотипов. Конструирование образов регионов происходит стихийно и бессознательно (в процессе жизнедеятельности) и осознанно (в ходе целенаправленного имиджмейкинга).

Важным для функционирования регионального культурно-образовательного пространства является тот факт, чтобы образ региона присутствовал в актуальном сознании его жителей в том числе и как «моральный фактор», обеспечивающий ответственное отношение к жизни.

³⁴ См. об этом подробнее в статье: Мурзин А.Э. Новые образы регионов: вектор обновления России // Человек в мире культуры: Межвуз. сб. науч. и науч.-метод. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. С.19-24.

Символическое «измерение» регионального культурно-образовательного пространства может быть рассмотрено как пространство смыслов культуры, которые «оживают», когда человек обращается к ним, стремится их понять и принять. С некоторой долей допущения можно обозначить символическое пространство как пространство «текста культуры» (Ю. Лотман), который учится «читать» человек в процессе приобщения к ценностям культуры.

Ю.М. Лотман писал: «Существование... универсума – семиосферы – делает определенный знаковый акт реальностью»³⁵. Для осознания собственной идентичности требуется понимание единого символического ядра, служащего объединяющим началом для жителей той или иной социальной общности. Ставится задача обозначить круг символов, репрезентирующих регион и служащих знаками его консолидации. Официальная символика и неформальные символы, в числе которых могут находиться, в том числе, и те человеческие типы, которые объединяют в себе характерные черты личности, воспитанной в определенных исторических условиях на данной территории, могут рассматриваться как репрезентации региона.

Анализ символики регионального мира позволяет не только рассмотреть логику и устремления региональных элит в современной России, но, что, на наш взгляд, гораздо важнее, осознать смыслы, которые значимы, но зачастую не артикулированы жителями конкретной территории. Рассмотрим в качестве примера Екатеринбург, который одновременно можно рассматривать и как самостоятельное целое и как столицу региона, воплощающую в самом общем виде те процессы, которые в других частях края происходят, может быть, менее заметно.

³⁵ Лотман Ю.М. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры – Таллин: «Александра», 1992. С. 13.

Первым в ряду символических явлений становится имя города. Уже много и подробно и культурологами, и историками, и лингвистами говорилось о смысле и значении имени города как выражении его «души», предопределяющей его судьбу. В частности, история имени Екатеринбург-Свердловска-Екатеринбурга как зеркало отражает не только процессы, происходившие в обществе в XVIII или XX веке, но и становится первым шагом на пути представления города. Возвращенное историческое имя «внедрилось» в сознание горожан, но скорее в виде акустически закрепленного комплекса. Но если жители города уже привыкли к возвращенному имени, то иногородние именуют нас по-прежнему «Свердловском» и именно советское название в приватной беседе становится доминирующим. Нам кажется, что советское время завершилось, и мы можем выстраивать свою жизнь, опираясь на более глубокую историю, но в сознании других людей мы находимся в *том* времени, мы неразлучны с ним и представляем именно его.

Знаковой является официальная символика. Герб, флаг, гимн символизируют не только власть, но являются важным атрибутом идентичности. Появление в XVIII в. в России утвержденных гербов было знаком нового устройства страны, в гербах российских городов произошло закрепление прав местного самоуправления. Отличительной особенностью исторически сложившейся геральдической системы России называют ее связь с духовными традициями, воплощенными в лаконичных и емких символах. Не случайно историки рассматривают государственную геральдику как один из важных источников по анализу официальной идеологии.

Отмена исторических символов в советское время символика свидетельствовало о стремлении к унификации страны, подчиненности ее единым условиям существова-

ния, транслируемых властью. В 1960-е гг. на волне интереса к отечественной истории и культуре осознается значимость символических изображений, вслед за этим появляются исследования старинных городских гербов, формулируется задача создания новых геральдических символов. Ценность этой работы видится в контексте патриотического воспитания граждан (по сути, геральдическая символика призвана была создать дополнительные условия для самоидентификации советских людей, история которых тесно и навсегда связана с историей советского государства, с единым выбором для своего развития). Городские советы принимали новые городские гербы, необходимыми элементами которых становятся «символы» мирного труда – шестеренки, трактора, молоты, наковальни и т.п. Хотя, по большому счету, эти гербы трудно назвать символами в том смысле, что смыслы их очевидны и упрощенны: это скорее эмблемы хозяйственной «специализированности» города, нежели воплощение смыслов бытия.

В постсоветском пространстве активные поиски собственной символики начались в 1990-е годы, когда было продекларировано равенство субъектов Федерации. Регионы, по преимуществу представленные городами и административными областями, стремились обрести свою символику. Ее поиск проходил по-разному: одни города и регионы возвращали себе дореволюционные гербы, другие объявляли конкурсы по созданию новых региональных символов. По сути, поиск и утверждение региональной символики отражал более сложный процесс – самоутверждения региона как государственного субъекта.

Показательной в этом смысле нам кажется история геральдических знаков уральских городов и областей, в полной мере отразившая непростой процесс формирования

новой идентичности³⁶. Современный герб Екатеринбурга – это попытка найти паллиатив между исторической ролью города и его местом в современном пространстве. То, что в изображение герба вернули колодец и шахту, адресует к истории, отсутствие каких-либо атрибутов современности – это попытка переосмысления своей последующей истории. Отсутствие элементов, бывших на советском гербе, может быть расценено и как факт изменчивости жизни, т.к. на гербе должны быть зафиксированы черты города, которые носят неизменный и наследуемый характер, и как факт отрицания советского прошлого. Геральдическая деятельность по созданию собственной символики городов может быть рассмотрена в контексте более широких процессов – политического утверждения представителей органов местного самоуправления, их стремления выстроить собственную линию поведения, отличную от властей более высокого уровня. Иллюстрацией этого процесса является принятая в качестве официальной символика Свердловской области, ничего общего не имеющая с символикой областного центра.



Герб
Алапаевска



Герб
Екатеринбурга



Герб
Каменск-
Уральского



Герб
Первоуральска

³⁶ См. материалы сайта «Геральдика Свердловской области». URL: <http://gerb.rossel.ru>

Среди символов, носящих менее официальный характер и более связанных с судьбами жителей, становится «восстановление в правах» исторически значимых персонажей. Мы видим в этом тенденцию восстановления истории города в неурезанном виде.

Можно попытаться выстроить некий «пантеон» значимых персонажей для уральского самосознания. Ого-



Екатеринбург. Храм-на-Крови
во имя Всех святых, в Земле
Российской просиявших



Ганина Яма. Монастырь
во имя Святых Царственных
Страстотерпцев

воримся сразу, эти персонажи действительно значимы в истории края. Поскольку символическое пространство носит иерархический характер, мы попытаемся «ранжировать» исторические фигуры. Наверху нашей «пирамиды» оказываются те, чье бытие обладает абсолютной значимостью не только в профанном, но и в сакральном плане – это святые.

Восстановленные в исторической памяти, православные святые стали выполнять свою исконную в культуре роль – объединения. В религиозной культуре святые по-

кровители края становятся связующим звеном между мирами, дали возможность осознать нерушимую связь даже не столько с историей, сколько с духом истории, с тем Высшим, который и являет смыслы бытия.

1990-е гг. прошли, в том числе, под знаком обретения останков и канонизации царской семьи, расстрелянной на Урале. Значимым (символическим) фактом региональной истории становится не только факт убийства, сколько возможность покаяния (в превращенной форме представленная в виде Храма-на-Крови на месте ипатьевского дома). В качестве региональных символов выступают и сами царственные страстотерпцы, и место, где они приняли мученическую смерть, и место обретения останков, соединяя в неразрывное целое историю края и историю страны. Превращение Храма-на-Крови и монастыря на Ганиной яме в обязательные для посещения места паломничества только закрепили их значимость.

Интерес к именам В. Татищева, В. де Геннина, Демидовых в 1990-е гг. символизировал не столько желание познакомиться с историческим прошлым, сколько воплощал представление о необходимости открытия Урала для России, осознания его важного хозяйственного предназначения, подчеркивания оборонного-«опорного» характера его существования, связанного еще с государственными преобразованиями Петра I. За два десятилетия произошло «новое укоренение» исторических персонажей в сознании жителей региона.

Показательным является тот факт, что из символического «пантеона» современности оказались практически вытеснены революционные деятели прошлой эпохи, но включены те исторические фигуры, которые ассоциируются с представлением об Урале как защитнике Отечества.

Я. Свердлов, к примеру, «присутствует» в Екатеринбурге в виде памятника и улицы. Памятник практически утратил свое идеологическое значение, став, скорее, точкой пространства, а улица связывается с именем «пламенного революционера» чисто акустически, также утратив свою символическую связь одной из главных городских магистралей с советской историей. В то время как маршал Г. Жуков стал символом связи современности и славной Победы, подчеркивая преемственность жизни сегодняшних уральцев и тех, кто победил в Великой Отечественной войне.



Екатеринбург. Товарищ Андрей.
Памятник Я.Свердлову.
Скульптор М.Харламов



Екатеринбург.
Памятник маршалу Г.К.Жукову.
Скульптор К. Грюнберг

Формирование «пантеона» еще далеко не закончено. И его незавершенность приводит к мысли не только о незавершенности истории, но и незавершенности процесса самоидентификации региона.

Не секрет, что возникающие исторические символы далеко не всегда связаны с ростом самосознания региона. Зачастую, они продукт в той или иной степени продуманной деятельности по актуализации истории, проводимой «властями». Прямая связь между символизацией и его ро-

лью «персонажа» в историческом действе наталкивает на мысль о том, что тот или иной человек был интересен настолько, насколько он позволял региональным лидерам дополнительно легитимировать собственные амбиции и претензии. Причем фактов здесь более чем достаточно: открытие в Екатеринбурге памятника отцам-основателям города было скорее «памятником» мэру, связывающему собственную деятельность с историческим прошлым. Обращение к образам Демидовых и стоящее в одном ряду с ними празднование 300-летия уральской металлургии в 2000 г. были знаком того, с чем и кем хотели ассоциировать свою деятельность областные власти.

На протяжении 2000-х годов процесс символизации регионального пространства трансформировался: из деятельности региональных элит он сместился в сторону образовательно-просветительскую. Историю Урала стали изучать в школах, а персонажи-символы стали маркировать культурное пространство (восстановление Демидовской премии для выдающихся ученых, учреждение городской премии Татищева и де Генина, присуждаемой за проекты, значимые для населения города и региона).

Символический «пантеон» дополняется деятелями культуры: наряду с Д. Маминым-Сибряком и П. Бажовым в него стали включать скульптора Э. Неизвестного и художника М. Брусиловского³⁷. Однако этот процесс идет не очень активно: интерес к нему у горожан чрезвычайно низкий.

Региональная символика необходима для формирования идентичности и самосознания жителей, для обретения связи с собственной историей как связи с собственным прошлым. Символически насыщенное пространство фор-

³⁷ Сходный процесс идет, например, в Перми, где С. Дягилев, уроженец города, стал символической фигурой местного «пантеона», что нашло свое выражение и в установленном памятнике, и в проходящих фестивалях «Дягилевские сезоны».

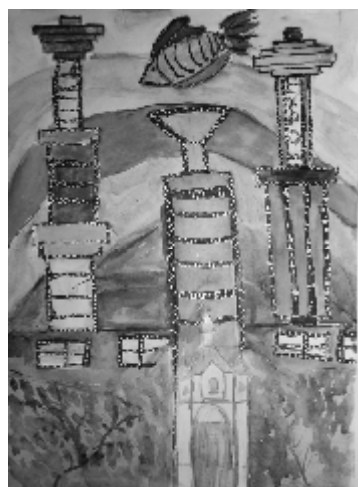
мирует ощущение связи с местом и временем, создавая устойчивость для последующей жизни на этой земле (именно земле, а не «территории» или «регионе» как терминах «холодных», обезличивающий процесс единения человека и места, где ему суждено жить).

Вопрос о символах «места» – это вопрос о поиске современных репрезентаций региона в целом и каждого из его составляющих в частности. Брендинг территорий как модное направление предполагает поиск знаковых явлений, событий, артефактов, которые выражали бы прошлое и настоящее региона. Например, в Челябинске создан «Клуб челябинских брендов» – закрытое объединение лидеров бизнеса для продвижения города как современного центра деловой жизни, члены которого в 2008 г. инициировали флэш-моб, призванный стать символом нового Челябинска. Как отмечали организаторы, в день города 14 сентября на площади Революции с помощью десяти тысяч человек был “нарисован” огромный желтый смайл. Запечатленный фотокамерами, он должен был стать «позитивным символом современного Челябинска»³⁸. Прошло пять лет, и никто не вспоминает об улыбке челябинцев миру. Сейчас актуальнее говорить об упавшем метеорите как символе Челябинска.

Символические репрезентации региона как структурные компоненты семиотического пространства значимы не только как маркеры идентификации жителей и территории, но и как аккумуляторы культурных смыслов. Поэтому поиск символов идет и сегодня. Например, в связи с возможным проведением «ЭКСПО-2020» в Екатеринбурге вопрос о символе города «глобального разума» (тема Всемирной выставки 2020 г.) встал как актуальный. Из всего разнообразия культурных кодов территории был избран

³⁸ Новый символ Челябинска // Челябинский рабочий. 11.09.2008. URL: <http://www.mediazavod.ru/articles/58028>

Каслинский чугунный павильон как символ славного прошлого, а современного аналога знаменитому изделию уральских мастеров не нашлось...



Рисунки участников конкурса «Я верю в мой город будущего – Екатеринбург ЭКСПО-2020»

Поиском символов можно назвать организованные различными организациями (от школ – до центров недвижимости) конкурсы рисунков для детей. Так, конкурс «Я верю в мой город будущего – Екатеринбург ЭКСПО-2020»³⁹ показал, что творческая фантазия детей, сколь бы

³⁹ Рисунки участников представлены на странице конкурса ВКонтакте URL: <http://vk.com/albums-54902287>

безудержной она ни была, тесно связана с образами реального города (не случайно, на наш взгляд, появились на рисунках силуэты цирка, городской администрации, исторических зданий в стиле классицизм, Храма-на-Крови, конструктивистских комплексов). А тот факт, что большинство «образов будущего» ассоциируются с высотными зданиями и практически полным отсутствием свободного пространства и людей наводит на печальные размышления.

Конечно, к символам города относятся не только архитектурные сооружения, но и артефакты, представленные в музейных коллекциях. Мы задались вопросом, какие из музейных экспонатов можно назвать знаковыми для региона. Опрос проводился среди студентов и магистрантов культурологов. Участники опроса (42 человека) были единодушны в выборе Большого Шигирского идола и Каслинского чугунного павильона. Мнения разделились, когда было предложено назвать еще несколько потенциальных «символов»: в зависимости от личных пристрастий назывались изделия камнерезов, представленные в Музее камнерезного и ювелирного искусства (вазы и горки), произведения Э. Неизвестного, открытие музея которого состоялось весной 2013 г., живописные работы А. Денисова-Уральского из коллекций Екатеринбургского музея изобразительных искусств и Объединенного музея писателей Урала. На вопрос «Знаете ли вы о коллекциях провинциальных музеев, экспонаты которых могли бы претендовать на символы региона?» было получено два ответа: пушка из Каменск-Уральского краеведческого музея и предметы лаковой росписи по металлу из Нижнетагильского музея горнозаводского дела.

Вопрос о семиотическом пространстве региона заставляет задуматься о значимости визуализации культурных смыслов, их закреплённости в сознании горожан. В этой деятельности большое значение приобретает целена-

правленная работа каждого из субъектов культурно-образовательного пространства.

Социальное «измерение» регионального культурно-образовательного пространства. Собственно вопрос о социальном пространстве, его сущности и специфических чертах стал сегодня одним из самых популярных в многочисленных социологических работах. Социальное пространство рассматривается как комплекс социальных процессов, социальных отношений, социальных практик, социальных позиций и социальных полей, функционально взаимосвязанных между собой. Традиционно «социальное» (процесс, отношение, практика и пр.) доминирует над «пространственным», последнее осознается скорее как метафора, нежели как реальность, определяющая специфику социального⁴⁰. Мы солидарны с профессором Л. В. Смирнягиным⁴¹, который считает, что анализировать социальное пространство вне его географически закреплённых координат – значит сознательно заужать исследовательское поле и ограничивать возможность постижения реальных социокультурных процессов.

Социальное «измерение» регионального культурно-образовательного пространства мы рассматриваем как частный случай социального пространства, в котором актуализируются не только социальные процессы и отношения, свойственные региональному сообществу, но и воспроиз-

⁴⁰ См., например: Филиппов А. Ф. Социология пространства. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2008.

⁴¹ Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля ; Рос. ассоциация междунар. исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной. С. 81–107.

водятся определенные культурные практики, характеризующие территорию и способствующие становлению региональной идентичности.

Для социального пространства значимыми будут как явления «физического», так и «ментального» пространств. Деятельность учреждений и людей, в них работающих, их ценность для развития территории, характер взаимодействия с социумом, способность выступать в качестве «точки» стягивания культурных смыслов – предмет для анализа социолога культуры. Понимание жителями ценности этой деятельности, представление о регионе как структурированном целом, в котором учреждения образования и культуры создают особую, ментальную «карту местности» становятся важными как для самих учреждений, так и для анализа характера их взаимоотношений с социальной средой.

Кроме того и сами учреждения образования и культуры могут быть рассмотрены как социальные пространства. Сошлемся на исследование, проведенное несколько лет назад в Волгограде и посвященное роли музея в жизни горожан в рамках проекта «Музей в Твоей жизни», поддержанного фондом Потанина. Через воспоминания, впечатления, эмоции волгоградцев, связанные с Волгоградским музеем изобразительных искусств, была сделана попытка актуализировать для жителей музей как значимое социальное пространство, в котором спроецированы личные смыслы. Результатом работы по этому проекту стала выставка, те музейные предметы, которые захотели увидеть сами горожане. Как отмечали авторы этого проекта, музей для них – именно «общественное пространство, где экспонируемая коллекция является отражением городского социума»⁴².

⁴² 18 июня – 20 августа, Музей изобразительных искусств (Волгоград) – выставка «Музей в Твоей жизни». URL: <http://www.gif.ru/afisha/2009->

В рамках нашей темы мы акцентируем прежде всего вопрос о региональной идентичности как социально-личностной категории. В связи с этим разговор о социальном «измерении» регионального культурно-образовательного пространства приобретает особую плоскость: каким образом происходит процесс сплачивания людей в региональное сообщество, как складываются и функционируют системы ценностей, каким образом они влияют на социальные процессы и выступают в качестве «руководства» к социальному действию и какую роль играют в этом процессе сферы образования и культуры. Как следствие, необходимость учитывать в анализе социального пространства региона характер социальных связей, обусловленных особенностями развития региональной истории. Интерес представляют и «маркеры» идентичности, закрепленные в физическом пространстве и выступающие в качестве «знаковых» для созидания «образа территории» (например, образы заводских плотин и городов-заводов для горнозаводского Урала). Особого внимания заслуживает изучение субъектов культурно-образовательного пространства как носителей региональной идентичности.

Виртуальное «измерение» регионального культурно-образовательного пространства рассматривается нами как проекция всех выше обозначенных в сети интернет. Структурными компонентами выступают многочисленные сайты и порталы, посвященные региону и с разной степенью объемности представляющие его образ; сайты отдельных учреждений культуры и образования, на которых представлена не только частная информация о конкретном учреждении, но и раскрывается значимость его для территории; электронные СМИ, создающие информационную

картину дня региона через акцент на определенных событиях и явлениях.

Виртуальное «измерение» – не прямое отражение реально существующих институтов, учреждений, формальных и неформальных сообществ. Виртуально могут существовать не материализованные в реальном мире явления, например, виртуальные музеи и экспозиции, которые созданы специально для сети Интернет (примером могут выступать виртуальные экспозиции Объединенного музея писателей Урала).

Для нас интересны не только отдельные электронные ресурсы, но и та возможность, которая открывается в сетевом взаимодействии отдельных субъектов регионально-го культурно-образовательного пространства. Прежде всего это создание «горизонтальных» связей для учреждений образования и культуры, объединение их в единые сети. Важным звеном в этом сетевом взаимодействии являются т.н. ресурсные центры, выступающие не только в роли аккумуляторов информации, но и как координаторы сетевых коммуникаций. Обеспечение «горизонтальных» связей дает возможность большей самостоятельности и свободы в реализации собственных культурно-образовательных программ. Перспективным нам видится сетевое взаимодействие между учреждениями культуры, образования и туристической сферы.

Всевозможные форумы, площадки для обсуждений, блоги – то, что относится к интерактивной сфере виртуального пространства – может рассматриваться как важный элемент в структуре культурно-образовательного пространства, поскольку обеспечивает неформальные оценки и обратную связь по отношению к отдельным событиям и явлениям.

1.4. Культурно-образовательное пространство как региональный кластер

Сегодня понятие «кластер» стало одним из наиболее часто употребляемых. Если идти от этимологии слова «cluster», означающем в английском языке «скопление», то само понятие можно определить, как объединение однородных элементов, объединенных территориальным соседством и общностью деятельности, которое может рассматриваться как самостоятельная единица с набором специфических качеств. Кластерный подход в настоящее время рассматривается как наиболее перспективный в анализе сложных социально-экономических систем, поскольку позволяет выделить внутри них «узлы» и «блоки» (еще одно значение слова «кластер»). Можно сказать, что в иерархически выстроенной структуре кластеры «занимают» средний по отношению к макросистеме уровень, объединяя в единые комплексы элементы системы.

Понимание культурно-образовательного пространства как кластера в системе территориально закрепленных связей и взаимодействий, на наш взгляд, позволяет подчеркнуть его значимость в создании и организации региональной жизни, более четко очертить границы культурно-образовательного пространства и выделить принципиальную проницаемость этих границ. Выделение культурно-образовательного пространства в качестве регионального кластера позволяет обнаружить ряд преимуществ, как для его собственного существования и для сфер образования и культуры, в него входящих, так и для региона в целом.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года предусматривается не только создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, но и сокращение дифференциации уровня и качества жизни на

территории России с помощью мер социальной и региональной политики⁴³. Среди перспективных центров опережающего экономического роста, обладающих одним «из наиболее высоких нереализованных потенциалов инновационного развития», в Концепции называются агломерации и индустриальные центры Поволжья, Южного и Среднего Урала. Важным условием развития инновационных кластеров на этих территориях является концентрация научных и образовательных центров и туристско-рекреационные возможности, основанные на уникальных природных ресурсах и природных ландшафтах, а также на богатом историко-культурном наследии.

Актуальной задачей современности становится обеспечение инновационного развития. Именно в регионе создатели «интеллектуального капитала», наличие «технологических ресурсов» и возможности их использования максимально сконцентрированы, что создает условия не только для конкуренции, но для их кооперации. Формирование кластеров внутри регионального целого позволяет активизировать процессы самоорганизации как внутри региона, так и на уровне составляющих его микросистем (в нашем случае – образования и культуры), результатом чего становится повышение привлекательности региона (в том числе и для потенциальных инвесторов). Кластерный подход позволяет местным правительствам в силу их большей мобильности оказывать существенное влияние на развитие культурно-образовательной сферы через организацию и финансирование целевых программ.

Мы считаем, что рассмотрение образовательных и культурных ресурсов в их единстве значительно расширяет возможности инновационного развития территорий. В Кон-

⁴³ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://base.garant.ru/194365/>

цепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года перспективы Уральского региона связываются с модернизацией индустриального потенциала и с развитием деловых, инновационных, образовательных и других услуг в крупных городских агломерациях. Реализация этих задач невозможна без развития единого культурно-образовательного пространства, в котором не только формулируются и конституируются значимые смыслы и вырабатываются ценности, но и происходит становление человека культуры с развитым региональным самосознанием и гражданской ответственностью.

Культурно-образовательное пространство как региональный кластер позволяет решить и организационные проблемы, обеспечивающие взаимодействие сфер образования и культуры (прежде всего через сетевое взаимодействие), и содержательные вопросы (через создание единого информационного поля), и выявить возможности для инновационного экономического развития (через активизацию творческих индустрий).

Преимущества от культурно-образовательного кластера для регионального развития довольно трудно вербализовать. Тем не менее, очевидно, что конкуренция между учреждениями культуры и образования внутри одного кластера уступает место кооперации, основанной на деловом взаимодействии и взаимном использовании ресурсов. Единство информационного поля позволяет создать условия для содержательного взаимодействия (от содержания учебных программ и курсов до формирования образа региона для внутренних и внешних потребителей). Обращение к творческим индустриям как инновационному фактору современного развития настоятельно требует не столько осознания их как нового производительного ресурса, сколько появления людей, которые готовы участвовать в процессе «вовлечения культуры и творческих ресурсов в

программы... развития»⁴⁴. Отсюда – необходимость создания не разрозненных образовательных программ, но поиск направлений развития кадрового потенциала, опираясь на потребности территории. Единство образовательной и культурной составляющих становится условием для социального развития региона, обеспечивая его конкурентные преимущества и возможности развития.

⁴⁴ Зеленцова Е. На пути к творческой экономике. URL: http://www.creativeindustries.ru/rus/publications/creative_industries_way

Глава 2. Культура и образование: пространство для взаимодействия

2.1. Развитие человеческого потенциала региона – цель или средство?

Поставленные ООН в принятой Программе развития (ПРООН) цели в области борьбы с нищетой, голодом, болезнями, неграмотностью, ухудшающимся состоянием окружающей среды обозначены как глобальные. Интегральным показателем развития страны становится рассчитываемый ежегодно, начиная с 1990 г., Human Development Index – Индекс развития человеческого потенциала (или в других переводах – Индекс человеческого развития), в который включаются показатели уровня жизни, грамотности и долголетия. В основе лежит идея о том, что не только экономические показатели являются главными в оценке развития страны, но и развитие человека: «Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на планете»⁴⁵. Индекс развития человеческого потенциала позволяет оценить положение страны с точки зрения состояния здоровья граждан (ожидаемая продолжительность жизни), получения образования (уровень грамотности населения), фактического дохода (величина валового внутреннего продукта на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности).

⁴⁵ Индекс развития человеческого потенциала – информация об исследовании // Центр гуманитарных технологий. Гуманитарные технологии и развитие человека. Экспертно-аналитический портал. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>

Иначе говоря, процесс развития страны связан не столько с ростом материального благосостояния, сколько с обеспечением возможностей для человека в выборе предпочтительного образа жизни, обеспечивающего самореализацию.

Соответственно, критериями общественного развития являются не только национальный доход, но и достижения в области образования и здоровья, которые существенно влияют на качество жизни. На этой основе ранжируются страны по четырем категориям: с очень высоким уровнем (1–42), с высоким (43–85), со средним (86–127) и с низким уровнем (128–169).

По оценке ПРООН 2011 г., Российская Федерация в рейтинге занимает 66 место и находится в середине списка высокоразвитых (индекс развития – 0,719) стран. Основные показатели России таковы: средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 68,8 лет; средняя продолжительность получения образования – 9,8 лет; средняя ожидаемая продолжительность получения образования – 14,1 лет; валовой национальный доход на душу населения – \$ 14 561 в год. Негативное влияние таких показателей, как социальное неравенство, экологические проблемы, низкая продолжительность жизни не позволяют нашей стране занять в рейтинге более высокие позиции⁴⁶.

Подобные исследования проводятся и для отдельных регионов. В частности, Независимым институтом социальной политики с 2003 г. реализуется Программа «Социальный атлас российских регионов», преследующая такие цели, как помощь исследователям «выбрать регионы разного типа с учетом особенностей социальной проблематики, инвесторам – оценить социальную напряженность, человеческий капитал, социальную инфраструктуру для оптимальной стратегии развития бизнеса в регионах; политикам – полу-

⁴⁶ ООН опубликовала Индекс человеческого развития в странах мира 2011 года. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2011/11/03/3705>

чить количественные и качественные оценки остроты существующих проблем для разработки социальных программ; преподавателям и студентам – ознакомиться с современными тенденциями развития регионов и увидеть, насколько велика дифференциация социального развития в такой большой стране с переходной экономикой, как Россия»⁴⁷. По результатам исследований можно представить специфику экономического развития регионов России, сопоставить их, однако определить, что лежит в основе отличий не представляется возможным. Вопрос о возможностях развития человеческого потенциала применительно к отдельно взятому региону, на наш взгляд, трансформируется в попытку понимания логики общественного развития, осмысления его ценностной основы.

Под *человеческим потенциалом* мы будем понимать потребность, способность и готовность отдельных индивидов или социальных групп к выполнению общественно-значимой деятельности. Этой теме посвящали свои работы многие российские ученые: Т. Заславская, О. Иванов, Н. Римашевская, И. Соболева, Б. Юдин и др. О. Ивановым человеческий потенциал рассматривается как сложно организованная биосоциальная целостность. Ученый выделяет следующие компоненты человеческого потенциала: демографическая компонента; компонента здоровья; образовательная; трудовая; культурная; гражданская; духовно-нравственная. «Каждая из выделенных компонент, – считает О. Иванов, – находится в соответствии с общественно-необходимыми видами деятельности, функциональными императивами: демографическая компонента – деятельность по производству новых поколений; компонента здоровья – деятельность по обеспечению физического и психического здоровья общества; образовательная – деятельность

⁴⁷ Независимый институт социальной политики. URL: <http://atlas.socpol.ru/about/index.shtml>

по производству «общества знания»; трудовая – деятельность по производству материальных благ и различных услуг; культурная – деятельность по производству духовных благ; гражданская – деятельность по обеспечению социального порядка; духовно-нравственная – деятельность по консолидации общества на основе нравственных ценностей»⁴⁸. Реализация человека в каждой из названных сфер деятельности становится условием для развития регионов и страны в целом.

Следовательно, вопрос о развитии человеческого потенциала из плоскости теоретической приобретает практическое направление – изменения в государственной социальной политике. В последнее время этому вопросу стало уделяться повышенное внимание. Так, в Пермском крае в 2005 г. был создан Департамент развития человеческого потенциала, задачами которого являлись разработка и реализация приоритетов региональной политики демографической и семейной политики в рамках функционально-целевого блока «Развитие человеческого потенциала»; разработка и внедрение инновационных технологий в сфере развития человеческого потенциала с учетом демографических, социально-экономических, национальных и иных особенностей территории региона; осуществление мониторинга и контроля результативности работы исполнительных органов⁴⁹. В подготовленном в 2010 г. Докладе о развитии человеческого потенциала в Пермском крае были проанализированы факторы и возможности, «способные положи-

⁴⁸ Иванов О. И. Сущность, содержание и структура человеческого потенциала // Человеческий потенциал для инновационной экономики / Колл. монография / Под. ред. д.э.н. Иванова С. А. ИПРЭ РАН. – СПб.: ГУАП, 2011. С. 20.

⁴⁹ В настоящее время эти функции выполняет Департамент социальной политики Пермского края. URL: <http://www.permkrai.ru/people/departamentofhuman>

тельно влиять на создание в регионе предпосылок для долгосрочного устойчивого развития»⁵⁰.

Развитие человеческого потенциала как цель социальной политики позволяет выявить условия для инновационного развития территории, основанные на понимании ценности человека. Происходит известная трансформация технократического понимания человека как средства в гуманитарное, где человек рассматривается как цель общественного развития. По-новому видится и задача социальной политики – как создание возможностей для самореализации людей, улучшение качества жизни.

Категории «человеческий потенциал» и «качество жизни» близкие и взаимоопределяемые. Качество жизни можно рассматривать как оценку уровня развития человеческого потенциала по таким критериям, как «накопленный запас здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, гражданской, предпринимательской и творческой ответственности, реализация которых обеспечивает расширенное воспроизводство общественных структур и повышение качества жизни индивида и регионального общества»⁵¹.

Как справедливо отмечают авторы доклада «Развитие человеческого потенциала как стратегия позиционирования в социальной политике России», повышение качества жизни не может быть достигнуто исключительно экономическими средствами, поскольку содержит социокультурную составляющую: «Ключевым направлением социальной политики является не столько расширение мер социальной

⁵⁰ Доклад о развитии человеческого потенциала в Пермском крае / Редактор С. Н. Бобылев, соредакторы Н. В. Зубаревич, П. И. Блусь, В. Г. Былинкина. – Пермь: НП «Профессиональный интерес», 2010.

⁵¹ Развитие человеческого потенциала как стратегия позиционирования в социальной политике России / А. А. Попов, И. Д. Проскуровская, Е. С. Рожкова, А. В. Султанова. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/experiment/3324>

помощи и поддержки населения, организация различных акций, обеспечивающих стартовые возможности для самообеспечения (микрокредиты, общественные работы, трудоустройство и прочее), сколько развитие человеческого потенциала, повышение качества человеческого капитала как основы экономического роста и общественной динамики на длительную перспективу»⁵². В связи с чем особое внимание должно уделяться модернизации т.н. социальных секторов экономики – образованию, культуре, науке, здравоохранению как аккумулирующим и обеспечивающим воспроизводство человеческого капитала территорий.

Интерес представляет концепция комплексной программы «Новое качество жизни уральцев», вынесенная на общественное обсуждение в Свердловской области, результатом выполнения которой должно стать «вхождение Свердловской области в первую пятерку субъектов РФ по качеству жизни»⁵³. Как отмечается в Концепции, целью ее разработки и последующей реализации является «определение условий для поступательного развития человеческого потенциала, повышения уровня жизни населения». Направления, которые обозначены, отражают стремление сделать Свердловскую область социально-ориентированным регионом, учитывающим такие показатели своего развития, как качество человеческого капитала, уровень жизни населения, развитие гражданского общества и обеспечение безопасности жизнедеятельности. Соответственно, обозначены и задачи Программы:

1. Обеспечение доступности и бесплатности для всех граждан базовых социальных благ, прежде всего, в отраслях

⁵² Там же.

⁵³ Концепция комплексной программы «Новое качество жизни уральцев». URL: http://economy.midural.ru/sites/default/files/files/proekt_konsercii_05_08.pdf (дата обращения: 21 августа 2013 г.)

здравоохранения, образования, социальной защиты, культуры.

2. Сохранение и укрепление здоровья населения.

3. Переориентация социальной политики в сторону укрепления и поддержки семьи и детства.

4. Увеличение доли среднего класса, как основы социально-экономической, политической стабильности общества.

5. Совершенствование жилищной политики.

6. Формирование высокоразвитой, многоканальной и обновленной сферы услуг.

7. Повышение роли гражданского общества в формировании качества жизни.

8. Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений.

9. Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения.

10. Увеличение экономического потенциала как основы для повышения качества жизни.

Действительно, в концепции Программы поставлены гуманитарные цели, позволяющие говорить о социально ориентированной государственной политике. В контексте нашей темы мы пытались обнаружить специфические цели регионального развития, которые позволяли бы транслировать ценности культуры, сложившейся в территории. Однако кроме декларативных тезисов «формирование «российской идентичности», патриотизма и уважения к историческим культурным ценностям, профилактика этнического и религиозно-политического экстремизма в молодежной среде» и «формирование уникального образа Свердловской области» мы ничего не нашли. В обозначенных в Программе целевых индикаторах нет ничего, что говорило бы об особенностях Уральского региона как исторически сложившегося культурного целого, для которого сегодняшний уровень развития обусловлен процессами, происходившими на протяжении многих десятилетий (констатирующая часть

Программы опирается исключительно на данные рейтингового агентства «РИА Рейтинг» 2012 г.). Более того, остается неясным, кто же такие «уральцы», качество жизни которых должно принципиально улучшиться. Это тем более странно, что авторами Программы отмечается взаимообусловленность качества жизни и образа жизни, в котором отражаются особенности культуры и ценностных ориентаций личности и социума.

На наш взгляд, проблема кроется в том, что мы не осознаем онтологическую связь между существованием отдельного человека и микросообщества, к которому он себя относит. Невнимание к самой постановке проблемы «регионального сообщества» как интегратора социальных сил и «региональной идентичности» как условия продуктивной деятельности человека, ощущающего свою связь с территорией, приводят к разрыву между желанием улучшить качество жизни отдельного человека и его субъективной оценкой.

Рассмотрим такой показатель как социальное самочувствие, который не зависит напрямую от уровня экономического развития. В опубликованном в августе 2013 г. рейтинге социального самочувствия регионов России, основанном на данных социологических опросов Фонда «Общественное мнение», сделана попытка зафиксировать ощущение граждан и их оценку происходящих в регионе явлений и событий. Рейтинг опирается на проведенные в феврале и мае 2013 года опросы (участвовало 56 900 респондентов из 79 регионов Российской Федерации; статистическая погрешность не превышает 1%).

Рейтинг социального самочувствия регионов России в 2013 году ⁵⁴		
Группа № 1. Очень высокий рейтинг (выше 65 баллов)		
№	Регион	Рейтинг
1	Ямало-Ненецкий автономный округ	95
2	Тюменская область	78
3	Белгородская область	76
4	Республика Татарстан	76
5	Республика Башкортостан	74
6	Республика Бурятия	74
7	Калужская область	71
8	Кемеровская область	71
9	Республика Тыва	71
10	Город Москва	70
11	Челябинская область	70
12	Республика Мордовия	69
13	Ханты-Мансийский автономный округ	69
14	Республика Алтай	68
15	Республика Хакасия	66
Группа № 2. Высокий рейтинг (65–55 баллов)		
№	Регион	Рейтинг
16	Республика Коми	65
17	Краснодарский край	65
18	Республика Якутия	65
19	Пермский край	64
20	Сахалинская область	64
21	Чувашская Республика	64

⁵⁴ Фонд развития гражданского общества представил рейтинг социального самочувствия регионов России // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/08/16/6128>

22	Магаданская область	62
23	Самарская область	62
24	Город Санкт-Петербург	62
25	Ульяновская область	62
26	Республика Дагестан	61
27	Республика Марий Эл	61
28	Оренбургская область	61
29	Амурская область	60
30	Астраханская область	60
31	Липецкая область	60
32	Пензенская область	60
33	Новосибирская область	59
34	Вологодская область	58
35	Красноярский край	58
36	Нижегородская область	58
37	Томская область	58
38	Иркутская область	57
39	Карачаево-Черкесская Республика	57
40	Приморский край	57
41	Ростовская область	57
42	Тамбовская область	57
43	Брянская область	56
44	Тульская область	56
45	Хабаровский край	56
Группа № 3. Средний рейтинг (55–45 баллов)		
№	Регион	Рейтинг
46	Калининградская область	55
47	Московская область	55
48	Новгородская область	55
49	Алтайский край	54
50	Еврейская автономная область	54
51	Кабардино-Балкарская Республика	54
52	Ленинградская область	54
53	Свердловская область	54

54	Ивановская область	53
55	Удмуртская Республика	53
56	Ярославская область	53
57	Орловская область	52
58	Саратовская область	52
59	Тверская область	52
60	Республика Адыгея	51
61	Псковская область	51
62	Рязанская область	51
63	Владимирская область	50
64	Воронежская область	50
65	Забайкальский край	49
66	Кировская область	49
67	Омская область	48
68	Смоленская область	48
69	Республика Северная Осетия-Алания	47
70	Ставропольский край	47
71	Камчатский край	46
Группа № 4. Рейтинг ниже среднего (от 45 баллов и ниже)		
№	Регион	Рейтинг
72	Республика Калмыкия	45
73	Мурманская область	45
74	Архангельская область	44
75	Костромская область	43
76	Курганская область	42
77	Курская область	41
78	Республика Карелия	40
79	Волгоградская область	39

Простое сопоставление результатов двух исследований – рейтинга качества жизни в российских регионах («РИА Рейтинг», 2012) и рейтинга социального самочувст-

вия (ФОМ, 2013) показывает значительный разрыв между экономическим развитием территории и субъективной оценкой жизни гражданами. Так, социально-экономическое положение Свердловской области обеспечило ей 6 место среди других субъектов Федерации, при этом по качеству жизни область находится только на 19 месте, а по уровню социального самочувствия – на 53.

Характерное для уральца чувство принадлежности к социально-культурной общности и ответственность за судьбу страны не могут не учитываться при создании концепций социального развития края. Мы считаем, что эффект от социально политики будет существенно выше, если обращаться к ментальным и идеологическим основаниям региональной культуры.

При анализе деятельности структур, направленных на развитие человеческого потенциала, необходимо уделять внимание уровню социального доверия. Теоретические исследования социального доверия велись и ведутся социологами в русле изучения социального капитала и определения путей развития постиндустриального общества⁵⁵. Доверие рассматривается в качестве необходимого условия организации социальной жизни, обеспечивающего социальную интеграцию и продуктивную социальную коммуникацию.

Ю. Веселов, один из авторов коллективной монографии «Экономика и социология доверия», отмечает: «Доверие

⁵⁵ См., например: Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Практис, 2002; Парсонс Т. О структуре социального действия, М.: Академический проект, 2002; Штомпка П. Доверие: социологическая теория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 30-42; Экономика и социология доверия / Ю.В. Веселов, Е.В. Капустина, В.Н. Минина и др. Под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социол. об-во им. Ковалевского М.М., 2004; Магомедов М.Г. Социальное доверие в российском обществе: социологический анализ : дисс. ... доктора социол. наук : 22.00.04 – Ростов-на-Дону, 2009; Вершинин С.Е. Социальное недоверие как проблема постсоветского общества. URL: <http://www.werschinin.ru/?ml=28>

рие – это ключевая характеристика социального взаимодействия, постоянно воспроизводимая в общественных отношениях. Доверие не может долго существовать как некий отложенный капитал, оно должно постоянно производиться и воспроизводиться и в социальных, и в экономических отношениях. Но доверие само воспроизводит социальные отношения и общество в целом. Агрессия в обществе рождает агрессию, доверие умножает доверие – здесь действует эффект социального мультипликатора»⁵⁶.

Практически всеми исследователями отмечается тот факт, что в России крайне низок уровень социального доверия – это касается и уровня доверия региональным властям и уровня доверия внутри социальной общности. Если обратиться к ключевой позиции уровня социального доверия – «радиусу доверия» (Ф. Фукуяма), то можно отметить, что «радиус» в российском обществе сузился до микросоциальных групп (семья, близкие друзья, коллеги). Политические институты в него практически не входят. Более того, собственно вопрос о доверии сегодня формулируется исключительно в политической плоскости («Доверяете ли Вы президенту, правительству, губернатору, мэру?»), и выступает в качестве инструмента, позволяющего определить наличие/отсутствие политического кризиса. Для нас важным видится тот факт, что дефицит доверия в обществе приводит к снижению темпов социально-экономического развития.

Как известно, доверие опирается на моральные устои и ценности, сформированные в культуре. Можно говорить о своеобразной культуре доверия, сформировавшейся в обществе и влияющей на его социально-экономическое развитие:

⁵⁶ Веселов Ю.В. Социологическая теория доверия // Экономика и социология доверия / Ю.В. Веселов, Е.В. Капустина, В.Н. Минина и др.; Под. ред. Ю.В. Веселова. – СПб.: Социол. об-во им. М. М. Ковалевского, 2004. С. 27.

«Доверие, как капитал, мимолетно – быстро может быть растрачено, культура доверия – это многочисленные долгоиграющие характеристики, которые функционируют в зависимости от социально-исторического контекста, от специфических установок доверия/недоверия, традиций и обычаев в этом отношении»⁵⁷. Уровень доверия государству в позднее советском и постсоветском обществе крайне низок. Повышение его во многом зависит от тех решений, которые принимают властные структуры для консолидации общества на основе общих целей и ценностей.

В этом смысле региональная ситуация несколько отличается от общегосударственной. Для нее значимыми становятся не только действия региональной власти по улучшению социально-экономических условий внутри региона, но и признание власти «своей». Региональная идентичность выступает в качестве одного из условий формирования уровня доверия.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что сообщества, основанные на доверии и сотрудничестве, в большей степени способствуют реализации человеческого потенциала. В этом смысле рост уровня доверия в регионе можно связать с осознанием региональной идентичности, одной из характеристик которой является ощущение ответственности за «место жизни» и признание его ценностной основы.

П. Штомпка, разработавший основания теории доверия (*Society in action: the theory of social becoming*. Cambridge, 1991; Социология социальных изменений. М., 1996), определил факторы постепенного искоренения фундаментального недоверия:

- наличие обстоятельств, подтверждающих убежденность в том, что изменения непрерывны, постоянны и необратимы;

⁵⁷ Там же. С. 29.

- значительный экономический рост; новое качество и уровень жизни;
- консолидация политической демократии и конституционализма: принятие новой конституции, успешная смена власти через выборные процедуры,
- практическая верификация демократических институтов; становление рынка и частной собственности;
- расширение личного и социального капитала и рост «ресурсности», по крайней мере у ряда значительных страт общества (при сохранении и традиционных ресурсов, в частности, наличие связей, поддержка семьи и принадлежность к религиозной общине);
- смена поколений: появление новых поколений, выросших в других условиях⁵⁸.

Среди названных факторов внимание привлекают «новое качество и уровень жизни», «расширение личного и социального капитала», «появление новых поколений, выросших в других условиях», изменение которых во многом зависит от качества культурно-образовательного пространства и реализации социокультурного потенциала региона, для которых, в свою очередь, значимым становится продуктивное взаимодействие индивидов и социальных групп. На наш взгляд, продуктивное взаимодействие возможно при разработке и внедрении территориальных программ, развивающих социальные компетенции населения в целом и прежде всего молодежи как наиболее активной его части. Возможность реализации поставленной задачи, на наш взгляд, кроется в развитии культурно-образовательного пространства, чье существование прежде всего ориентировано на развитие человеческого потенциала территории.

⁵⁸ Цит. по статье: Галиуллин Д. Л. Социальное доверие и социальный капитал в региональной политике развития // Вестник ТОГУ. 2009. № 2(13). С. 226.

2.2. Стратегия развития города как инструмент развития социокультурного потенциала

Разработка стратегий развития как важного инструмента управления социальными процессами воспринимается как жизненно необходимое условие модернизации – будь то деятельность отдельных компаний или их групп, муниципалитетов или регионов. В этом видится требование времени, в котором готовность к постоянным изменениям жизни в «открытой системе» тесно связана с определением векторов перспективного развития. В последнее десятилетие появились стратегии развития городов России, авторы которых пытаются выделить эти направления.

В своем большинстве появление стратегий развития российских городов находится в русле общеевропейских и общемировых тенденций, обусловленных стремлением городов обрести свое место в трансформирующейся мир-системе, определить направление движения к «устойчивому европейскому городу»⁵⁹.

Активизировавшееся в последнее десятилетие обсуждение методов и механизмов стратегического планирования развития городов и регионов Российской Федерации, проведение многочисленных конференций и форумов (см., например: Общероссийский форум «Стратегическое планирование в регионах и городах России», проходящий в Санкт-Петербурге с 2003 г.; международная конференция «Мегаполис XXI в.», прошедшая в Москве в декабре 2011 г., многочисленные конференции и семинары в различных городах России), появление некоммерческих организаций и объединений, анализирующих современные социально-экономические тренды (таких, как Междуна-

⁵⁹ Лейпцигская хартия устойчивого европейского города. URL: http://www.rfsustainablecities.eu/IMG/pdf/leipzig_charta_ru_2__cle65c185.pdf

ная Ассамблея столиц и крупных городов) – все это требует осмысления значимости стратегий развития городов и регионов не только и не столько для управленцев, сколько для граждан. Это тем более важно, что одним из условий устойчивого развития и функционирования современных городов является участие городского сообщества в принятии решений.

Приходится констатировать, что для большинства жителей стратегии развития территорий не являются определяющими их собственную жизнь. Отчасти это объясняется известной инертностью городского сообщества, не осознающего свое единство и не воспринимающего информацию о стратегии развития города как значимую, отчасти – замкнутостью административных структур, отчасти – неизбежным в стратегических планах уровнем абстрагирования и обобщения.

Одной из причин, на наш взгляд, является несформированность в сознании горожан образа города – места, с которым связывается жизнь в прошлом, сегодня и в будущем. Фрагментарность и мозаичность, свойственные сознанию современного человека, не позволяют увидеть мир целостно, ощутить сопричастность бытию, осознать его ценностные основы как определяющие частное существование.

Можно ли рассматривать современный город как целостный мир? Безусловно. Вопрос в том, как создается и воспринимается этот мир. В работах современных исследователей (К. Линча, В. Глазычева, Л. Вирта) городское пространство рассматривается как определенная физическая протяженность, обладающая своим центром и периферией, «узлами» и границами. Зримый город – это единство сооружений разных времен, архитектурные доминанты, выступающие в качестве визуальных ориентиров, транспортные пути. В стратегических планах развития го-

родов именно этот «объективно существующий» город становится предметом анализа и выявления возможностей для трансформации / модернизации. Условно можно назвать этот образ – топографическим, или «городом географической карты». На этот город накладываются множественные образы, существующие в сознании горожан как индикаторы идентичности. И с этим «коллажем» образов, связывающим воедино разновременные пласты и разнокачественные явления, необходимо считаться.

Обратимся к Екатеринбург – мегаполису, обладающему собственным стратегическим планом развития, в котором определяются пути трансформации индустриального города в «современный многофункциональный центр Екатеринбургской агломерации с элементами мирового города, ядром которого станет научно-производственный, финансовый, информационный и транспортно-логистический комплекс, способный интегрировать город в глобальную экономику, встроить в новейшие инновационные национальные и региональные процессы и создать комфортную среду обитания для его жителей»⁶⁰. В основу стратегического плана Екатеринбурга положены идеи устойчивого развития города, направления которого сопоставлены как с общеевропейскими тенденциями, так и с целевыми ориентирами российской политики. При внимательном прочтении этого важного для городского развития документа не покидает чувство, что девиз «Качество жизни, инновации, сервис, партнерство» не отражает представления об уникальности и индивидуальности города, признания не только длительной истории, сохраняющей в зримом облике свидетельства прошлого, но и специфичности судьбы, особенностей его социокультурного развития. Образ города, каким он предстает со страниц Стратегиче-

⁶⁰ Стратегический план развития Екатеринбурга до 2015 года. URL: http://www.ekburg.ru/officially/strategy_plan/strat_text/perviyrazdel/

ского плана, обезличен. И, может быть, поэтому не воспринимается горожанами как образ *их* города.

Возможно, одним из условий «превращения» стратегического плана развития Екатеринбурга в направлении «города для горожан» должен стать анализ его культурно-образовательного пространства с точки зрения возможностей развития социокультурного потенциала.

К сожалению, масштабных исследований, которые бы позволяли судить о целостном образе Екатеринбурга в сознании его жителей, сегодня нет. Мы можем сослаться на экспертные интервью и микро-опросы (неформализованные интервью), проведенные нами со студентами, преподавателями школ и вузов, сотрудниками ряда учреждений культуры, представителями органов муниципальной власти.

Общая тема проводимых интервью – существует ли целостное представление о Екатеринбурге в сознании горожан – раскрывалась через круг условно выделенных подтем: выделение исторических и наиболее примечательных мест в городе, связанных с городской историей и личной историей респондентов, определение мест/сооружений в качестве «визитной карточки» города, представление о современном облике города как соответствующим/несоответствующим пониманию респондентов о том, каким должен быть город (совпадение/несовпадение представлений об «идеальном городе для жизни»). Особое место в ходе интервью уделялось социокультурному потенциалу городской среды (затрагивались вопросы качества культурно-образовательного пространства, его воспитательных возможностей).

В целом, интервью показали, что в основе образа города лежит его пространственное представление, поэтому разговор практически всегда переходил в плоскость обсуждения проблем современной застройки и сохранения

культурного наследия как условия существования его индивидуального «лица». Респонденты отмечали, что они не чувствуют связи между стратегическим развитием города и бережным отношением к его истории (в скобках заметим, что этот вопрос рассматривается в Стратегическом плане города, но жителями воспринимается как самостоятельный, более того противоположный реально происходящим процессам: рефреном звучали слова о том, что существует большая разница между декларируемым и реально происходящим в Екатеринбурге).

Логичным для большинства респондентов стал переход от обсуждения вопросов сохранения городской среды как историко-культурной ценности к пониманию ее значимости для воспитания горожанина-патриота, акцентируя тот факт, что знание о городе способствует уважительному к нему отношению. Отсюда рядом педагогов и студентов педагогических вузов делался вывод о культурно-образовательном потенциале изучения истории города в его «пространственном воплощении» (через историю архитектуры – к пониманию его уникальности и ценности для горожанина). Часть респондентов, в связи с этим, предлагала конкретные меры, каким образом это можно осуществить: педагоги отмечали, что ими или их коллегами ведется работа с учащимися и их родителями по изучению истории города, а архитектурный облик становится его основой; представители издательского бизнеса акцентировали формирование визуального семантически окрашенного образа города через создание путеводителей и книг, посвященных городской истории.

Из интервью стало ясно, что городское пространство рассматривается респондентами дифференцированно: обращение к городской архитектуре является начальным этапом освоения культурного пространства, следующим шагом становится обращение к учреждениям культуры,

которые воспринимаются как ключевые элементы культурного поля города.

Хотелось бы обратить внимание на один существенный аспект: в ходе интервью практически всеми в той или иной степени фиксировался вопрос о различии между «центром» города и его «периферией». И это не просто вопрос территориальной доступности учреждений культуры или изучения исторической застройки, сконцентрированных в центральной части, но и вопрос об образе города в сознании его горожан.

Ключевыми выступили вопросы о «визитной карточке», в качестве которой называли прежде всего сооружения/места в центральной части города, при этом любимое/значимое место могло находиться и вне центральной части. Однако респонденты оговаривали, что это «значимо для них самих», а к «образу города относится мало». Ответы на эти вопросы свидетельствуют о том, что актуальным для городского развития становится децентрализация культурной жизни, создающая условия для позитивного ценностного отношения к локальному месту внутри мегаполиса.

Продекларированное в Стратегическом плане развития Екатеринбурга «сохранение и развитие городской сферы культуры, повышение уровня интеллектуального и культурного развития горожан и удовлетворение их потребности в свободной культурно-творческой самореализации, что в совокупности создаст условия для стабильного производства в городском культурном пространстве актуальных культурных инноваций, востребованных региональной, федеральной и глобальной культурой», может быть актуализировано в создании т.н. культурных локусов городского пространства, децентрализованных и соединяющих по сетевому принципу центр города с его развитой инфраструктурой и периферию, которая иначе как «ме-

сто для сна» горожанами пока не воспринимается. Хотелось бы вспомнить в связи с этим слова В. Глазычева, крупного специалиста по городскому развитию, который неоднократно отмечал, что «городское окружение предопределяет меру раскрытия способностей, заложенных в каждом человеке, и меру его цивилизованности»⁶¹.

Применительно к теме нашего разговора отметим, что с необходимостью встает вопрос о креативном потенциале города (или – креативном городе по терминологии Ч. Лэндри), о возможностях для его жителей проявить себя в качестве «креативного класса», который не только способен вести бизнес и организовывать новые рабочие места, но создавать те самые «культурные инновации», которые изменяют характер функционирования городской среды, делают ее более пластичной, обеспечивая адекватный «ответ» на «вызовы» времени. Однако Стратегический план развития Екатеринбурга этот вопрос обходит.

Оговоримся сразу, что разговор о потенциале «креативного города» для Екатеринбурга должен быть более обстоятельным. Обозначим круг проблем, от решения которых, на наш взгляд, зависит его формирование. Вернемся в уже затронутой нами теме «центра» и «периферии». По сути, городское пространство организовано сегодня таким образом, что можно говорить о центральной части как о своеобразном «городе в городе», обладающим самой высокой степенью концентрации культурных смыслов, как воплощенных в артефакты, транслируемых различными институтами, так и потенциальных, актуализация которых происходит в связи со значимыми городскими событиями. Эта часть городской среды обладает наиболее высокими качествами мобильности.

⁶¹ Глазычев В.Л. Городская среда. Технологии развития. URL: http://www.glazychhev.ru/books/gorodskaya_sreda/g_s_1-3_soc-kult.htm

Скорость и частота изменений вызывают у большой части городского населения ощущение неустойчивости, а постоянная угроза (не на словах, а на деле) историческому облику воспринимается в том числе и как опасность утраты собственных жизненных оснований. При этом для жителей «периферии» центр города воспринимается как «чужой», как отдаленное/отделенное от их собственной жизни пространство. Для юных горожан, живущих в отдаленных от центра районах, центр города обладает привлекательностью путешествия, неизвестности (характерное выражение «поедем в город» относится к перемещению из зоны «периферии» в «центр»), но остается неосвоенным. Поэтому концентрация жизненных смыслов внутри микрорайона требует более внимательного взгляда на возможности городской среды, ее способность генерировать новые идеи и создавать условия для самоорганизации жителей внутри локального пространства.

В упоминаемом нами опросе о социокультурном потенциале респонденты отмечали, что особую роль в организации культурной жизни микрорайона играют образовательные и досуговые учреждения. При этом часть опрошенных констатировала, что у образовательных учреждений сохраняется потенциальная возможность играть более активную роль. На уточняющий вопрос о том, от кого должна исходить инициатива, респонденты отвечали, что, в первую очередь от районных органов власти, инициатива граждан упоминалась в числе последних. И здесь мы фиксируем не только факт пассивности населения, но гораздо более существенную проблему – отношение к пространству собственной жизни как к «пристанищу», но не «дому». Разница как раз в ощущении временности и атомарности собственного существования. Привязанность к месту собственного существования, как известно, выступает в каче-

стве одного из факторов устойчивого развития территории, формируя из населения ответственных граждан.

Можно сказать, что это довольно опасный симптом, который усугубляется современной ситуацией, свойственной мегаполису, когда появляется высокий процент людей, приехавших в город для удовлетворения карьерных или творческих амбиций, но не воспринимающих город как «родной». С типом «городского кочевника» (термин У. Ханнерса) уже столкнулись многие крупные города Европы, центральной России, не избежит этого и Екатеринбург. Отсюда вопрос о значимости для горожан городской истории как объединяющего начала и формирование разветвленной культурной индустрии, затрагивающей «периферию», становится одним из важных для формирования городской социально-культурной политики. Одной из первых попыток решения этой проблемы стала организация микрорайона Академический, однако прошло еще слишком мало времени, чтобы говорить о результативности осуществляемых действий.

В целом, можно сказать, что решение главной стратегической цели современного мегаполиса – развития человеческого потенциала – зависит от формирования полиморфной городской структуры, обеспечивающей сглаживание противоречий между городским «центром» и «периферией» за счет реализации культурно-образовательных возможностей городской среды, и социальной активности граждан, ощущающих свою ответственность за судьбу *своего* города.

Мегаполис как сложно структурированное целое можно рассматривать как единое культурно-образовательное пространство, в котором каждый из субъектов включается, вольно или неосознанно, в систему разнообразных социальных коммуникаций. По нашему мнению, можно выделить несколько направлений, которые так или иначе по-

зволяют семантизировать город. По сути, мы предлагаем рассматривать город как раскрывающуюся карту, на которой прочерчиваются возможные «маршруты»: места-символы, архитектурное наследие, музеи и выставки, театры города, музыкальная культура города, образовательные и научные учреждения, храмы города.

Для Екатеринбурга, претендующего на звание «третьей столицы» России, ориентированного на участие в различных международных проектах, вопрос о символически значимых городских пространствах обладает как минимум двумя проекциями: ощущают ли жители города его образ как достойный презентации и как представить город приезжим.

Мы задали вопрос «Если бы к тебе приехали друзья из другого города, куда бы ты их пригласил?» школьникам и студентам и получили следующие ответы: наряду с традиционными местами (Плотинка, оперный театр, краеведческий музей), находящимися в центре города, и локусами «периферии» (парк Победы на Уралмаше или Каменные Палатки) появились знаковые для постсоветского Екатеринбурга торгово-развлекательные центры (Антей, Гринвич). Конечно, любой перечень достопримечательных мест в городе грешит субъективностью. В то же время их перечисление показывает, что именно воспринимается как значимое и возможно ли расширение этого списка.

Знания о городе востребованы представителями самых разных возрастов, но особенно они интересны юным горожанам. Молодежная аудитория достаточно отзывчива на различные приглашения к участию в конкурсах или проектах, посвященных городу (фотокроссы, конкурсы видеofilьмов и пр.), к участию в волонтерских акциях (экологические субботники), в организуемых турах выходного дня, но рассматривает это по преимуществу как возможности свободного времяпрепровождения. Изучение в шко-

ле/вузе истории города сохраняется как потребность, но почти уходит из учебных планов и программ. Вероятно, сегодня есть необходимость изменения «формата» занятий со школьниками и студентами – через организацию культурно-образовательных проектов. И если раньше акцент делался на изучение/освоение городского пространства, сегодня нам видится как насущная необходимость обращение к истории города в лицах и судьбах его жителей.

Осмысление значимости города связывается с пониманием, насколько город «дружелюбен» по отношению к горожанам и приезжим. И здесь на первый план выходят социальные и инфраструктурные вопросы, а также вопросы его туристической привлекательности.

Строгое отраслевое членение и ведомственная подчиненность не позволяют говорить о туризме как составной части культурно-образовательного пространства города. В то же время мы глубоко убеждены, что изменение «проекции видения» может решить и частные вопросы активизации турпотоков, и более глобальные – создание образа Екатеринбурга как центра культуры.

Стратегический проект «Екатеринбург – туристический центр, где встречаются Европа и Азия» реализуется с 2003 года (новая редакция утверждена Постановлением Администрации г. Екатеринбурга от 15.03.2013 № 850) и призван превратить Екатеринбург «в развитый туристический центр, входящий в число ведущих туристических центров России». За годы реализации проекта появилась туристская навигация в центре города, растиражированы карты-схемы, появились информационные сенсорные киоски (установлены 21 информационный киоск с картами-схемами Екатеринбурга, 4 информационных киоска и 11 терминалов, 20 указателей к муниципальным учреждениям культуры), часть названий остановочных комплексов и улиц получили латинскую транслитерацию, проводится

благоустройство города, разработаны разнообразные туристические продукты (среди которых для нас значимы туры выходного дня для жителей Свердловской области и близлежащих городов), разработанные экскурсионные маршруты включают посещение музеев. Все это призвано повысить туристическую привлекательность и посещаемость города.

Однако решение задачи «превращения» Екатеринбурга в туристически привлекательный город еще очень далеко. Называются различные причины: от отсутствия оригинальных туристических продуктов до недифференцированного отношения к возможным категориям гостей, от инерции в отношении к городу как промышленному центру до недостаточной развитости инфраструктуры. Мы думаем, что многие из этих причин коренятся в отсутствии тесных связей между культурно-досуговой (туризм) и культурно-образовательной сферами, принадлежащими единому пространству. Возможно, включение в образовательные программы региональной составляющей содержания образования заданий для учащихся, связанных с освоением городского пространства, экскурсий как форм проведения внеклассных мероприятий активизировала бы потоки въездного туризма, а включение в освоение культурного пространства родителей учащихся расширило круг потенциальных потребителей услуг.

Для этого необходима целевая программа⁶², которая, с одной стороны, формировала информационное поле, способствующее привлекательности территории. На этом пути сделаны первые шаги в виде появившихся публикаций о городе, телепередач «Городские истории» с Павлом Любимцевым («41 Домашний»), «Дневник путешествен-

⁶² Мы осознаем, что для появления такой программы требуются бюджетные средства, однако и мультипликационный эффект от их комплексного использования будет достаточно высок.

ника» («ТВ Центр»), исторической эпопеи «Хребет России». С другой, включала бы городские достопримечательности в широкий контекст исторического и актуального времени как предмет для пристального изучения в образовательных программах учреждений образования всех типов. В стратегическом проекте «Городская школа – стандарт "Пять звезд"» отмечено, что для решения задачи повышения качества обучения определены такие направления, как «Екатеринбург – центр современного искусства», «Библиотека XXI века», «Екатеринбург – территория творчества», «Я – гражданин Екатеринбурга». С третьей, объединяло бы культурно-образовательные пространства в единую сеть через расширение координационных связей между учреждениями образования и культуры. Совместные проекты могли бы стать важным условием ее реализации. Формирование позитивного образа города для «внутреннего потребления» во многом предопределяет его позиционирование вовне. Одним из результатов такой деятельности может стать повышение гражданской активности и ответственности за судьбу города у горожан. Косвенным образом это повлияет и на социальный климат в городе.

2.3. Музей и школа: перспективы сотрудничества

Раньше музеи были тем, чем они обладают,
сегодня они – то, чем готовы поделиться.
*Виктор Сампа, руководитель отдела мультимедиа
Музея современного искусства в Нью-Йорке*

В ситуации, когда идея «Образование на протяжении всей жизни» сменяет привычную парадигму «Образование – на всю жизнь», происходит трансформация всех социально-культурных институций, связанных с овладением новыми знаниями или умениями. Школа (от начальной до высшей) больше не может претендовать на монополию

в трансляции знаний о мире, уступая свои позиции системе дополнительного образования, современным медиа, интернету. В мире, где смыслы текучи и неустойчивы, где ценности релятивны, где человек находится в постоянном поиске удовольствий, сложно обрести собственный вектор развития, найти те необходимые «маячки» в пространстве, которые позволят двигаться, накапливая опыт культуры – энергию, необходимую для творчества.

«Цветущая сложность» современного мира предполагает постоянный поиск новых форм и способов взаимодействия людей, создает невиданное ранее пространство коммуникаций – реальных и виртуальных, которые одновременно требуют включенности человека и умения отнестись к ним критически, провоцируют анонимность общения и дружеское участие. Возникла противоречивая ситуация – консюмеризм и тотальность технологий предполагают пассивное отношение к жизни, в то время как человек – существо активное, ищущее, жаждущее нового: связей, впечатлений, опыта. Отказ от активности для него равносильно отказу от самого себя.

«Образование на протяжении всей жизни» – это не просто получение новых знаний, практическое применение которых позволит обрести более высокую производственную квалификацию, получить новый социальный статус или значительную прибавку к зарплате. «Образование на протяжении всей жизни» – это постоянное открытие нового, которое позволяет человеческой личности расширять собственное внутреннее пространство, включая в него другие культуры, многообразие событий, переживаний, эмоций. Это готовность человека стать по-настоящему креативным и адекватным постоянно изменяющемуся миру.

Переопределение – вот слово, которое характеризует развитие современного музея. Поиск новых форм взаимодействия с посетителями, учет их пожеланий и потреб-

ностей, стремление создать новое пространство культурно-досуговой деятельности, где акцент делается не на потреблении «чужих» смыслов, но на соучастии и сотворчестве, – превращает музей в динамически развивающийся социально-культурный институт.

Современный музей – одновременно и новый образовательный ресурс и новое образовательное пространство, обеспечивающие приобщение к общему культурному фонду человечества для каждого. Создаваемые музейными сотрудниками образовательные программы ориентированы на разные социальные и возрастные группы, позволяющие реализовать ключевое для современного мира понятие диалогичности: «вместо того чтобы быть о чем-то или для кого-то, музей нового типа развивается вместе с посетителями»⁶³. Через создание особой среды, в которой посетитель вступает в непосредственный контакт с музейным предметом, обеспечивая содержательную коммуникацию, через реализацию сущностной потребности быть услышанным и востребованным, через обретение новых возможностей для самоактуализации и взаимодействия с другими людьми.

Сегодня в моду входит неологизм *edutainment*, составленный из английских слов *education* (образование) и *entertainment* (развлечение, зрелище, гостеприимство). Современные музеи обеспечивают возможность синтеза образования (как получения новых знаний и овладения новыми видами деятельности) и творчески организованного досуга. В складывающейся ситуации традиционные учреждения культуры входят в мир образования как важнейший компонент, выполняя важнейшую функцию – создания нового пространства, в котором творческая самореализация мотивирована свободным выбором форм и видов деятельности.

⁶³ Агапова Д. Культура участия: миллионы диалогов // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Отв. ред. А. Щербакова. Сост. Н. Копелянская. – М. 2012. С. 18.

С другой стороны, музей сохраняет свою изначальную функцию – аккумуляции знаний, ценностей и смыслов, репрезентированных в представляемых артефактах.

Для Свердловской области музеи выступают как центры культурно-образовательного пространства региона, позволяющие прикоснуться к региональной истории и ощутить дыхание прошлого через музейные экспонаты и экспозиции. В музеях жители Свердловской области получают уникальный опыт сопереживания и соучастия собственной истории, осознавая значимость своего края для них самих, его роль и место в судьбе России. Общим вектором музейно-образовательной деятельности становится формирование культурной идентичности – ощущения личной принадлежности к регионально-культурной целостности, ответственности за ее будущее.

Форм и способов формирования культурной идентичности множество: музейные программы для детей, знакомящие с историческим прошлым Урала с древнейших времен до конца XX века; создание разнообразных игровых зон для детей и подростков, в которых в интерактивной форме происходит приобщение к опыту предков; появление музейных классов, уроки в которых интегрированы в образовательные программы школ и вузов; игры и конкурсы, размыкающие музейное пространство в городское; существование пространств для виртуальных коммуникаций молодежи через активную деятельность музеев в социальных сетях; использование потенциала арт-терапии в работе с людьми разного возраста с ограниченными возможностями здоровья; реализация социально значимых творческих проектов для молодежи.

В России в последние годы приобрели популярность музейные образовательные проекты: «Проект «Человек изобретающий» Естественнонаучного музея Южного федерального университета и Ростовского областного

музея изобразительных искусств был направлен на формирование изобретательской компетенции и креативного мышления через интерактивные лекции об истории изобретений и выявление алгоритмов отдельных инноваций. Программа «Земская история» Музея усадьбы «Ясная Поляна» способствовала формированию управленческих компетенций через создание Школы местного самоуправления для муниципальных служащих Тульской области и соседних регионов. Проект Кемеровского областного музея изобразительных искусств «Я меняю город» способствовал решению проблем городской среды через знакомство детей с практиками паблик арта. «Открытый музей в закрытом городе» (Музей города Северска, Томская область) выполнял функцию адаптации жителей закрытого города к реалиям нового времени. В рамках проекта «Гражданская эстафета» Национального музея Удмуртской Республики имени Кузема Герда была разработана программа изучения судеб участников Ижевско-Воткинского восстания, что позволило актуализировать крайне сложную тему для региона тему»⁶⁴.

Какими бы разноплановыми ни были направления музейной деятельности, образовательная составляющая воспринимается как наиболее значимая. Нельзя не согласиться с В. Дукельским, который утверждает, что музей – это пространство личного, индивидуального выбора⁶⁵, но столь же значимой остается позиция образовательно-просветительская, ориентированная в большей степени на организацию коллективного взаимодействия.

⁶⁴ Гафар Т. Образование в современном музее – пространство социализации // Мир музея. 2010. № 12. URL: <http://www.mirmus.ru/2012/201210/290-2012-11-11-14-59-09.html>

⁶⁵ Дукельский В. Ю. Пространство публичного одиночества // Музей и личность / Отв. ред. А. В. Лебедев, сост. М. Ю. Юхневич – М., 2007. С. 14.

Начиная с эпохи Просвещения, когда музей воспринимался в контексте идеи «культура для всех», вплоть до сегодняшнего дня сохраняется потребность в освоении основ культуры, хранителем которой выступает музей. В ситуации поиска новых форм и методов работы с публикой изменяется характер музейной коммуникации, она становится более свободной, отвечающей современным требованиям к деятельностному и творческому освоению окружающего мира. Чтобы коммуникация была продуктивной, необходимо наполнить ее содержанием, личностно и коллективно значимым.

В настоящее время одним из направлений модернизации образования является внедрение новых федеральных государственных образовательных стандартов, определяющих личностные, метапредметные и предметные компетенции как значимые результаты обучения. Личностными результатами обучения становятся не только сформированная мотивация к обучению, но готовность и способность к саморазвитию, поиску и обретению смыслов и ценностей культуры. Метапредметными результатами образования выступают освоенные в процессе обучения на различных предметах способы деятельности, которые могут быть применены при решении проблем в реальных жизненных ситуациях. Предметные результаты – знания, умения и навыки, освоенные в рамках одной учебной дисциплины, выступают в качестве конкретных результатов социального опыта, обеспечивающих учащимся возможности творческой деятельности. Сложной для сегодняшнего образования является задача интеграции целей и задач, стоящих перед отдельными предметами, обеспечивая метапредметность и личностную значимость процесса образования.

Одним из возможных путей решения поставленных задач могут стать музейные культурно-образовательные

проекты. Студентами-культурологами Уральского государственного педагогического университета⁶⁶ была проведена работа по корреляции предметных областей, изучаемых в школе, с предлагаемыми музеями выставками и программами. Результаты проведенной работы были занесены в таблицу.

Название музея	Музейная программа/проект	Возраст учащихся	Предлагаемая деятельность	Предметная область
----------------	---------------------------	------------------	---------------------------	--------------------

Вывод, который можно сделать после анализа представленных студентами результатов, состоит в следующем: музеи Екатеринбурга по преимуществу ориентированы на edutainment, создавая возможность для организации досуга школьников. Музеи по преимуществу ориентированы на такие предметные области, как «История» (интерактивные занятия в детском центре Музея истории Екатеринбурга, Музейные абонементы «Древняя история народов Урала» и «Путешествие в старинный Екатеринбург» областного краеведческого музея), «Искусство» (программы Регионального центра музейной педагогики и творческого развития детей и юношества при Екатеринбургском музее изобразительных искусств, программа «Путешествие в мир камня» и разнообразные мастер-классы Музея истории камнерезного и ювелирного искусства), «Филология» (экспозиции Объединенного музея писателей Урала), предлагаемые программы расширяют представление о содержании предме-

⁶⁶ В работе принимали участие студенты 5 курса, обучающиеся по специальности «Культурология» в институте филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета: Абдуллина Татьяна, Абдулхакова Жанна, Авдюкова Полина, Бедрин Андрей, Гузанина Екатерина, Ганнийрова Ольга, Константинова Надежда, Локосов Григорий, Никитина Мария, Попова Ирина.

та⁶⁷, но практически не предполагают возможности дальнейшего взаимодействия с музеем как с образовательным пространством. То есть музейные программы, предлагаемые школьникам, ориентированы на «одноразового посетителя», приведенного в музей (не важно – родителями или учительницей), связанного программой, лишенного права выбора.

Параллельно с работой, проводимой студентами, мы опрашивали учителей, есть ли у них потребность в музее как образовательном пространстве или их вполне устраивает помощь учреждений культуры в организации внеурочной деятельности. Учителя (были опрошены 30 учителей, преподающих историю, мировую художественную культуру, литературу, и 3 методиста Дома учителя г. Екатеринбурга) отмечали, что наряду с досуговой, их интересует содержательное и постоянное взаимодействие с музеями в рамках преподаваемых учебных дисциплин. Учителя МХК отмечали, что достаточно активно используют возможности музейного класса областного краеведческого музея для проведения итоговых уроков по темам «Культура Древнего Египта», «Культура античности» и изредка – виртуального музея в ЕМИИ.

Таким образом, «спрос» и «предложение» явно не совпадают. Есть необходимость в расширении пространства коммуникации и для школы, для музея в том числе и через создание совместных культурно-образовательных проектов, активизирующих исследовательскую деятельность учащихся и актуализирующих социокультурный потенциал учреж-

⁶⁷ Оговоримся, что студенты не рассматривали возможности Музея радио, который на протяжении ряда последних лет предлагает два основных направления – Радиоэкспозиция, посвященная истории радио и телевидения и планетарий, и Музея природы, постоянная экспозиция которого рассказывает «об истории формирования природных зон Урала, палеонтологии, геологии, зоологии, ботанике, экологии Уральского региона».

дений культуры. Для решения поставленной задачи, возможно, необходимо взаимное движение навстречу друг и со стороны системы образования и со стороны учреждений культуры с целью создания нового коммуникационного пространства, актуализирующего музейные ресурсы, как в реальном, так и в виртуальном виде.

Глава 3. Экспертиза регионального культурно-образовательного пространства

3.1. Социокультурная экспертиза: сущность и возможности

Среди современных социокультурных практик экспертная деятельность занимает особое место. Отчасти это связано с установившейся с конца XVII века научной традицией, ставшей началом для становления и функционирования специализированного знания. Отчасти – с устоявшимися в культуре модерна уважительным отношением к «специалисту», человеку, владеющему узкоспециальными знаниями и умениями. Экспертиза – это специфический процесс, в котором в ходе аналитических процедур, обобщения и оценки определенного материала создаются возможности для определения наличной ситуации и прогнозирования близких и отдаленных результатов принятия решений.

Нельзя не согласиться с проф. Ю. П. Платоновым, который говорит, что экспертиза сродни творчеству: «Важнейшая отличительная черта экспертизы как раз и состоит в том, что она необходима именно там, где не срабатывают известные алгоритмы или где их вовсе не существует. ... Экспертиза может помочь увидеть в, казалось бы, совершенно ясной ситуации новые, более глубокие аспекты»⁶⁸.

Необходимость экспертных оценок и заключений ощущается в самых разных ситуациях (от судебной и по-

⁶⁸ Платонов Ю. П. Экспертотократия как технология власти // Соционим: Электронный научно-практический журнал. 2010. № 1(2) URL: <http://socioconom.ru/journal/stati-zhurnala/ehkspertokratija-kak-tekhnologija-vlasti/>

черковедческой до лингвистической и гуманитарной), однако, как справедливо отмечают, возникает и обратный процесс злоупотребления, манипуляций, всевластия экспертов. Как полемически замечает Ю. Щербинина, «в нынешней социокультурной ситуации экспертиза все меньше носит характер честного *ремесла*, все больше – спекулятивного *промысла*. Экспертиза становится эффективным средством скрытого управления массовым сознанием и тонким инструментом лоббирования самых разнообразных, но часто ущемляющих чужие права интересов»⁶⁹. Видимо, не случайно стал появляться термин «экспертократия»⁷⁰. Не вступая в дискуссию, отметим, что экспертная деятельность позволяет определить и оценить логику социальных процессов, выявить тенденции их трансформаций и определить перспективные направления развития. Экспертиза выступает неотъемлемой частью в процессе принятия управленческих решений на самых различных уровнях.

Рефлексия экспертной деятельности началась в самое последнее время⁷¹ и совпала с осмыслением места фи-

⁶⁹ Щербинина Ю. В. Экспертократия: ремесло и промысел // Нева. 2012. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/12/sh16.html>

⁷⁰ См. подробнее: Ашкеров А. Ю. Экспертократия: управление знаниями. Производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. – М.: Европа, 2009; Беликов А. Экспертократия. Основа кризиса – в головах // Еженедельник-2000. 2010, 17 июня; Платонов Ю. П. Экспертократия как технология власти // Соционум: Электронный научно-практический журнал. 2010. № 1(2) URL: <http://socioconom.ru/journal/stati-zhurnala/ehkspertokratija-kak-tekhnologija-vlasti/>; Щербинина Ю. В. Экспертократия: ремесло и промысел // Нева. 2012. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/12/sh16.html>

⁷¹ См. подробнее: Экспертиза в современном мире. От знания к деятельности / под ред. Иванченко Г. В., Леонтьева Д. А. – М.: Издательство: Смысл, 2006; Власова Т.В., Сушинская М.Д. Социальная экспертиза: Учебное пособие.– СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009; Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и практический опыт.

лософов, культурологов, социологов в системе социальных связей. Потребность не только изучать мир, но и влиять на его изменения привели к появлению многочисленных исследований, связанных с определением возможных направлений экспертной деятельности, и, как следствие, с признанием роли гуманитариев в современном социокультурном пространстве⁷².

Не случайно особое внимание привлекает т.н. социокультурная экспертиза, возможности которой в современном мире выходят на первый план в связи с осмыслением социальной значимости отдельных проектов и инициатив, транслируемых как властными структурами, так и отдельными группами активных граждан. Осмысляя необходимость социокультурной экспертизы, Г. В. Панина в статье «Социокультурная экспертиза как фактор развития

Коллективная монография / Автор-сост. Н. А. Кривич; Под общ. ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой. – СПб.: Астерион, 2011; Горина А.В. Философско-антропологическая экспертиза как социокультурная технология. Автореф. дисс... канд. филос. наук. – Омск, 2012; Цыцарев А.А. Социокультурные основания гуманитарной экспертизы. Автореф. дисс... канд. филос. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2012.

⁷² Вопрос о «признании» гуманитариев во многом связан с отсутствием востребованности их деятельности властными структурами, в то время как именно гуманитарная экспертиза разнообразных управленческих решений может стать тем действенным инструментом, который обеспечит безопасность для общества принятых решений и создаст условия для социального развития. Например, разговор о культурологической экспертизе начался в русле рефлексии культурологов над собственными основаниями, связанными как с процессом институализации науки, так и с желанием «выйти в реальную жизнь». Последнее может быть раскрыто как поиск ответа на вопрос «зачем вообще нужны культурологи и нужны ли они зачем-нибудь?». Ответ на этот вопрос ищут все, кто так или иначе причастен к подготовке профессиональных культурологов, он с завидной регулярностью обсуждается на страницах портала сетевого сообщества культурологов («Российская культурология»), на культурологических конгрессах и в рамках научно-практических конференций.

техногенной цивилизации» справедливо отмечает, что «масштабы и скорость влияния человеческой деятельности на окружающую среду столь велики, что бесконтрольная активность или реализация решения в интересах только узкой группы людей или отдельной корпорации без учета долговременных перспектив и глобальных последствий может привести к социальным конфликтам и даже катастрофам»⁷³. А значит, необходима независимая оценка возможного влияния принимаемых или принятых решений на человеческую жизнь, на социальные отношения, на тип культуры, присущий данному обществу.

Исследователями ставится знак равенства между социокультурной и гуманитарной экспертизой. И это не случайно, поскольку в основе гуманитарной экспертизы лежит понимание о значимости человека и о «гуманитарности» как сфере его самопроявления и самопонимания. Г. Л. Тульчинский выделил направления гуманитарной экспертизы, обусловленные характером гуманитарного знания: социологическая (анализ социальной, политической, экономической среды, обеспечивающей сохранение и развитие общества), культурологическая (вырабатывает представления «о гарантиях сосуществования и развития различных культур» и проводит оценку в соответствии с этими критериями), антропологическая (раскрывает условия существования человека «как психосоматической целостности»), персонологическая (выявляет формы, условия и гарантии формирования, развития и сосуществования личностей, возможности их самореализации и характер творчества), метафизическая (рассматривает уровень пре-

⁷³ Панина Г. В. Социокультурная экспертиза как фактор развития техногенной цивилизации. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/panina.htm>

дельных смыслов человеческого бытия как проявления свободы)⁷⁴.

М. В. Рон в статье «Традиционные и новые виды экспертиз» отмечает, что сегодня возникают новые виды экспертиз (экологическая, этическая, этнологическая, юрислингвистическая, гендерная, этнологическая, конфликтоведческая и др.), которые «условно можно назвать “предметно-гуманитарными”, поскольку предметом исследования становится конкретный феномен, ставший объектом спора. Однако перед новыми видами экспертизы встают вопросы не об истинности/ложности феномена, а об отношении и позиции к данному предмету, о его неоднозначных интерпретациях и их последствиях. Т. е. “проблематизирован” становится сам предмет экспертизы, а его “проблемность” связана с усложнившимся представлением о сути человеческого существования, о подлинно человеческом (т. е. имеет антропологический характер)»⁷⁵. Антропоцентристский характер экспертизы приводит к пониманию гуманитарно-ориентированной деятельности как единственно возможной социокультурной практике.

Если метафизическая экспертиза (или – философско-антропологическая) в большей степени связана с пониманием, как человеку и человечеству справиться с проблемами вселенского масштаба («выжить или спастись»), то культурологическая экспертиза⁷⁶ может быть рассмот-

⁷⁴ Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности. – М.: Смысл, 2006. С. 10-29. URL: <http://hpsy.ru/public/x2871.htm>

⁷⁵ Рон М.В. Традиционные и новые виды экспертиз // Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и практический опыт. Коллективная монография / Автор-сост. Н. А. Кривич; Под общ. ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой. – СПб.: Астерион, 2011. С.65.

⁷⁶ В нашем исследовании мы употребляем слова «гуманитарная экспертиза» и «культурологическая экспертиза» как синонимичные, подчеркивая ее антропоцентрированную природу.

рена как анализ аккумулированного коллективного опыта, воспроизводящегося в конкретных условиях, ситуациях, социальных реалиях и актуализирующего ценности и смыслы, выработанные на протяжении человеческой истории. Необходимость культурологической экспертизы обусловлена не только осмыслением макропроцессов, происходящих в мире, но и тех конкретно-исторических реалий, в которых живет современный человек. Не случайно востребованные сегодня социальная (инструмент совершенствования управления социальной сферой) и этическая (оценка политических и гражданских инициатив с точки зрения соответствия моральным основам общества) экспертизы можно рассматривать как частный случай культурологической экспертизы. По сути, культурологическая экспертиза может рассматриваться как специфический тип деятельности, направленный на применение в процессе подготовки и принятия решений на практике выработанных в науке знаний о существовании и функционировании культуры.

Особенность любого экспертного заключения состоит в создании текста, обладающего такими качествами, как беспристрастность позиции эксперта, полнота анализа, логическая убедительность и определенность в ответах на поставленные вопросы. Специфика культурологической экспертизы в том, что ее «логика» и «определенность» – в раскрытии внутренних причин и мотиваций субъектов культурного поля и выявление социально-культурной значимости принятия ими управленческих решений⁷⁷, как общих, стратегических, связанных с развитием всего общества, так

⁷⁷ См. об этом подробнее: Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и практический опыт. Коллективная монография / Автор-сост. Н. А. Кривич; Под общ. ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой. – СПб.: Астерион, 2011.

и частных, связанных с отдельными сферами социальной, культурной, образовательной, молодежной политики.

Сегодня достаточно продуктивным является такой вид экспертизы, как образовательная, связанная с процессами, идущими как внутри системы образования, так и с запросом общества на повышение его качества и соответствия вызовам времени. Разнообразные оценки «качества образования» связаны не только с анализом результатов обучения, но и с характером управленческих решений, мотивациями участников образовательного процесса, потребностями общества. Как отмечает О. Скоркин, «проблема лежит в плоскости самосознания системы образования и всего общества, в общественном укладе, в структуре человеческих отношений, в предельном образовательном результате и философском основании сущности человека. Налицо очевидная потребность в гуманитарной экспертизе»⁷⁸. В ситуации разновекторности потребностей и устремлений, недостаточной определенности направлений модернизации образовательной системы возникает потребность в гуманитарной (культурологической) экспертизе, дающей возможность не только осознать смысл и содержание происходящего, но и определить стратегии развития.

В сфере культуры, несмотря на существование экспертизы в отдельных отраслях (в области сохранения культурного наследия, в анализе медиасреды, современных арт-практик), ощущается потребность в целостном взгляде, обусловленном сохранением и трансляцией национальной картины мира, сформированной в культуре, осмыслением

⁷⁸ Скоркин О.А. Гуманитарная экспертиза в системе образования //Биоэтика и гуманитарная экспертиза. 2007. №1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/bioyetika-i-gumanitarnaya-yekspertiza/vyp-1-2007/7366-gumanitarnaya-yekspertiza-v-sisteme-obrazovaniya.html>

кросс-культурных процессов и оценкой направлений культурной политики, призванной эти процессы направлять.

Особую значимость гуманитарная (культурологическая) экспертиза имеет на региональном уровне как наиболее близком к конкретному бытию человека и социума. Именно региональный уровень гуманитарной экспертизы, на наш взгляд, позволяет раскрыть и сделать предметом обсуждения представителями гражданского общества действий институтов власти по сохранению и воспроизведению ценностей регионального сообщества, формированию региональной культурной идентичности как проекции общероссийской гражданской идентичности.

Существует зависимость между тем, как воспринимает себя человек, как он ощущает собственную востребованность в конкретных условиях, насколько он осознает, что его жизнь обусловлена прошлым и может изменить будущее развитие территории, и тем, как эта территория развивается. Отсюда возникает такое социально значимое качество как ответственность.

С другой стороны, возникающие социальные риски и проблемы зачастую коренятся в недопонимании, что есть история, которая обусловила появление и воспроизводство иногда не самых привлекательных стереотипов. Значимой становится экспертно-аналитическая деятельность, результатом которой будет не только моделирование и описание исторических перипетий, но и выявление путей преодоления негативных тенденций и/или обретения позитивных образцов. По сути, эта деятельность становится основой для процесса конструирования идентичностей.

Экспертно-аналитическая деятельность, основанная на принципах социокультурного моделирования, видится нам как первый этап становления гуманитарной (культурологической) экспертизы в регионах. Следующей ступенью мы можем назвать формирование экспертного сообще-

ства. Затем в соответствии с направлениями, определенными в ходе социокультурного моделирования, происходит оценка социальных рисков и возможностей для развития регионального социума. Результатом становятся выверенные решения властей и определенный «набор» мероприятий, событий, направлений работы отдельных учреждений и институтов, которые также востребуют независимую экспертную оценку собственной деятельности.

Для региона формирующееся культурно-образовательное пространство выступает в качестве одного из индикаторов социального развития. Соответственно, оно может также быть подвергнуто экспертной оценке. Направления гуманитарной экспертизы регионального культурно-образовательного пространства должны опираться на сформулированные в культурологической науке основания региональной культуры, осмысление типа культуры, присущего данному сообществу, характера культурной идентичности, специфики исторического развития, обусловившие систему ценностей и способы взаимодействия этносоциальных и конфессиональных групп внутри региона, особенности позиционирования региона во внутрисредовом пространстве.

Методология гуманитарной (культурологической) экспертизы опирается на культур-антропологические и социально-культурные исследования, признающие гуманистические ценности основой современной культуры и раскрывающие особенности «жизненного мира» (Э. Гуссерль) человека. Методологические основания культурологической экспертизы основываются на исследованиях культуры в синхронном и диахронном аспектах. Несмотря на то, что методологические основания культурологической экспертизы еще недостаточно раскрыты⁷⁹, можно с уверенно-

⁷⁹ См. подробнее: Садохин А.П. Теоретико-методологические ресурсы

стью утверждать, что аксиологический подход выступает в качестве ведущего и атрибутивный анализ ведется с учетом ценностно-нормативной системы, сформированной в культуре.

Технологический аспект гуманитарной (культурологической) экспертизы предполагает последовательность (алгоритмизацию) осуществляемых экспертом действий по оценке отдельных сфер, практик, явлений, результатом которого становится экспертное заключение. По своему типу экспертное заключение – это исследование социально значимых проблем, интерпретирующее факты и события с точки зрения выявления их социально-культурной значимости, прогнозирования перспектив развития с точки зрения значимости для функционирования регионального социума. Его отличительными особенностями являются объективность, доказательность, интерсубъективность. Алгоритмизация экспертной деятельности строится на выработанных критериях комплексной оценки.

Для гуманитарной (культурологической) экспертизы регионального культурно-образовательного пространства в настоящий момент критерии не разработаны. С нашей точки зрения, они могут быть определены следующим образом.

1. Социокультурная значимость проекта или деятельности учреждения/учреждений в региональном культурно-образовательном пространстве раскрывается через предоставляемые возможности для отдельного человека или социальных групп для саморазвития, самопроявления и актуализации творческих сил, направленных на преобразование себя и окружающего мира.

2. Этическая оценка, опирающаяся на неформализованные культурные традиции, привычки, обычаи, определяет границы допустимого в социально-культурной практике (соответствие принципу «как у нас принято»). Этической оценке подвергаются как отдельные проекты или институты, так и целые сферы социальной практики.

3. Индекс развития человеческого потенциала, в который включаются показатели уровня жизни, грамотности и долголетия, выступает в качестве индикатора социально-культурного развития региона.

4. Качество образования, предоставляемого в регионе, которое рассматривается с позиций соответствия личностному развитию индивидов, способствуют их самоопределению и становлению региональной идентичности. Анализ ведется с позиций соответствия содержания образования поставленным целям и использованием адекватных технологий обучения.

5. Качество предоставления услуг (социальных, образовательных, досуговых) оценивается с позиций соответствия потребностям населения в такого рода услугах и возможностей квалифицированного их предоставления.

6. Инновации в социокультурной сфере, которые используют и/или создают субъекты регионального культурно-образовательного пространства, оцениваются с позиции соответствия современному пониманию специфики инновационного развития и результатам их использования в каждом конкретном случае.

7. Специфика межсубъектного взаимодействия в региональном культурно-образовательном пространстве, опирающееся на осознание единства в многообразии как условия существования культуры и признание ценностей регионального развития как условия формирования образа региона (как «региона-для-себя» и «региона-для-других»).

Методы, используемые в гуманитарной (культурологической) экспертизе регионального культурно-образовательного пространства, традиционны для гуманитарных наук: контент- и интент-анализ документов, медиа-текстов и визуального материала; метод семантического дифференциала; информационно-целевой, логический и психологический анализ; проведение фокус-групп и экспертных интервью, что позволяет сочетать т.н. кабинетные и полевые методы исследования.

3.2. Культурная политика в регионе: векторы развития

В самом общем виде политика – это наука государственного управления. Традиционно считается, что культурная политика – это направленные действия государственных органов по управлению в сфере культуры. При этом культура понимается в узком смысле – как художественно-творческая сфера человеческой деятельности. Такое понимание связано со специализированностью нашей жизни, выделению отдельных областей человеческой деятельности, в том числе и становящихся объектами для различных государственных управленческих действий.

Однако сегодня такое понимание воспринимается как ограниченное. На проходившей в Стокгольме в 1998 г. Межправительственной конференции по использованию культурной политики в интересах развития культура определяется как «весь комплекс наиболее ярких духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных черт, характеризующих общество или социальную группу». Следовательно, культурная политика исходит из представления о едином культурном пространстве страны, в котором сочетаются различные этнические и региональные культуры, сосуществуют многочисленные социальные группы, единство которого обеспечивается признанием

универсальных общечеловеческих норм и ценностей и традиций отечественной культуры.

Культурная политика – система направленных действий на сохранение, трансляцию и воспроизводство ценностей культуры, опирающаяся на концептуальные представления о роли и месте культуры в жизни общества и правовые регулятивы, реализующаяся через организационно-управленческие решения и привлечение материально-технических, финансовых, кадровых, информационных ресурсов.

Цель культурной политики – в воспроизводстве общенациональной картины мира, которая дифференцируется в локальные картины мира отдельных социальных групп. Культурная политика направлена на реализацию сущностных сил человека, на его самопроявление и творческое самовыражение.

Реализация культурной политики – важнейшая функция государства. В зависимости от того, к какому типу относится государство, изменяются и цели культурной политики, корректируются ее направления. В странах с тоталитарными режимами государство стремится контролировать все сферы человеческой жизни и рассматривает культурную политику как средство идеологического воздействия на различные группы населения. В странах с демократическими традициями государство определяет стратегические направления культурной политики, но выбор форм и содержания конкретных действий в данной области предоставлен отдельным социальным группам и общественным институтам.

Несмотря на существенные различия, государственная культурная политика направлена на сохранение и преемственность национально-культурных традиций, национального культурного наследия, обеспечение общедоступности ценностей культуры, создание возможностей для

привлечения различных слоев населения к социально-культурному творчеству.

Современные исследователи сферы культурной политики предлагают рассматривать ее в широком и узком смысле. В широком смысле под культурной политикой понимают совокупность государственных программ развития, направленных на сохранение и развитие общенациональной культуры. В узком смысле слова под культурной политикой понимают совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры. При этом под культурой понимают сферу художественной культуры, образования и науки.

Общество в целом выступает одновременно и объектом (на кого направлено действие) и субъектом (тем, кто действует) культурной политики. Как считает А. Я. Флиер, «будучи одновременно и объектом и субъектом культурной политики, общество действует как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся социокультурная система, непрерывно адаптируясь к изменяющимся условиям бытия (в первую очередь изменением своих культурно-ценностных ориентации, во многом стимулирующих и изменение утилитарных социальных потребностей, определяемых не в последнюю очередь соображениями социальной престижности, моды, идейно-ценностными установками и т. п.). Разумеется, роль профессиональных культуротворческих организаций при этом чрезвычайно важна, но они выступают лишь в качестве регуляторов, референтных групп, «подсказывающих», задающих эталонные образцы, направляющих и стимулирующих процессы социокультур-

ной самоорганизации, саморазвития и особенно самовыражения общества в тех или иных формах»⁸⁰.

Почему на первый план в определении культурной политики обращают внимание на государство? Это обусловлено тем, что оно в большей степени обладает соответствующими ресурсами и может оказывать воздействие как на производство культурных ценностей, так и на их отбор, сохранение, распространение и восприятие.

В силу того, что именно государство обладает наибольшим объемом ресурсов и определяет управленческие решения, принимаемые на различных уровнях разнообразными структурами, оно оказывает на культурную жизнь страны заметное влияние.

На протяжении последних десятилетий цели культурной политики конкретизируются. Если раньше под культурной политикой можно было понимать исключительно сферу просвещения и приобщения в самом широком смысле этого слова к художественным ценностям, то с 1970-1980-х гг. в европейских странах происходит переосмысления направлений деятельности в области культурной политики.

Получившая после Второй мировой войны идея культурной демократии или равного доступа всех к культуре опиралась на представление о цивилизирующей, облагораживающей роли искусства и о демократизации доступа к нему как к общественному благу (Ф. Матарассо, Ч. Лэндри). Приоритетами культурной политики считались разработка образовательных программ, обеспечивающих знакомство с ценностями культуры, популяризация достижений культуры в средствах массовой информации.

В 1970-е гг. на смену лозунгу культурной демократии – «культура для всех» – пришел лозунг демократиза-

⁸⁰ Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000. URL: <http://www.countries.ru/library/politic/newcp.htm>

ции культуры – «культура для каждого». Внимание стало уделяться не столько культурно-потребительской деятельности, но личному участию отдельных людей и социальных групп в культурной жизни. Шла переориентация управления культурой с общегосударственного на региональный и местный уровни (процесс децентрализации). В сфере культурной политики он означает как децентрализацию культурной деятельности, так и децентрализацию полномочий принятия решений.

В 1980-е гг. особое значение для определения целей культурной политики приобрело представление о культуре как факторе развития общества, стало очевидным, что инвестиции в культуру имеют неизбежный социально-экономический эффект и служат общественному благу. Такой подход получил название инструментального.

Сочетание децентрализации и инструментального подхода к культуре привело к тому, что на Стокгольмской конференции в 1998 г. ЮНЕСКО предложила государствам-членам поставить культурную политику в центр стратегий развития. Л. Е. Востряков систематизировал различные взгляды на сущность и специфику культурной политики, обозначив ее уровневый характер. В своей работе «Государственная культурная политика современной России: региональное измерение» он выделяет три уровня государственной культурной политики: *идеолого-концептуальный* (основные положения, раскрывающие ценности и идеалы общества и государства), *политический* (конкретные установки и требования политической элиты) и *реализационный* (степень освоения и воплощения целей и принципов данной идеологии)⁸¹. И, исходя из этого, определяется разнообразие моделей культурной политики.

⁸¹ Востряков Л.Е. Государственная культурная политика современной России: региональное измерение. Автореф. дисс... доктора политических наук. М., 2007. С. 14.

Обобщая цели и задачи культурной политики, А. Я. Флиер отмечает, что культурная политика должна быть неотъемлемой частью всех без исключения направлений государственной политики в целом, отражая ее духовно-ценностный и нравственно-нормативный аспекты; стать важнейшей составляющей социальной политики, которая в современных условиях может быть лишь комплексной социально-культурно-образовательной; образовывать собственно культурную политику (в узком смысле) как особое направление государственной и регулируемой государством общественной деятельности по стимулированию социально приемлемых и предпочитаемых духовно-ценностных и социально-нормативных проявлений человека, содержания и форм его общественного и индивидуального бытия.

В Российской Федерации разработана правовая база, обеспечивающая сохранение и развитие культуры. Законодательство России в сфере культуры опирается на ряд основополагающих принципов: признание основополагающей роли культуры в развитии и самореализации личности, гуманизации общества и сохранении национальной самобытности народов, утверждении их достоинства; понимание неразрывной связи создания и сохранения культурных ценностей; признание необходимости приобщения к культурным ценностям всех граждан; стремление к межнациональному культурному сотрудничеству и интеграции отечественной культуры в мировую культуру. В «Основах законодательства РФ о культуре» отмечается, что культурные аспекты обязаны учитываться во всех государственных программах экономического, экологического, социального, национального развития различного уровня (от общефедеральных до программ развития отдельных областей, краев, городов). Признание того, что культурная деятельность является неотъемлемым правом каждого граж-

данина независимо от национального и социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и иных убеждений, места жительства, имущественного положения, образования, профессии или других обстоятельств и акцентирование приоритета прав человека по отношению к правам государства, организаций и социальных групп, становится основой для выработки управленческих решений по реализации этих прав.

В Свердловской области приняты основные нормативные документы, регламентирующие сферу культурной деятельности. К ним относятся Законы, действующие на территории Свердловской области («О культурной деятельности на территории Свердловской области», «О музейном деле в Свердловской области», «О библиотеках и библиотечных фондах в Свердловской области», «О профессиональных творческих работников и творческих союзах в Свердловской области», «О государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в Свердловской области»), постановления областного Правительства, указы Губернатора.

Среди документов областного значения, регулирующих сферу культуры в Свердловской области, особое место занимают областные целевые программы «Развитие туризма в Свердловской области» на 2011-2016 годы и «Развитие культуры в Свердловской области» на 2011-2015 годы, а также разработанная Концепция развития культуры в Свердловской области (2012 – 2020 гг.), в которых обозначены краткосрочные и долгосрочные перспективы развития сфер культуры в Свердловской области.

Собственно региональные концепции развития социальной сферы разрабатываются различными субъектами Российской Федерации с целью отметить, с одной стороны, значимость того или иного направления, с другой – определить путь и стратегические ориентиры на ближай-

шее или отдаленное будущее. Особенность таких документов в том, что они предполагают систему мероприятий, позволяющих реализовать поставленные цели и задачи, и раскрывают критерии и показатели, по которым можно определить уровень достигнутых результатов.

Многие из существующих концепций скорее опираются на отраслевой принцип, акцентируя развитие театрального, библиотечного, музейного или архивного дела, культурно-досуговой сферы, сферы художественного образования и развитие отраслевой инфраструктуры через модернизацию материальной базы, технического и технологического оснащения учреждений культуры.

На наш взгляд, из разнообразия концепций развития культуры регионов России можно выделить прежде всего концепцию культурной политики в Пермском крае – «Пермский проект». Это была первая масштабная концепция, в которой отразились представления о культуре как основе и ресурсе для инновационного развития территорий. Сделанный в концепции акцент на развитие творческих индустрий и «культурных технологий» должен был обеспечить «расширение культурного поля как пространства выбора жизненных стратегий», что является одним из условий существования постиндустриальной креативной экономики. Авторами концепции (авторский коллектив под руководством Е. Зеленцовой) была заложена идея превращения культурного сектора в «локомотив социально-экономического развития», для чего и обозначена была необходимость разработки культурной политики как пространства для дискуссий различных субъектов культурного поля.

Несколько лет реализации «Пермского проекта» позволяют увидеть как его сильные, так и слабые стороны. При всей неоднозначности событий, происходивших в Перми и связанных с реализацией заданных концепцией

культурной политики векторов развития, можно сказать, что одним из результатов стала активизация социальных коммуникаций в территории, обсуждение насущных проблем и попытка «разбудить» спящую провинцию. Удаленность от столицы – еще не повод считать себя недостаточно развитыми. И стремление авторов «Пермского проекта» создать новый имидж города и региона как культурной столицы оправдано и перспективно. Другое дело, что обрушившаяся критика и не утихающие до сих пор споры, насколько проект оправдал ожидания, имели под собой серьезное основание: нельзя изменить образ жизни насильственным путем, отрицая или нивелируя имеющиеся связи и опыт социально-культурного развития, невозможно в одночасье создать «новую Пермь» (как, впрочем, и новую Москву, Париж или любой другой город), не учитывая характер сложившихся взаимных диспозиций в культурном пространстве.

Уже зная об опыте Перми, авторы концепции развития культуры Свердловской области (авторский коллектив под руководством проф. Л. А. Закса) определяют направления модернизации с учетом сложившихся в Свердловской области реалий. Понимая, что в современном мире культура «становится условием и средством решения насущных и острых (рождающих социальную напряженность) проблем региона, конкретных местностей», авторы отмечают, что *«обеспечение соответствующих современным стандартам и потребностям образа и качества жизни [курсив – авт. – И.М.] рядовых жителей отдаленных от культурных центров территорий»*⁸² является сущностной потребностью, поскольку решает и задачу закрепления молодежи в малых городах и поселках, и формирует «заказ» на высокое искусство, и

⁸² Концепция развития культуры в Свердловской области (2012 – 2020 гг.). – Екатеринбург, 2011. С. 5.

обеспечивает возможности самореализации для творчески одаренных людей. Осознание ценности национальной культуры, ее способности противостоять засилью «ширпотреба», «пустоте и скуке бедной и серой повседневности» позволяет в культурной политике подчеркнуть ее социальную направленность и тот факт, что в реализации поставленных целей важными аспектами являются не только производство культурных ценностей (продуктивная функция культуры), но и деятельность по сохранению, распространению/трансляции и потреблению/освоению культурных ценностей (репродуктивная функция культуры).

В Концепции развития культуры Свердловской области выделяются следующие направления деятельности по совершенствованию функционирования отрасли:

«1. Обеспечение (создание и совершенствование) необходимых условий для *продуктивной творческой деятельности* во всех сферах отрасли: создания современных высококачественных (в идеале – мирового уровня) культурных ценностей и событий; создания и развития инновационных организационных форм (институций) и механизмов культурной деятельности; сохранения, умножения и развития содержательного, языкового и видового разнообразия культурной сферы и ее продуктов;

2. Обеспечение необходимых условий для функционирования, количественного роста и развития системы организационных форм и механизмов культурной деятельности по *сохранению* культурных ценностей прошлого и настоящего, их *трансляции* (распространению) и *освоению* (потреблению) населением;

3. Стимулирование и обеспечение роста социокультурной и экономической эффективности и качества всех компонентов сферы культуры; существенная *интенсифи-*

кация деятельности учреждений и всех субъектов культурной деятельности;

4. Повсеместное внедрение в отрасли *передовых технологий* организации и управления культурной деятельности и социально-производственных отношений в сфере культуры, социального продвижения культурных продуктов и их потребления;

5. Привлечение, стимулирование и поддержка *новых социальных субъектов* культурной деятельности и *партнерских отношений* в сфере культуры;

6. Создание и эффективное использование системы *научного сопровождения* (мониторинга, экспертного анализа, оценки, прогнозирования и проектирования) функционирования и развития сферы культуры;

7. *Обучение и переподготовка* руководителей и работников отрасли в контексте потребностей и процессов ее развития»⁸³.

Проведя детальный анализ фактического состояния дел в сфере культуры Свердловской области и выделив «болевые» точки, авторы концепции констатировали, что не только отставание материально-технической инфраструктуры или недостаточная квалификация сотрудников учреждений культуры виной тому, что снижается интерес к деятельности отрасли, но и невостребованность предлагаемых жителям области культурных услуг. Нет сомнения в том, что обеспечить конкурентоспособность учреждений культуры может не только интенсивная деятельность, но и способность вовлечь в нее людей. По сути, речь идет в том числе и о «созидании» публики, готовой воспринимать и участвовать в творческой деятельности.

Вовлеченность социума в культурно-творческую деятельность в современных условиях может рассматриваться как первоочередная задача, поскольку для успеш-

⁸³ Там же. С. 7-8.

ной реализации культурной политики участие различных социальных групп выступает в качестве важного условия. Но, как справедливо отмечается, реалии современной жизни свидетельствуют об обратном. Нельзя не согласиться тезисом о том, что качественная сторона культурной жизни состоит в возможности для культуры осуществлять мировоззренческую, ценностно-ориентационную, воспитательную функции, обеспечивающих реализованность социокультурного потенциала жителей.

Среди предлагаемых направлений культурной политики в Свердловской области мы для себя отметили, в частности, проблемы ассортимента, количества, качества и доступности предлагаемых культурных услуг и культурных ценностей и необходимые в связи с этим изменения в системе художественного образования и воспитания. Эти проблемы взаимно обуславливают друг друга: зритель/слушатель/читатель с высоким уровнем сформированных потребностей и опытом творческой деятельности предполагает разнообразный «репертуар» культурных услуг, и, наоборот, широкие возможности востребуют художественно-образованную личность.

В связи с этим можно сказать, что продуктивность культурно-образовательного пространства во многом определяется характером предоставляемых культурных услуг и открывающимися возможностями для развития творческой личности.⁸⁴ При этом творческая самореализация носит разнонаправленный характер, и задача, в том числе культурной политики, обеспечить условия для творчества.

Для развития творческого потенциала жителей в Концепции развития культуры Свердловской области

⁸⁴ При этом под «творческой личностью» мы понимаем человека, готового к деятельности в самых разных областях по созданию новых материальных и духовных ценностей, условием жизни которого является самореализация и раскрытие внутренних сил и потенциала.

предлагается создать несколько подпрограмм в областной целевой программе «Развитие культуры в Свердловской области» на 2011-2015 годы:

1. *Развитие традиционных искусств.* Подпрограмма включает финансирование (в форме госзаказов, госзаказов и предоставляемых на конкурсной основе грантов и стипендий) социально значимых долгосрочных (например, фестивалей искусств, создания новых учреждений культуры, периодических изданий и т.п.) и конкретных («одноразовых») творческих проектов (театральных, концертных и кинопостановок, изданий конкретных названий, создания конкретных картин, скульптур, выставок), в том числе на условиях партнерства и софинансирования. Поддержку в данной программе смогут получать не только профессиональные институты и субъекты, но и значимые в культурном отношении любительские, самодеятельные институты и проекты или «маргинальные» проекты с участием профессионалов и любителей.

2. *Актуальное искусство, творческие индустрии и креативные технологии,* включающая подпрограммы поддержки развития актуального искусства, поддержки развития творческих индустрий и новейших креативных технологий.

3. *Работающее культурное наследие,* в задачах которой сохранение, бережное и любовное, культурных богатств прошлого (памятников истории и культуры; фондов музеев, архивов, библиотек; традиций образа жизни народов Урала (обычаев, обрядов, бытовой материальной культуры и традиционных видов трудовой деятельности: народных промыслов и ремесел); традиционного искусства народов Урала) связывается с поиском возможностей для их актуализации, популяризации, продвижения и эффективного использования. Предлагается обратиться к сфере культурного туризма, органично связанного для террито-

рии с экологическим; актуализировать «региональную классику» через популяризацию произведений и их творцов, «обновление культурной мифологии» выдающихся представителей дореволюционной интеллигенции; провести комеморизацию и музеификацию традиционного образа жизни на Урале, обычаев и обрядов, промыслов и ремесел, материальной бытовой культуры, одежды, кухни, фольклора «коренных» народов Урала и более поздних этносов.

4. *Виртуальное пространство культуры Свердловской области*, раскрывающий потребность в создании единого интернет-портала «Культура Свердловской области», на котором будет обеспечен доступ к информации обо всех учреждениях культуры, культурных проектах, видеозаписях культурных событий и, в перспективе, создания интернет-телевидения «с культурной доминантой».

5. *Культура – будущему: образование и воспитание будущих субъектов культуры*. Целевая подпрограмма поддержки образования и воспитания, формирования и развития творческих способностей, знаний и умений детей и юношества, их приобщения к творческим процессам и ценностям высокой культуры.

6. *Пути культуры: развитие культурных связей центров и провинции в Свердловской области*. Целевая программа, стимулирующая, направляющая и финансирующая коммуникацию «культурные центры – провинция области»: гастроли художественных коллективов, поезда искусств, творческие десанты в отдаленные районы, маленькие города и сельскую местность, адресные поездки с лекциями-концертами в учебные заведения, творческие семинары и мастер-классы «столичных» деятелей культуры для коллег в провинции (режиссеров, актеров, менеджеров, педагогов, музейных и библиотечных работников).

7. *Культура Свердловской области в России и мире*. Целевая программа продвижения нашей культуры, ее

субъектов и продуктов на российской и международной арене⁸⁵.

Результатом реализации представленной Концепции станет позиционирование региона как культурно-значимого, обладающего потенциалом развития в постиндустриальном мире, авторитетного и конкурентоспособного в разных сферах экономики и общественного развития. Описанные в Концепции ресурсы развития могут и должны быть актуализированы. Одним из условий реализации культурной политики в регионе становится формирование круга квалифицированных независимых экспертов, способных на объективное, а не узковедомственное суждение о социокультурной значимости событий или проектов, и заинтересованных в развитии региона представителей СМИ.

Составной частью культурной политики в российской Федерации становится региональная этнонациональная политика, внимание к которой усилилось в связи с многочисленными конфликтами на межнациональной почве. Свои направления и концепции по формированию толерантного сосуществования представителей различных этносов определили, например, Челябинская, Самарская, Калининградская области. При всем разнообразии и непохожести регионов все они в качестве цели наряду со стремлением к сохранению и развитию этнокультурной самобытности народов называют сохранение исторически сложившейся целостности Российской Федерации и формирование общегражданской идентичности. Однако ни в одном из документов нами не было обнаружено такого важного фактора для сохранения миролюбивых отношений как формирования региональной идентичности. Утрата ощущения единства у представителей одного региона чревато

⁸⁵ Концепция развития культуры в Свердловской области (2012 – 2020 гг.). – Екатеринбург, 2011. С.62-75.

разрушением горизонтальных связей, обособленностью и, как следствие утратой собственного лица, что является явно нежелательным в ситуации активного формирования имиджа территорий.

В современной ситуации значимым направлением можно назвать создание надобластной (макрорегиональной) культурной политики, обеспечивающей необходимые условия для производства, сохранения, функционирования, развития и трансляции ценностей региональной культуры как объединяющего начала жизни. Существование такой концепции даст возможность найти пути для взаимодействия и сотрудничества областей, входящих в макрорегион, и позволит ярче и точнее определить особенности и ценность каждой отдельной территории.

Среди возможных путей решения поставленных задач обозначим активизацию потенциала, заложенного в культурно-образовательном пространстве региона. Движение «в сторону образования» позволит сформировать не только круг «потребителей культуры», но ее творцов и активных деятелей («делателей»). Результатом может стать сформированное *региональное сознание* – совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, религиозных и других взглядов, характеризующих содержание, уровень и особенности духовного развития жителей региона.

Возникает вопрос, насколько система образования как отрасль готова к решению таким образом сформулированных задач. Обратимся к нормативным документам, регулирующим сферу образования.

В Законе об образовании Свердловской области среди ключевых задач государственной политики в сфере образования обозначено единство федерального культурного и образовательного пространства, защита и развитие системой образования национальных культур, региональ-

ных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства. Реализация поставленной цели в практике образования претерпела на протяжении последних лет ряд изменений (первая редакция Закона вышла в 1998 г., последние изменения были утверждены в 2012 г.).

В задачи региональной образовательной политики входит не только обеспечение возможностей человека на получение качественного образования в любой доступной сфере независимо от места проживания, но и включения в учебные курсы социально-значимой для данного региона информации, способствующей формированию устойчивой ценностной основы жизни молодого человека. Именно этому был посвящен т.н. национально-региональный компонент содержания образования.

Если в национальных республиках национально-региональный компонент напрямую связан с изучением языка, истории и культуры народа, с формированием «образа» народа в сознании молодых людей, с эмоциональной насыщенностью этого образа, и мы наблюдали попытку опереться на образование в деле «национального возрождения», создать фундамент для новых членов общества, дать возможность обрести и осознать этническую идентичность (примером такой реализации национально-регионального компонента могут служить программы для национальных школ Татарстана и Башкортостана), то для регионов он связан с краеведческой проблематикой.

Курсы краеведческой направленности можно рассматривать как частный случай более широкого пространства – изучения региональной культуры. Восстановление истории – первый этап на пути обретения собственной идентичности жителями региона и формирования человека с исторической памятью. Поэтому особое место в исторических курсах занимают проблемы, связанные с освоением

края до «открытия» его русскими (процессы до колонизации), история освоения и контакты с коренным населением (при изучении Урала, Сибири, Дальнего Востока), рассмотрение роли региона в истории России через внимание к историческим личностям – первопроходцам в восточных регионах страны и политическим деятелям, влиявшим на судьбу страны, в западных регионах (примером может служить, например, интерес к личности П. Столыпина в Поволжье).

В обращении к истории отдельного региона особое значение приобретают ценностные характеристики: гордость за место, где ты живешь, и за людей, которые здесь жили, что формирует положительную идентичность у молодого человека, создает поле для поиска образцов. Однако одна ретроспекция не может удовлетворить всех духовных потребностей молодых людей. Возникает опасность увидеть в истории только «утраченный рай» и «утраченные возможности». Осмысление настоящего и «заряженность на будущее» молодых людей должна также получить свое воплощение в содержании образования. Обращение к современной геополитической, экономической, социальной и культурной жизни региона, исследование его проблем в контексте их возможного разрешения позволяют конкретной личности осмысленно выбирать свой жизненный путь.

На наш взгляд, интересен опыт Хабаровского края, где авторы учебных курсов пытаются осмыслить не только прошлое и обращают внимание на реальную историю освоения Приморья, но вычленяют ценностное ядро историко-обществоведческой проблематики. Так, проблемы приграничного региона осмысляются в контексте межкультурной коммуникации (сложные взаимоотношения с Китаем рассматриваются не только в контексте военных конфликтов и территориальных притязаний, но и как «встреча

культур», что в большей степени соответствует исторической правде и отвечает требованиям сегодняшнего дня); обращение к жизни коренных народов позволяет формировать не только положительную идентичность как у потомков коренных народов, так и у всех жителей края, но заставляет задуматься о роли каждого народа в судьбе всей страны, создает условия для формирования толерантности как необходимого качества личности современного человека; исследование природных богатств – обращает к проблемам экологии. Аксиологические моменты, акцентированные в содержании образования национально-регионального компонента, позволяли создать положительный образ региона, в котором живет молодой человек, и где ему, по всей видимости, предстоит устраивать свою будущую жизнь.

Ретроспективно обращаясь к опыту Свердловской области можно вспомнить, что в 1990-е – начале 2000-х годов в ней действовал региональный образовательный стандарт, в котором были определены цели и задачи национально-региональный компонент Государственного образовательного стандарта общего образования. Ставилась задача комплексного осмысления региональных процессов, подчеркивалась значимость самоопределения обучающихся, основой для которой выступали общекультурные и региональные ценности. В результате появился целый спектр изданий, обеспечивающих национально-региональный компонент образования Свердловской области («География Свердловской области», «История Урала», «Художественная культура Урала» и др.), ставших основой для образовательной практики.

Введение новых федеральных образовательных стандартов (далее – ФГОС) в Российской Федерации потребовало переосмысления направлений региональной образовательной политики в той ее части, которая связана с

новыми, адекватными сегодняшнему дню требованиями к результатам обучения. Опираясь на т.н. компетентностный подход, новые ФГОС обозначили три уровня результатов: личностные, метапредметные и предметные. Для нас в контексте нашей темы интерес представляют прежде всего личностные (формирование целостного мировоззрения и нравственной основы личности) и метапредметные (или – надпредметные, связанные с формированием универсальных учебных действий) результаты. Для становления творчески активной и рефлексивно направленной личности, готовой к выполнению разнообразных задач в учебной и практической деятельности важное значение приобретает не только освоение определенного «багажа» знаний, но овладение комплексом умений, позволяющих их реализовать и применить. В связи с этим особое внимание уделяется организации проектной деятельности учащихся. В целом, новый ФГОС ориентирует на освоение поля культуры и присвоения его результатов, ценностей и смыслов в ходе творчески-преобразующей деятельности. Нормативные документы в системе образования делают акцент на включении в образовательное пространство не просто социокультурной составляющей (знакомство с ценностями мировой, национальной и региональной культуры), но и тесного взаимодействия с учреждениями культуры, выступающими в роли активных участников процесса обучения-воспитания.

Собственно ориентиры культурной (в отраслевом смысле) и образовательной политики схожи: они базируются на идее развития целостной личности, опирающейся в своей жизни на осознанно выбранные ценности. Можно было бы назвать их социокультурными (тем более, что в той или иной степени они актуализируются в нормативных документах, посвященных молодежной и социальной политике). Вопрос, насколько эти позиции реализуемы.

3.3. Перспективы развития регионального культурно- образовательного пространства

Создание образов будущего – дело футурологов. Однако очевидно, что определение его конкурсов, выявление тенденций, понимание не до конца проявленных трендов и скрытых возможностей позволяет осознать значимость и сделать зримыми процессы, происходящие сегодня. Стало почти модой предлагать образы будущего, описывать возможные сценарии развития социальных явлений, определять риски и выявлять продуктивный потенциал принятых решений. Появилось отдельное направление социальных технологий – форсайт, предметом которого является не только формирование образа желаемого будущего и анализ предпринимаемых сегодня действий, но и разработка вариантов возможных мер, способных обеспечить оптимальную траекторию инновационного развития. Отличительными особенностями форсайт-проектов является то, что они ориентированы на инновации и нацелены на разработку практических мер по приближению выбранных стратегических ориентиров.

Говорить об инновациях в социально-культурной сфере довольно сложно, поскольку нет достаточной определенности в самом понятии. Часто под инновациями понимают внедрение достижений информационной культуры, использование новых технологий в представлении каких-либо достижений или «переформатировании» социальных групп и обществ в виртуальные. Важной составляющей инновационных процессов называют целенаправленную деятельность по созданию и внедрению организационных и/или управленческих нововведений.

Требованием сегодняшнего дня является переход к инновационной экономике, которая обеспечит будущее социально-экономическое развитие общества. Однако, как

справедливо отмечается, «противоречие между... организацией инновационного управления, его новыми задачами и во многом сохранившимися старыми методами, рутинными технологиями, формами и методами управленческой деятельности, а также провоцируемые инновациями изменения в системе общественных связей, научно-образовательных структурах, управлении социальным развитием в условиях организационно-культурных изменений»⁸⁶ не позволяют быстро пройти этот путь.

С другой стороны, требование инноваций в социально-культурной сфере – это императив, который обозначает необходимость соответствия внутренних потребностей того или иного социального института потребностям общества. И эти инновации не столько затрагивают менеджмент, сколько влияют на деятельность каждого внутри «системы».

Авторы и участники форсайт-проектов отмечают, что их целью не является начертание образа будущего, но выявление тех тенденций, которые могут при определенных обстоятельствах этот образ сделать реальностью. Это скорее прочерчивание возможных сценариев развития, выявление потенциала уже используемых перспективных технологий, нежели определение направлений сегодняшнего инновационного развития в социально-культурной сфере (см. представленные в последнее время форсайты «Детство 2030» и «Образование 2030»).

Наша задача значительно скромнее: на основе сделанного анализа попытаться найти возможные «точки роста» в близкой перспективе.

Среди инновационных направлений в развитии регионального культурно-образовательного пространства

⁸⁶ Табатадзе Л.О. Социокультурные особенности управления инновационными процессами. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2011. С. 3.

особое место занимает развитие информационных технологий, известная «виртуализация» современной жизни. Прежде всего речь должна идти о едином портале⁸⁷ (едином окне доступа), который бы аккумулировал сведения о культуре региона в ее историческом и актуальном существовании. Эти сведения представляют собой как текстовые ресурсы (информацию об исследованиях в области региональной истории культуры, о персоналиях деятелей культуры, образования и науки, базу памятников историко-культурного наследия), так и развернутый аудиовизуальный контент. Структура представления информации – нелинейная, с большим количеством гиперссылок и возможностей «перехода» на другие страницы сети. Вероятно, может быть использована технология wiki, позволяющей пользователям сети через web-интерфейс включиться в процесс добавления контента и его возможного редактирования.

Что дает такой портал? Помимо очевидного объединения информации о регионе (сегодня она разрознена и не систематизирована) такой портал выступает в качестве объединяющего начала для регионального сообщества. Он не только дает возможность познакомиться с регионом, но создает условия для индивидуальной и групповой исследовательской и творческой деятельности. Нет сомнений, что этот ресурс должен быть создан под эгидой регионального правительства и не быть узко ведомственным. Мы считаем, что такой формат позволит решить важную задачу формирования образа региона через презентацию его истории и актуального существования.

⁸⁷ Общероссийский информационный портал «Социальная карта Российской Федерации» (совместный проект Общественной палаты России и Министерства здравоохранения и социального развития, URL: <http://sockart.ru>) в силу обобщенности представленной информации обо всех регионах страны не позволяет решать вопросы презентации отдельного региона.

Объединенные ресурсы таких сфер, как образование (представление об образовательных программах, существующих в регионе, учреждениях, их реализующих, проектах в сфере образования), культура (представление учреждений культуры и их возможностей для регионального общества и потенциальных гостей, проекты в сфере культурного наследия, творческих индустрий, туристические сервисы), молодежная политика (круг возможностей, предоставляемых регионом для молодежи, молодежные инициативы, включая стартапы), наука и технологии (перспективные направления научных исследований, проводимые в регионе, возможности для молодых ученых, профориентационные проекты), религия (культурно-образовательные проекты, представленные отдельными религиозными организациями) создают возможность для формирования гражданских инициатив, а, значит, открывают перспективы для регионального развития. Информация о проекте в региональных СМИ создаст необходимый общественный резонанс. Однако в ситуации разобщенности и внутренней конкуренции между учреждениями и отдельными институтами создание такого портала видится только в очень далеком завтра. Шагами на пути реализации этого масштабного проекта могут стать отдельные инициативы: создание проектов для различных категорий социально активного населения, организуемых учреждениями культуры и образования.

Для системы образования участие в формировании будущего является одной из важных задач, поскольку именно система образования в силу всеобщности охвата может выступать в качестве транслятора культурных смыслов, в том числе и сформировавшихся в региональной культуре. Для этого существуют возможности в организации учебных программ региональной проблематики, создания проектов, реализуемых во внеурочное время в шко-

лах и вузах. Отчасти это продолжение реализации начатого в предыдущие годы т.н. регионального компонента образования, в рамках которого создавались учебные программы по истории, географии и культуре региона. Отчасти – это новое направление, объединяющее урочную и внеурочную деятельность на основе освоения культуры региона в самом широком спектре (не только в русле исследований исторического краеведения или художественных практик, но в сфере городского/территориального самоуправления, изучения научных достижений, гуманитарных или волонтерских проектов) через создание краткосрочных и долгосрочных проектов, в которые могут включаться образовательные учреждения различного уровня и ведомственной принадлежности.

Еще одним направлением для системы образования становится включение региональной проблематики в создаваемые программы для дистанционного обучения. Как и в случае внедрения учебных программ в стационарно существующие учебные заведения, речь идет не только об историко-культурных курсах, но и представление региона как поля для деятельности. Нам кажется необходимым создание дистанционных курсов (web-семинаров) по направлениям регионального развития. И здесь особое значение приобретают региональные вузы, которые готовят кадры для региона, но недостаточно учитывают необходимость позиционировать себя в таком качестве.

Расширение образовательного пространства приводит к активизации взаимодействий учреждений культуры и образования. Общность целей предполагает переопределение деятельности каждого из них. Продуктивность взаимодействий нам видится в обретении учреждениями культуры образовательного «статуса» (не только на уровне получения лицензий на образовательную деятельность в сфере дополнительного образования), но и превращения музе-

ев или театров в образовательные площадки. В театрах эта деятельность ведется через создание детской труппы, в музеях действуют т.н. музейные классы, в которых учащиеся дополняют сведения, полученные на уроках, но в полной мере единства сфер образования и культуры пока еще нет. В идеале, должна сформироваться единая система, в которой, например, посещение музея будет включено в образовательную программу⁸⁸. В этом смысле потенциал уральских музеев актуализирован явно недостаточно.

Сегодня активно обсуждаются вопросы профессиональной ориентации, ведется поиск новых направлений, позволяющих познакомить молодое поколение с возможностями будущей профессиональной деятельности. При этом потенциал учреждений культуры практически не используется. В ситуации перехода от индустриального типа производства к постиндустриальному и поиска стратегий для экономического развития территорий такой ресурс как знакомство с историей и сегодняшним днем промышленного кластера, технологическими достижениями, представленные в краеведческих и заводских музеях (равно как и в музеях других учреждений), почти не востребован. До сегодняшнего дня не решена задача музеефикации индустриального наследия Уральского региона, что лишь выступает в качестве дополнительного аргумента в разговоре о недостаточной популяризации региональной культуры. С другой стороны, очевидно, что обращение исключительно к прошлому не позволит сформировать ее позитивный образ в настоящем. Соответственно, есть потребность показывать, каким образом на отдельных этапах исторического развития региона актуализировались творческие силы его

⁸⁸ Сошлемся на европейский опыт, когда в музей приезжают учащиеся на уроки самого широко спектра: от истории и культуры до физики и технологии.

жителей, чтобы найти возможности для проявления инициативы в настоящем.

Этот разговор значим и в социальном плане. Сегодня на Урале острой проблемой является существование моногородов. Созданные для производственных нужд, они воспроизвели архаическую схему города-завода с той лишь разницей, что в силу огосударствления промышленного производства и государственного патернализма не было необходимости для проявления личной и групповой инициативы. Развитие культурно-образовательного пространства моногорода может проектироваться в логике творческих индустрий, использования их возможностей для самозанятости в сфере художественных практик, социокультурного сервиса, туристического бизнеса. Однако для уральских моногородов в силу их привязанности к реалиям советской традиции такие формы деятельности доступны лишь отчасти. Вероятно, вектором развития может выступать не сфера культуры, а сфера образования, которая актуализирует требования бизнеса (организация опытных производств, развитие сервисных услуг, связанных с использованием инженерно-технологического потенциала) или отвечает на свои собственные потребности (создание кружков и клубов, связанных с техническим творчеством, безопасностью жизнедеятельности, спорта). Сфера культуры в ее отраслевом смысле выступает в этой ситуации в качестве обеспечения культурно-досуговой деятельности, существование которой является вторичной по отношению к удовлетворению личностных потребностей, но сохраняет свою значимость как сфера возможного «приложения сил».

В перспективе изменяется и роль библиотек, по факту превращающихся в информационные центры. Сегодня анализ деятельности центральных библиотек позволяет сказать, что традиционное библиотечное обслуживание уходит в прошлое, библиотека превращается в многопрофильное

учреждение, оказывающее разнообразные услуги: от доступа к информационным ресурсам мировых библиотек через интернет-центры до проведения художественных выставок и организации клубов общения. Особым направлением становится организация образовательной деятельности через проведение обучающих семинаров, как для самих сотрудников, так и для посетителей. Отсюда появление и качественно нового сервиса – создание библиотеки многопользовательских онлайн-курсов, освоение которых поможет адаптироваться на региональном рынке труда.

Для региональных библиотек краеведческое направление является одним из значимых. В малых городах и поселках библиотеки могут использовать краеведческий материал в том числе и для создания «информационных поводов» для местных СМИ, формируя позитивное отношение к культуре края. По-видимому, этот потенциал может быть использован региональными СМИ гораздо шире, создавая более «объемное» видение территории для ее жителей и преодолевая пространственную удаленность от столичных (страны и региона) городов.

Успех любой перспективной стратегии состоит в формировании желаемого образа будущего и определения путей его достижения, с одной стороны, готовности и способности реализовать поставленные цели и достичь обозначенных ориентиров сообществом, с другой. В настоящее время многие из инициатив по расширению и развитию регионального культурно-образовательного пространства так или иначе реализуются, однако не осознаются их организаторами и участниками как составные компоненты единой программы. Решение задачи формирования региональной идентичности как условия сознательного отношения к региону как месту приложения и реализации творческих сил предполагает свободный доступ к культурно-образовательным ресурсам, подчеркивающим значимость

региона; развитие высокотехнологичных секторов экономики и признание достижений науки как ценности региональной культуры; понимание значимости собственного «лица», созданного в ходе истории и возможности его презентации как условия инвестиционной привлекательности территории; превращение жизненной среды в сферу культурного действия.

Таким образом сформулированная задача востребует качественно иное профессиональное образование – социокультурно ориентированное. По-новому артикулируются и требования к педагогическому образованию (оно должно готовить специалистов-тьюторов, обеспечивающих разработку и сопровождение индивидуальных образовательных программ учащихся и студентов в контексте потребностей регионального развития) и к образованию в сфере культуры (оно должно ориентироваться на подготовку технологов и менеджеров социально-культурной сферы). Требуется изменений и подготовка студентов, деятельность которых направлена на работу в различных отраслях: для них необходимы образовательные программы, представляющие регион и позволяющие найти себя на региональном рынке труда. Принципиально значимым является открытие такого образовательного направления как внутренняя регионалистика (регионоведение), объединяющее специалистов различных сфер, владеющих объемным видением региона.

Заключение

Урал представляет собой особую историко-культурную общность, выработавшую в ходе своего развития собственные формы функционирования, самоидентификации и самореализации. Региональная культура выступает тем началом, которое объединяет региональное сообщество в единое целое, позволяет адаптироваться к конкретным условиям существования, вырабатывая не только формы организации социальной жизни, но и формируя определенный тип личности, опираясь на определенную систему ценностей.

Региональное пространство нами понимается как территориально закрепленное «место культуры», воспроизводящее ее ценности и смыслы. Региональный социум рассматривается как продукт региональной культуры. Соответственно, региональное пространство мы рассматриваем как взаимообусловленное единство социального действия и его ценностной основы. Артефакты или социальные связи, микросообщества или способы ведения хозяйства — все может рассматриваться как компоненты социокультурного пространства. Частным случаем социокультурного пространства мы называем культурно-образовательное пространство.

Региональное культурно-образовательное пространство мы рассматриваем как поле самопроявления разнообразных субъектов: отдельных индивидов, осуществляющих свою деятельность в специализированных сферах образования и культуры (несмотря на различия в проявлении социальной активности мы можем сюда отнести не только профессионально ориентированных людей, но и тех, на кого их профессиональная деятельность распространяется), профессиональные сообщества, конфессиональные и этнокультурные группы. Обобщенно цели субъектов куль-

турно-образовательного пространства могут быть представлены как комплексные: информационные (овладение объемом информации, необходимым для ориентации в социально-культурном пространстве и обеспечения продуктивной деятельности), воспитательные (овладение системой социально-культурных норм), операционно-деятельностные (овладение системой навыков и умений для достижения поставленных личностных и/или профессиональных целей), существующие в единстве.

Региональное культурно-образовательное пространство рассмотрено как модель, в котором каждое из «измерений» культуры приобретает особую наполненность: как физическое пространство (учреждения культуры и образования в целом), как ментальное пространство (представления/образы региона в сознании людей), как символическое пространство (пространство, населенное смыслами культуры, воплощенными в конкретные формы и предметы), как социальное (пространство социальных связей).

Рассмотрение образовательных и культурных ресурсов в их единстве значительно расширяет возможности инновационного развития территорий, что позволило нам рассмотреть культурно-образовательное пространство как региональный кластер, решающий и организационные проблемы, обеспечивающие взаимодействие сфер образования и культуры (прежде всего через сетевое взаимодействие), и содержательные вопросы (через создание единого информационного поля), и выявить возможности для инновационного экономического развития (через активизацию творческих индустрий).

Возможность реализации сущностных сил человека и раскрытие его потенциала как социально значимая стратегическая цель развития региона рассматривается нами в связи с формированием региональной идентичности, характеристиками которой наряду с ощущением ответственности

за «место жизни» и признанием его ценностной основы является сознательное отношение к региону как месту приложения и реализации творческих сил.

Рассматривая возможности для интеграции сфер образования и культуры, мы обратились к музеям, которые в изменяющихся социокультурных условиях становятся новым коммуникационным пространством, актуализирующим смыслы региональной культуры.

Анализ регионального культурно-образовательного пространства потребовал разработки критериев, по которым возможно провести гуманитарную экспертизу реализуемых в нем проектов. Среди критериев выделены: определение социокультурной значимости проекта или деятельности учреждения/учреждений в региональном культурно-образовательном пространстве, раскрывающееся через предоставляемые возможности для отдельного человека или социальных групп для саморазвития, самопроявления и актуализации творческих сил, направленных на преобразование себя и окружающего мира; этическая оценка как отдельных проектов или институтов, так и сфер социальной практики, опирающаяся на неформализованные культурные традиции, привычки, обычаи, определяет границы допустимого в социально-культурной практике (соответствие принципу «как у нас принято»); индекс развития человеческого потенциала, в который включаются показатели уровня жизни, грамотности и долголетия, выступает в качестве индикатора социально-культурного развития региона; качество образования, предоставляемого в регионе, которое рассматривается с позиций соответствия личностному развитию индивидов, способствующему их самоопределению и становлению региональной идентичности; качество предоставления услуг (социальных, образовательных, досуговых), которые оцениваются с позиций соответствия потребностям населения в такого рода услугах и возмож-

ностей квалифицированного их предоставления; инновации в социокультурной сфере, которые используют и/или создают субъекты регионального культурно-образовательного пространства, оцениваются с позиции соответствия современному пониманию специфики инновационного развития и результатам их использования в каждом конкретном случае; специфика межсубъектного взаимодействия, опирающееся на осознание единства в многообразии как условия существования культуры и признание ценностей регионального развития как условия формирования образа региона (как «региона-для-себя» и «региона-для-других»). Методы, используемые в гуманитарной (культурологической) экспертизе регионального культурно-образовательного пространства, традиционны для гуманитарных наук: контент- и интент-анализ документов, медиа-текстов и визуального материала; метод семантического дифференциала; информационно-целевой, логический и психологический анализ; проведение фокус-групп и экспертных интервью, что позволяет сочетать т.н. кабинетные и полевые методы исследования. Частично гуманитарная экспертиза была проведена нами при анализе регионального культурно-образовательного пространства Среднего Урала, что позволило определить перспективные направления для его развития.

Список литературы

- Анисимова И.Д.* Роль образования в контексте проблем современного общества // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11. 2009. №4 (5).
- Ашкеров А. Ю.* Экспертократия: управление знаниями. Производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. – М.: Европа, 2009. 170 с.
- Барыгин И.Н.* Теория международных отношений и регионоведение в контексте основных научных парадигм // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. № 3. С. 114-123.
- Беликов А.* Экспертократия. Основа кризиса – в головах // Еженедельник-2000. 2010, 17 июня.
- Белова В.Л.* Регионоведение. Регионообразующие факторы // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 2. С. 57-67.
- Бондаревская Е.В.* Теория и практика личностно ориентированного образования. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. 352 с.
- Вендина О.* Стратегии развития крупнейших городов России: поиск концептуальных решений // Демоскоп № 247 – 248. 22 мая - 4 июня 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0247/analit01.php>
- Вершинин С.Е.* Социальное недоверие как проблема постсоветского общества. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.werschinin.ru/?ml=28>
- Власова Т.В., Сущинская М.Д.* Социальная экспертиза: Учебное пособие.– СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. 152 с.
- Востряков Л.Е.* Государственная культурная политика современной России: региональное измерение: дисс.... д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2007. 365 с.
- Гафар Т.* Образование в современном музее – пространство социализации // Мир музея. 2010. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirmus.ru/2012/201210/290-2012-11-11-14-59-09.html>
- Генова Н.М.* Культурная политика в процессе модернизации инфраструктуры культурного пространства региона. Автореф. дисс...д-ра культурологии. Кемерово, 2011. 42 с.
- Геральдика Свердловской области.* [Электронный ресурс]. URL: <http://gerb.rossel.ru>
- Герасимов Г.И.* Трансформация образования – социокультурный потенциал развития российского общества: дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 Ростов н/Д, 2005. 428 с.

Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. – М.: Педагогическое общество России, 2002. 512 с.

Глазычев В.Л. Городская среда. Технологии развития. URL: http://www.glazychhev.ru/books/gorodskaya_sreda/g1-3_soc-kult.htm

Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: «Прогресс», 1990. 495 с.

Горина А.В. Философско-антропологическая экспертиза как социокультурная технология. Автореф. дисс... канд. филос. наук. – Омск, 2012. 21 с.

Горяинова О.И. Культура повседневности в контексте методологии культурологического познания // Культурологический журнал. 2012. №1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cr-journal.ru/files/file/06_2011_17_17_53_1309094273.pdf

Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013-2020 годы» (Проект). [Электронный ресурс]. URL: [минобрнауки.рф/...Госпрограмма Развитие образования...](http://минобрнауки.рф/...Госпрограмма_Развитие_образования...)

Дарендорф Р. Тропы из утопии. – М.: Праксис, 2002. 534 с.

Декларация Ассамблеи европейских регионов о регионализме в Европе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0fd9b35443256c8a004e8835/0bb87e3076058a9443256c8a0047bc02!OpenDocument>

Доклад министра культуры и туризма Свердловской области Алексея Бадаева на заседании президиума Правительства Свердловской области 21 марта 2011 г. «Приоритетные направления развития культуры в Свердловской области на ближайшую перспективу и долгосрочный период». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mkso.ru/news/712>

Доклад о развитии человеческого потенциала в Пермском крае / Редактор С. Н. Бобылев, соредакторы Н. В. Зубаревич, П. И. Блусь, В. Г. Былинкина. – Пермь: НП «Профессиональный интерес», 2010. 130 с.

Екатеринбургская епархия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/index.php/departments>

Закон о казачестве. Проект. [Электронный ресурс]. URL: http://irepeater.com/feeds/feed/5889/item/zakon-kazachestve_3033929.html

Засыпкин В.П. Модернизация педагогического образования в условиях изменения требований к профессии преподавателя // Социология образования. – 2010. - №6. – с.39-49.

Зеленцова Е. На пути к творческой экономике. [Электронный ресурс]. URL: http://www.creativeindustries.ru/rus/publications/creative_industries_way

Индекс развития человеческого потенциала – информация об исследовании // Центр гуманитарных технологий. Гуманитарные технологии и развитие человека. Экспертно-аналитический портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>

Информационное агентство «Апельсин». [Электронный ресурс]. URL: http://apelcin.ru/o_nas.html

Источники информации и телепредпочтения россиян. [Электронный ресурс]. URL: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/10938>

Классика геополитики, XX век. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 731 с.

Комплексный проект модернизации региональной системы образования Свердловской области / Под редакцией А.И. Адамского. – М.: Эврика, 2008. 288

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/194365/>

Концепция комплексной программы «Новое качество жизни уральцев». [Электронный ресурс]. URL: http://economy.midural.ru/sites/default/files/files/proekt_koncepcii_05_08.pdf

Концепция развития культуры в Свердловской области (2012 – 2020 гг.) / Рук. авт.колл. Л.А. Закс. – Екатеринбург, 2011. 99 с.

Концепция сетевого взаимодействия учреждений общего, профессионального и дополнительного образования по обеспечению элективных и профильных курсов в системе профильного обучения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isiorao.ru/Progect/experience/profil/concescija.php/concescija.php>

Концепция федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014 – 2020 годы (Проект). [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/Документы.../610/12.05.21-фцп.нк.pdf>

Костикова И. Перспективы гендерного образования в России /И. Костикова, А. Митрофанова и др. //Высшее образование в России. 2001. №2. С. 68–75.

Культурно-образовательное пространство современного человека: Коллективная монография / Под ред. профессора Ю.Г. Голуба. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2010. 167 с.

Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и практический опыт. Коллективная монография / Автор-сост. Н. А. Кривич; Под общ. ред. В. А. Рабоша, Л. В. Никифоровой. – СПб.: Астерион, 2011. 383 с.

Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований. – М.: Смысл, 2010. 640 с.

Лейпцигская хартия устойчивого европейского города. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rfsustainablecities.eu/IMG/pdf/leipzig_charta_ru_2_cle65c185.pdf

Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры – Таллин: «Александра», 1992. 472 с.

Лунев С. Постижение Востока: регионоведение и регионализация // *Мировая экономика и международные отношения.* 2006. № 10. С. 110-117.

Магомедов М.Г. Социальное доверие в российском обществе: социологический анализ : дисс. ... доктора социол. наук : 22.00.04 – Ростов-на-Дону, 2009. 300 с.

Минин Е.М. Некоторые аспекты изучения регионоведения на постсоветском образовательном пространстве: современное состояние и перспективы // *Вестник Московского государственного лингвистического университета.* 2011. № 614. С. 170-181.

Монякова О.А. Культурно-образовательное пространство российской провинции с 1860-х гг. по 1917 год: структура и этапы формирования // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2010. № 5 (1). С. 245-252.

Музей и личность / Отв. ред. А. В. Лебедев, сост. М. Ю. Юхневич – М., 2007. 168 с.

Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Отв. ред. А. Щербакова. Сост. Н. Копелянская. – М. 2012. 176 с.

Музейное сообщество собралось вместе для обсуждения концепции развития музейной деятельности до 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://ulkul.ru/news/2263/>

Музейно-историческое сообщество региона. [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/misor>

Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ; под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. – М.: Институт антропологии РАН; Институт философии РАН, 2002. 356 с.

Мурзин А.Э. Новые образы регионов: вектор обновления России // *Человек в мире культуры: Межвуз. сб. науч. и науч.-метод. тр.* / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005.

Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания / Урал. гос. пед. ун-т – Екатеринбург, 2003. 205 с.

Мурзина И.Я., Мурзин А.Э. Художественная культура Урала: Электронное учебное пособие. – Екатеринбург: «Форум-книга», 2008.

Независимый институт социальной политики. [Электронный ресурс]. URL: <http://atlas.socpol.ru/about/index.shtml>

Новый символ Челябинска // Челябинский рабочий. 11.09.2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediazavod.ru/articles/58028>

О педагогических кадрах образовательных учреждений в РФ: Справочные материалы к заседанию Общественного совета при Минобрнауки РФ 16.02.2010. URL: teacher.org.ru/content/view/747/3

О состоянии системы образования Свердловской области в 2011 г. Ежегодный доклад. [Электронный ресурс]. URL: http://www.minobraz.ru/files/prilozhenie_k_postanovleniju_pravitelstva_sverdlovskoj_oblasti_ot_03.08.2012g._836pp_quot_o_ezhegodnom_doklade_quoto_sostojanii_sistemy_obrazovaniya_sverlovskoj_oblasti_v_2011_goduquot.pdf

Общероссийский информационный портал «Социальная карта Российской Федерации» (совместный проект Общественной палаты России и Министерства здравоохранения и социального развития. [Электронный ресурс]. URL: <http://sockart.ru>

Павловский И.В. Регионоведение сегодня // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 145-156.

Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2002. 880 с.

Пигалев А.И. Пространство культуры // Культурология. XX век. – 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/419.htm>

Платонов Ю. П. Экспертократия как технология власти // Социомом: Электронный научно-практический журнал. 2010. № 1(2). [Электронный ресурс]. URL: <http://socionom.ru/journal/statizhurnala/ehkspertokratija-kak-tekhnologija-vlasti/>

Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. – М.: Логос, 2001. 296 с.

Портал «Другой Урал. Альтернативный путеводитель по Уралу». [Электронный ресурс]. URL: <http://dr-ural.ru/oproekte.html>

Программа Президиума Российской Академии наук «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 166-178.

Развитие человеческого потенциала как стратегия позиционирования в социальной политике России / А. А. Попов, И. Д. Проскуровская, Е. С. Рожкова, А. В. Султанова. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3324>

Регионоведение : Учеб. для студентов вузов по экон. спец. / Т. Г. Морозова, М. П. Победина, С. С. Шишов, Р. Я. Исляев; Под ред. Т. Г. Морозовой – М. : ЮНИТИ, 1999. 527 с.

Религиозные организации Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.midural.ru/community/100326/>

Рензин О.М. Интеграция исследований пространств социума (о саммите исполнителей Программы № 31 Президиума РАН) // *Пространственная экономика*. 2013. № 1. С. 178-181.

Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/rossijskay3.html>

Руцкая И.И. Регионоведение и краеведение: масштабы различий и формы взаимодействий // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2009. № 3. С. 9-16

Рыков С.П. Гендерные исследования в педагогике // *Педагогика*. 2001. №7. С. 17–22.

Садыхин А.П. Теоретико-методологические ресурсы культурологической экспертизы // *Культурологический журнал*. Электронное периодическое рецензируемое научное издание. 2012. № 3(9). [Электронный ресурс]. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/148.html&j_id=11

Свердловская область. Объединения национальных меньшинств. Национально-культурные автономии и НПО. [Электронный ресурс]. URL: <http://minorities.ceprs.indem.ru/Sverd/Sverd09.htm>

Свердловское областное телевидение. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.obltv.ru>

Сверкунова Н. Сибиряки и «сибирство» // *Восточно-Сибирская правда*. 2000. 7 октября.

Синецкий С.Б. Культурная политика XXI века: теоретико-методологические основания и условия осуществления. Автореф. дисс... д-ра культурологии. Челябинск, 2012. 48 с.

Скоркин О.А. Гуманитарная экспертиза в системе образования // *Биоэтика и гуманитарная экспертиза*. 2007. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/bioyetika-i-gumanitarnaya-yekspertiza/vyp-1-2007/7366-gumanitarnaya-yekspertiza-v-sisteme-obrazovaniya.html>

Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ*. В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля ; Рос. ассоциация междунар. исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной. С. 81–107.

Социологические прогулки. Город ногами социолога [электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urban-club.ru>

Стенограмма общероссийской конференции «Какая федерация нам нужна?», организованной фондом «Либеральная миссия» совместно с Высшей школой экономики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inache.net/mnogo/802>

Стратегии развития крупных городов. Сборник практик. М., 2011. URL: http://www.e-gorod.ru/Documents/meropr/2011_12_22_Megapolis_XXI_vek/borniki/strategii_2011_12.pdf

Стратегический план развития Екатеринбурга до 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ekburg.ru/officially/strategy_plan/plan/strat_text/perviyrazdel/

Стратегический план развития Екатеринбурга до 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ekburg.ru/officially/strategy_plan/strat_text/perviyrazdel

Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://econom.midural.ru/prognoz/rps/472/>

Табатадзе Л.О. Социокультурные особенности управления инновационными процессами. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2011. 26 с.

Теоретическая культурология /Ахутин А.В., Визгин В.П., Воронин А.А. и др. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. 624 с.

Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности. – М.: Смысл, 2006. С. 10-29. [Электронный ресурс]. URL: <http://hpsy.ru/public/x2871.htm>

Уайт Л. Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С.421-442. Университет. URL: <http://www.uspu.ru/universitet>

Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/543>

Филиппов А. Ф. Социология пространства. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2008. 285 с.

Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический Проект, 2000. 496 с.

Фонд развития гражданского общества представил рейтинг социального самочувствия регионов России // Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/08/16/6128>

Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 тт. / отв. ред. Д. Л. Спивак. – СПб. : Алетей, 2008.

Цыцарев А.А. Социокультурные основания гуманитарной экспертизы. Автореф. дисс... канд. филос. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2012. 21 с.

Человеческий потенциал для инновационной экономики / Колл. монография / Под. ред. д.э.н. Иванова С. А. ИПРЭ РАН. – СПб.: ГУАП, 2011. 188 с.

Шатер Рамадана – 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://mromp.ru/organization/articles/546/>

Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-323064.html>

Шеховцева Л.С. Теоретические основы стратегического целеполагания региона // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2009. № 3. С. 20-26.

Штомпка П. Доверие: социологическая теория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 30-42.

Щербинина Ю.В. Экспертотократия: ремесло и промысел // Нева. 2012. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2011/12/sh16.html>

Экономика и социология доверия / Ю.В. Веселов, Е.В. Капустина, В.Н. Минина и др. Под ред. Ю.В. Веселова. СПб.: Социол. об-во им. Ковалевского М.М., 2004. 191 с.

Экспертиза в современном мире. От знания к деятельности / под ред. Иванченко Г. В., Леонтьева Д. А. – М.: Издательство: Смысл, 2006. 454 с.

Экспертиза образовательных инноваций /Под ред. Г.Н.Прозументовой. – Томск: Томский Государственный университет, 2007. 156 с.

Якимова Е.В. Теория социальных представлений в социальной психологии: дискуссии 80-х - 90-х годов: Науч.-аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Лаб. социологии. – М.: ИНИОН, 1996. 115 с.

18 июня – 20 августа, Музей изобразительных искусств (Волгоград) – выставка «Музей в Твоей жизни». [Электронный ресурс]. URL: http://www.gif.ru/afisha/2009-06-18-vlg/view_print/http://museum.fondpotanin.ru/diaries/project121/?action=diary

Pierre Bourdieu. Espace social: Champs et pratiques. Пьер Бурдьё. Социальное пространство: поля и практики. Сборник статей. Составление, общая редакция перевода и послесловие Н. А. Шматко. – М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3707/3708>

Содержание

Введение	3
Глава 1. Региональное культурно-образовательное пространство: структурно-функциональный анализ	7
1.1. Региональное культурно-образовательное пространство: попытка определения.....	7
1.2. Субъекты регионального культурно-образовательного пространства.....	31
1.3. Структурные компоненты регионального культурно-образовательного пространства	81
1.4. Культурно-образовательное пространство как региональный кластер	104
Глава 2. Культура и образование: пространство для взаимодействия	108
2.1. Развитие человеческого потенциала региона – цель или средство?.....	108
2.2. Стратегия развития города как инструмент развития социокультурного потенциала	123
2.3. Музей и школа: перспективы сотрудничества	135
Глава 3. Экспертиза регионального культурно-образовательного пространства	144
3.1. Социокультурная экспертиза: сущность и возможности	144
3.2. Культурная политика в регионе: векторы развития.....	155
3.3. Перспективы развития регионального культурно-образовательного пространства	175
Заключение	184
Список литературы	188



Научное издание

Мурзина Ирина Яковлевна

**Региональное культурно-
образовательное пространство:
структура, функции, социокультурный
потенциал**

Монография

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27, офис 105

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано в печать 01.04.2014. Формат 60×84/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,31. Тираж 500 экз. Заказ 114.

Отпечатано в типографии «Малахит».

620075, Екатеринбург, ул. Луначарского, 81 «Б», www.mlhit.ru